

СОЧЕТАНИЕ ИНТЕРЕСНЕЙШИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕТАЛЕЙ
С ПЕРВОКЛАССНЫМ ДЕТЕКТИВОМ.
ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ КНИГА.

Independent on Sunday

Темный ОГОНЬ

К. ДЖ. СЭНСОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Мэтью Шардлейк

Кристофер Сэнсом

Темный огонь

«Азбука-Аттикус»

2004

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Сэнсом К. Д.

Темный огонь / К. Д. Сэнсом — «Азбука-Аттикус»,
2004 — (Мэтью Шардлейк)

ISBN 978-5-389-18126-7

1540 год, Англия. Самое страшное оружие на этот момент истории – греческий огонь, обладание которым может решить исход любой военной кампании. Искусство его изготовления хранится в глубокой тайне, и могущественные противоборствующие группировки при дворе короля Генриха VIII пускаются во все тяжкие, чтобы завладеть этим секретом. Одно за другим следует череда преступлений, и горбун лорда Кромвеля Мэтью Шардлейк, вместе со своим помощником Бараком занимающийся их расследованием, постоянно рискуют жизнью, невольно становясь на пути у сильных мира сего. В мире литературных героев и в сознании сегодняшнего читателя образ Мэтью Шардлейка занимает почетное место в ряду с такими известными персонажами, как Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, Ниро Вульф и комиссар Мегрэ.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18126-7

© Сэнсом К. Д., 2004
© Азбука-Аттикус, 2004

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	54
Глава 8	62
Глава 9	70
Глава 10	80
Глава 11	89
Глава 12	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

К. Дж. Сэнсом Темный огонь

C. J. Sansom

DARK FIRE

Copyright © C. J. Sansom, 2004

All rights reserved

© C. J. Sansom, 2004

© Е. Е. Большелапова, перевод, 2006

© Т. Б. Кадачигова, перевод, 2006

© Издание на русском языке, оформление

•thebigbook•

КНИГИ К. ДЖ. СЭНСОМА
О МЭТЬЮ ШАРДЛЕЙКЕ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ
«АЗБУКА-АТТИКУС»:

Горбун лорда Кромвеля

Темный огонь

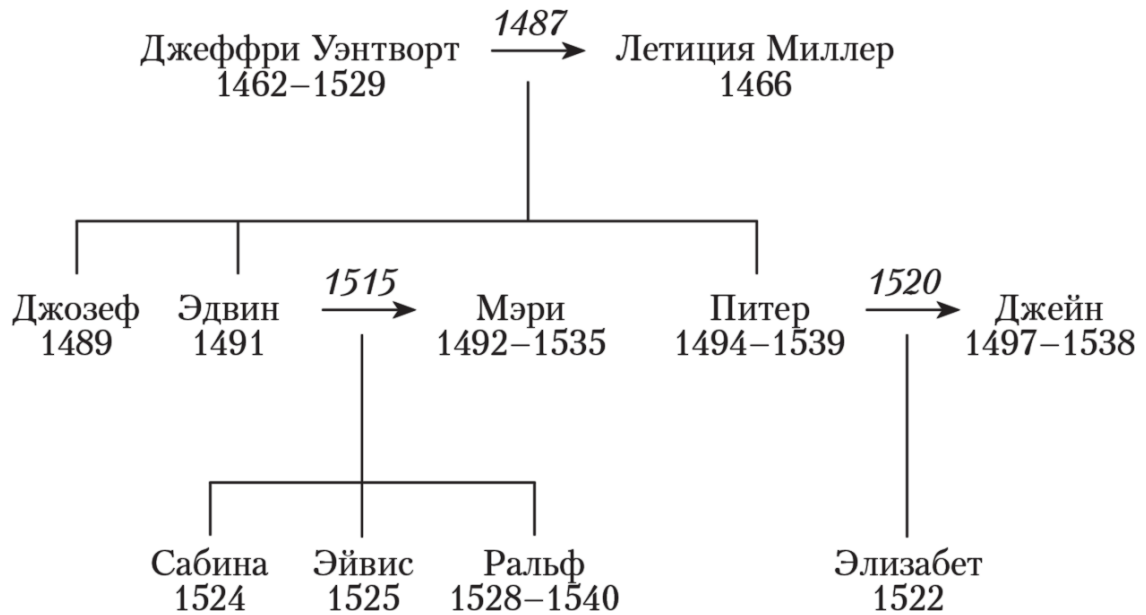
К. ДЖ. СЭНСОМ

Темный
ОГОНЬ

Санкт-Петербург

СЕМЕЙСТВО УЭНТВОРТА УОЛБРУКСКОГО В ЛОНДОНЕ

Глава 1

Выехав поутру из дома на Канцлер-лейн, я направился в Гилдхолл, чтобы обсудить некоторые обстоятельства дела, в котором я был задействован по поручению Городского совета. Несмотря на то что днем мне предстояла встреча с одним человеком и это обстоятельство не оставляло меня ни на минуту в покое, прогулка по Флит-стрит в тот ранний час доставила мне немалое удовольствие. На ясном голубом небосклоне уже показалось пылающее огнем дневное светило, обещая очередной жаркий день. Должен заметить, что столь теплая погода в конце мая нашим краям вовсе не свойственна. Однако, предвкушая ее с самого утра, я под мантию надел лишь легкий дублет. Пока мой старый конь Канцлер трусил по зеленым аллеям с недавно распустившейся листвой, я в очередной раз предался размышлениям, последнее время все чаще занимавшим мой ум. А не оставить ли мне судебную практику и не удалиться ли от городской суеты Лондона на заслуженный отдых? Через два года мне должно стукнуть сорок – весьма солидный возраст для мужчины. Возраст, с которого начинается свой отсчет зрелость. Впрочем, если дела будут идти успешно, оставлять их необязательно, и тогда жизнь моя не претерпит особых перемен. За подобными рассуждениями я не заметил, как мы с Канцлером миновали Адмиральский мост со статуями королей Гога и Магога, а впереди замаячила городская стена. Смахнув с себя некоторую расслабленность, я внутренне собрался, готовясь к очередной встрече со свойственными Лондону дурным запахом и суматохой.

В Городском совете у меня состоялся разговор с мэром Холлисом и барристером из муниципалитета. Городской совет проводил судебное разбирательство дела, касающегося одного из особо отличившихся своей алчностью скупщиков земельных угодий, которые в прошлом принадлежали монастырям. Замечу, что в ходе церковных реформ эти Божьи обители были закрыты и подверглись повсеместному разрушению. Причем последняя из них была стерта с лица земли совсем недавно, а именно весной 1540 года. Тем спекулянтом, о котором ныне шла речь, к моему стыду, оказался представитель школы барристеров, редкий негодяй и мошенник по имени Билкнэп. Завладев небольшим лондонским монастырем, он не спешил подвергнуть его уничтожению, а превратил в своего рода доходный дом, пользовавшийся дурной славой во всей округе. Кроме всего прочего, для своих жильцов он вырыл большую выгребную яму. Однако сделал это из рук вон плохо, поэтому все близлежащие дома, находившиеся в собственности Городского совета, стали страдать от проникающих в их подвалы зловонных отходов.

В ходе разбирательства данного дела Билкнэп был призван к исполнению предписанных ему законом обязательств. Однако негодяй направил протест в Высокий суд Англии, упирая на неправомерность выдвинутых в его адрес обвинений. Незаконными он считал их лишь на том основании, что, согласно первоначальному церковному уставу, монастырь к ведомству Городского совета не принадлежал. Слушание дела в суде было назначено через неделю. В разговоре с Холлисом я взял на себя смелость предположить, что ответчик, вероятней всего, будет признан виновным. Но также не упустил случая заметить, что этот тип принадлежал к тем ненормальным мошенникам, которые весьма редко попадают на пути защитников закона. Такие, как он, скорее согласятся получить сомнительное удовольствие от пустой траты времени и средств на всякого рода уловки, нежели признать собственное поражение и принять надлежащие меры, как подобает поступить всякому цивилизованному человеку.

Я намеревался вернуться домой той же дорогой через Чипсайд. Однако когда добрался до перекрестка с Лэд-лейн, то обнаружил посреди Вуд-стрит перевернутую телегу, перегородившую всю улицу. Часть груза, который представлял собой медный лом и замшелую черепицу, снятую с крыш монастыря Святого Варфоломея, просыпалась на дорогу, образовав весьма вну-

шительных размеров кучу. Телега была довольно крупная и запряжена парой больших тяжеловозов. И хотя кучер успел одного из них освободить от хомута, второй беспомощно лежал на боку меж оглоблей. Отчаянно колотя огромными копытами по черепице, он превращал ее в столь мелкие осколки, что в воздух вздымались тучи пыли. Охваченный ужасом, конь ржал, блуждая обезумевшим взором по окружавшей его толпе зевак. Я услышал, как кто-то обмолвился, что подобными телегами, но движущимися в обратном направлении, была запружена дорога вплоть до самого Кришплгейта.

Надо сказать, что подобными сценами в Лондоне уже никого не удивить. Грохот камня при разрушении старых зданий в последнее время стал привычным. Однако пустыющей земли в перенаселенном городе образовалось настолько много, что ни придворные, ни прочие падкие до легкой добычи люди, на плечи которых свалилось все это добро, не представляли, как с ним управиться.

Развернув Канцлера, я решил проехать другим путем и направил коня в сторону ведущего в Чипсайд хитросплетения узких улочек, которые подчас были столь тесными, что по ним с трудом мог проехать всадник, рискуя при этом задеть головой выступающие карнизы домов. Несмотря на ранний час, мастерские уже были открыты, а на улицах толпились люди – ремесленники, уличные торговцы и разносчики воды с оплетенными соломой кувшинами. Надо сказать, данное обстоятельство существенно замедляло мое продвижение вперед. Поскольку на протяжении целого месяца погода стояла засушливая, дождевые бочки опустели, что в свою очередь повысило спрос на привозную воду, а следовательно, и прибыли тех, кто ее доставлял в дома. Я снова вспомнил о предстоявшей мне встрече, мысль о которой терзала меня с самого утра и на которую при данном стечении обстоятельств я, скорее всего, мог опоздать.

Вследствие жаркой погоды сточные воды в канаве издавали столь густое зловоние, что, когда оно ударило мне в нос, я невольно сморщился. Потом откуда ни возьмись появилась свинья, перепачкавшая свое рыло в каком-то непонятном мусоре. Она неожиданно бросилась наперерез моему коню, так что я едва успел отдернуть его в сторону, невольно помянув при этом нечистого. Сорвавшиеся с моих уст проклятия не ускользнули от слуха идущих впереди меня двух молодых подмастерьев в голубых дублетах. Судя по раскрасневшимся и несколько припухшим лицам, они возвращались домой с затянувшейся дружеской пирушки. Один из них, коренастый парень с грубыми чертами лица, услышав мои ругательства, обернулся. Его преисполненный презрительной усмешки взгляд заставил меня тотчас прикусить язык и пришпорить коня. Я словно увидел себя его глазами: бледнолицый горбатый служитель закона в черной мантии и с футляром на поясе, в котором хранилось перо вместо меча.

Оказаться на широкой мостовой Чипсайда было воистину большим облегчением. Возле рыночных лавок сновали толпы людей. Ютящиеся под яркими навесами торговцы зазывали покупателей, беспрестанно выкрикивая: «Что желаете купить, господа?» Иные спорили с почтенными домохозяйками, которых легко было отличить по белым чепцам. Среди прочих прогуливалась по рынку в сопровождении вооруженной охраны некая знатная дама, белоснежное лицо которой прикрывал от солнечных лучей тряпочный козырек на шляпке.

Проезжая мимо собора Святого Петра, я услышал громкий крик продавца газетных листовок. Тощий парнишка в черном, заляпанном грязью дублете громкогласно вещал толпе: «В Уолбруке пойман и доставлен в Ньюгейт детоубийца!» Приблизившись к нему, я остановил коня и протянул юнцу фартинг. Послунявив палец, тот вытащил очередной листок и передал мне. Потом поспешно развернулся и, обращаясь к толпе, продолжил на еще более высокой ноте: «Самое страшное преступление года!»

Чтобы прочесть написанное на газетном листе сообщение, я остановился в тенистом местечке возле собора. В его окрестностях, по обыкновению, собралось множество нищих – как взрослых, так и детей. Прислонившись к стенам храма, тощие оборванцы не стеснялись обнажать свои раны и увечья, взывая к жалости прохожих. Поспешно отворотив взор от их

молящих взглядов, я вернулся к чтению газеты. Под гравюрой, изображавшей совершенно безликое, окаймленное беспорядочной гривой волос женское лицо, я прочел:

«В Уолбруке совершено ужасное преступление. Ревнивой кухней убит ребенок. В прошедший воскресный вечер 16 мая сего года в прекрасном доме сэра Эдвина Уэнтворта Уолбрукского, члена гильдии торговцев шелком и бархатом, на дне глубокого садового колодца со сломанной шеей был найден его сын, мальчик двенадцати лет. По показаниям дочерей сэра Эдвина пятнадцати и шестнадцати лет от роду, его столкнула туда кухня Элизабет Уэнтворт, сирота, которую сэр Эдвард после смерти ее отца призрел в своем доме из милосердия. Девушка доставлена в Ньюгейт, где должна будет предстать перед судом, назначенным на 29 мая сего года. Она отказывается отвечать на вопросы обвинения, поэтому, вероятнее всего, будет подвержена пытке. В случае же признания состава преступления ей предстоит отправиться в Тайборн в ближайший день казни».

Наскоро напечатанная на дешевой бумаге листовка оставила чернильные пятна у меня на пальцах. Засунув ее в карман, я развернулся и направил коня по Патерностер-роу. Присшествие, о котором я узнал из первых рук совсем недавно, ныне стало предметом дешевой шумихи. Виновна девушка или нет, навряд ли можно рассчитывать на беспристрастное отношение к ней со стороны лондонских законников. Нельзя не признать, что повсеместное распространение книгопечатания имело положительные стороны. К примеру, оно позволило нам обрести Библию на английском языке, которая ныне стала достоянием каждой церкви. Между тем у этого новшества была и обратная сторона. На нас посыпались подобные газетные листовки, сулившие немалые доходы их подпольным создателям, равно как и корм палачам. Воистину правы были наши предки, утверждая, что нет ничего прекрасного в подлунном мире, что бы человек ни извратил в силу своей природы.

Когда мы с Канцлером добрались до дома, солнце стояло уже в зените. Развязав ленту головного убора, я почувствовал, что под ней выступила испарина. Едва я спешился, как дверь отворилась и на пороге появилась Джоан, моя прислуга, на пухленьком лице которой запечатлелось явно беспокойное выражение.

– Он здесь, – озираясь, шепнула она преисполненным волнения голосом. – Дядя той девушки...

– Знаю.

Не исключено, что, проезжая по улицам Лондона, Джозеф тоже видел листовку, извещавшую об убийстве своего племянника.

– В каком он расположении духа? – осведомился я.

– Весьма мрачном, сэр. Я проводила его в гостиную. И принесла ему бокал пива.

– Спасибо.

Я передал поводья светловолосому худощавому мальчугану, который резво выскочил мне навстречу. Его недавно наняла ко мне на службу Джоан, чтобы он помогал ей в работе по дому. Канцлер к нему еще не привык и потому упрямо топтался на месте, так что однажды едва не наступил парню на босую ногу. Саймон, так звали юнца, отвесил мне поспешный поклон и, ласково разговаривая с конем, повел его в стойло.

– Нельзя ему позволять ходить босиком, – сказал я. – Надо бы приобрести для него башмаки.

– Но он не желает их надевать, сэр, – покачала головой Джоан. – Твердит, что они натирают ему ноги. Я не раз ему говорила, что в порядочном доме положено носить обувь.

– Скажите ему, что он получит шесть пенсов, если неделю проходит в башмаках, – произнес я и, вздохнув, добавил: – Ну да ладно. Пора идти. Джозеф, верно, меня заждался.

Джозеф Уэнтворт для своих пятидесяти с небольшим лет был человеком краснощеким и весьма упитанным. На нем был великолепного покроя дублет из шерстяной ткани приятного коричневого оттенка, хотя и слишком теплый для стоявшей на дворе погоды, поэтому неудивительно, что его обладатель чувствовал себя в нем крайне неуютно. Вид Джозефа соответствовал роду его занятий: работяга-фермер, владелец небольшого участка неплодородных земель где-то в Эссексе. Двое его младших братьев в свое время отправились искать удачу в Лондон. Он же предпочел остаться в отцовской деревне. Два года назад мне довелось вести дело по защите его фермы от притязаний одного крупного землевладельца, вознамерившегося превратить ее в пастбища для своих овец. Джозеф пришелся мне весьма по душе, поэтому, когда несколько дней назад я получил от него письмо, сердце мое сжалось от боли. Меня подмывало сказать ему честно, что вряд ли мне удастся помочь в интересующем его вопросе. Однако тон послания был крайне отчаянным, поэтому отказать сразу я просто не решился.

Когда он увидел меня, его лицо тотчас прояснилось. Он поспешно подошел ко мне и горячо пожал руку.

– Добрый день, сэр Шардлейк! Рад вас видеть! Надеюсь, вы получили мое письмо?

– Да, получил. Скажите, вы остановились в Лондоне?

– Да, в небольшой гостинице в Куинхите. Мой брат отказал мне в ночлеге, потому что я встал на защиту племянницы. – Его карие глаза горели отчаянием. – Вы должны мне помочь, сэр. Очень вас об этом прошу. Вы должны помочь Элизабет.

Я решил, что не стоит ходить вокруг да около, и сразу достал из кармана листовку, купленную у мальчишки-газетчика в Лондоне.

– Читали это, Джозеф? – протянув ее своему гостю, осведомился я.

– Да, – ответил он, проведя пятерней по черным кудрявым волосам. – И как только совесть позволяет им говорить подобные вещи? Разве она не считается невиновной, пока не доказана ее вина?

– По закону считается. Но на практике зачастую происходит совсем иначе.

Он достал из кармана искусно вышитый носовой платок и вытер им лоб.

– Я навещал Элизабет в Ньюгейте сегодня утром. О господи, до чего же жуткое место! Она по-прежнему отказывается говорить. – Он провел рукой по круглой, плохо выбритой щеке. – Но почему? Почему она отказывается говорить? Ведь это ее единственная возможность спасти себе жизнь! – Он бросил на меня умоляющий взор, будто я знал правильный ответ.

– Погодите, Джозеф, – предупредительно подняв руку, остановил его я. – Давайте-ка лучше присядем. И начнем с самого начала. Я знаю только то, что вы написали мне в письме. А значит, не намного больше того, что изложено в этой листовке.

Он с виноватым видом потянулся к стулу.

– Прошу прощения, сэр. Я не слишком хорошо владею пером.

– Итак, насколько я понимаю, один из ваших братьев является отцом погибшего при странных обстоятельствах мальчика. Правильно я говорю? А второй, добрая ему память, был отцом Элизабет?

Джозеф молча кивнул, делая усилие, чтобы взять себя в руки.

– Да, мой брат Питер был отцом Элизабет. Еще мальчишкой он уехал в Лондон, где работал подмастерьем в красильной мастерской. В общем, дела у него шли не так уж плохо, пока Франция не наложила запрет на вывоз своего товара. Словом, за последнее время торговля буквально сошла на нет.

Я кивнул. В самом деле, с тех пор как Англия разорвала отношения с Римом, Франция наложила запрет на торговлю квасцами, которые играли существенную роль в красильном деле. Не зря у нас в стране ходили слухи, будто даже сам король был принужден носить черные чулки.

– Жена Питера умерла два года назад, – продолжал Джозеф. – Когда прошлой осенью на Питера напала кровавая чума, денег хватило только на то, чтобы оплатить похороны. И ничего не осталось для Элизабет.

– У них в семье она была единственным ребенком?

– Да. Она хотела жить со мной, но я думал, что ей будет лучше с Эдвином. Я привык к холостяцкой жизни. Вы же знаете, что у меня никогда не было жены. К тому же у Эвина были деньги и дворянский титул. – В его голос закралась крупца горечи.

– И ко всему прочему, как следует из этого газетного сообщения, он торгует шелком и бархатом.

Джозеф кивнул:

– У Эвина умная голова. Будто специально созданная для такого дела. Когда он еще мальчишкой вслед за Питером подался в Лондон, то напрямик направился в мануфактуру. Он нутром чуял, где можно было получить наибольшую прибыль. Теперь у него великолепный дом неподалеку от Уолбрука. Честно говоря, Эдвин сам предложил взять к себе Элизабет. К тому времени он уже дал пристанище нашей матери. Она уехала с фермы десять лет назад. Вскоре после того, как перенесла оспу и потеряла зрение. Эдвин всегда был ее любимцем. – Его лицо чуть тронула кривая улыбка. – Три года назад у него умерла жена, и делами в доме начала заправлять наша мать. Надо сказать, что, несмотря на свои семьдесят четыре года и полную слепоту, она тем не менее умудряется держать всех в ежовых рукавицах.

Я заметил, что он вертит в руке носовой платок с таким усилием, что вышивка на его концах стала рваться.

– Выходит, Эдвин вдовец?

– Да. И отец троих детей. Сабины, Эйвис и Ральфа.

– Как следует из газетного листка, обе девочки уже достигли подросткового возраста. Значит, они были старше своего брата.

– Да, обе светловолосые, хорошенькие. Кожа у них такая нежная. Словом, они целиком пошли в свою мать. Только и делают, что болтают о моде, о кавалерах, о танцах и всяких прочих девичьих пустяках. По крайней мере, до последней недели все было именно так.

– А как выглядел Ральф? На кого он был похож?

Джозеф снова стал терзать в руках носовой платок.

– Он был целиком и полностью порождением собственного отца. Эдвин всегда хотел видеть в нем продолжателя своего дела. До Сабины жена родила ему троих сыновей, но ни один из них не дожил до годовалого возраста. Потом на свет появились две дочери, и лишь за ними – сын. Бедняга Эдвин был без ума от счастья. Может, поэтому он так его избаловал.

Джозеф запнулся.

– Почему вы так считаете?

– Ральф был сущим чертенком. Вечно придумывал какие-нибудь хитрости. Бедная мать была не в силах с ним справиться. – Он закусил губу. – Тем не менее смех у него был жизнерадостный. Помнится, в прошлом году я привез ему шахматы, и они ему так пришлись по вкусу, что он быстро выучился в них играть. И даже вскоре победил меня.

В тоне его голоса я ощутил, что Джозеф глубоко переживает одиночество, в которое поверг его разрыв с родственниками. Должно быть, нелегко ему дался этот шаг.

– Как вы узнали о смерти Ральфа? – тихо осведомился я.

– Я получил письмо от Эвина. Он послал его скорым гонцом на следующий день после трагического происшествия. Просил меня приехать в Лондон. Ему нужно было опознать тело Ральфа, но в одиночку он этого сделать не мог.

– И вы поехали в Лондон? Это было неделю назад?

– Да. Мы совершили опознание тела. Это было ужасно. Бедный Ральф лежал на грязном столе в своем маленьком дублете. В лице не было ни кровинки. Бедный Эдвин не выдержал

и заплакал. Я никогда не видел, чтобы он прежде себе это позволял. Он рыдал у меня на плече, приговаривая: «Мой мальчик, мой маленький мальчик. Чертова ведьма!»

– Очевидно, имея в виду Элизабет?

Джозеф кивнул:

– Потом мы предстали перед лицом закона, чтобы дать свидетельские показания. Слушание дела было недолгим. Я даже удивился, что все так быстро закончилось.

– Да, – кивнул ему в ответ я. – Гринуэй не любит долго церемониться. Кто именно давал свидетельские показания?

– Прежде всего, Сабина и Эйвис. До чего же странно было видеть их там. До сих пор не пойму, как им удавалось сохранять спокойствие и самообладание. Мне казалось, что обе бедняжки будут трепетать от постигшего их семью ужаса. Они поведали суду о том, что в роковое утро занимались рукоделием в доме. А Элизабет сидела под деревом у садового колодца и что-то читала. Они видели ее через окно в гостиной. Равно как видели то, что к ней подошел Ральф и о чем-то с ней заговорил. Потом они услышали крик. Страшный, удаляющийся крик. Они оторвались от работы и обнаружили, что Ральф куда-то исчез.

– Исчез?

– Да, исчез. Они сразу выбежали в сад. Элизабет стояла на краю колодца. Лицо ее было искажено таким гневом, что девочки поначалу боялись к ней приблизиться. Меж тем Сабина все же осмелилась спросить, что произошло. Но Элизабет ей ничего не ответила. И вообще с тех пор больше не вымолвила ни слова. Сабина рассказала, что они взглянули на дно колодца, но ничего не смогли разглядеть, ибо он был слишком глубоким.

– Это был действующий колодец?

– Нет. Из-за поступающих на протяжении многих лет нечистот грунтовые воды в Уолбруке стали грязными и непригодными к употреблению. К тому же Эдвин вскоре после того, как купил этот дом, провел к нему под землей трубу для подачи воды. Это было как раз в тот год, когда король женился на Анне Болейн.

– Должно быть, данное новшество вылилось ему в весьма кругленькую сумму.

– Эдвин – человек состоятельный. Однако ему все же следовало чем-нибудь заколотить колодец сверху. – Он потряс головой. – Давно надобно было это сделать.

Я живо представил картину падения в темный колодец, дикий крик ребенка, отзывающийся эхом от его сырых каменных стенок. И, несмотря на жаркий день, меня бросило в дрожь.

– Что девочки рассказывали еще?

– Эйвис побежала в дом дворецкого Нидлера. Он принес веревку и спустился на дно колодца. Ральф лежал со сломанной шеей. Его бедное тельце было еще теплым. Нидлер вытащил его.

– А сам управляющий давал свидетельские показания?

– О да. Дэвид Нидлер тоже предстал перед судьями. – Джозеф почему-то нахмурился.

– Этот человек вам несимпатичен? – мельком взглянув на него, спросил я.

– Весьма наглый тип. Вечно глумливо на меня смотрит. Косится всякий раз, когда я навещаю родню.

– Выходит, согласно показаниям девочек, ни одна из них не видела, что на самом деле произошло?

– Нет. Они оторвались от своего занятия лишь после того, как услышали крик. Элизабет часто сидела в саду одна. Ее отношения с остальными членами семейства не сложились с самого начала. Особую неприязнь она питала к Ральфу.

– Ясно. – Я прищурил один глаз. – А что собой представляет Элизабет?

Откинувшись на спинку стула, он положил смятый носовой платок на колени.

– В некотором роде она похожа на Ральфа. Такие же темные волосы и глаза, как у прочих представителей нашей ветви семейства. Помимо этого, она унаследовала у нас еще одну

характерную черту – делать все по-своему. Родители потворствовали ее прихотям, ибо она у них была единственным ребенком. Она могла быть дерзкой. Могла выдвигать свои требования тоном, который не подобает иметь молодой девушке. И вместо того чтобы разделять заботы своих сверстниц, предпочитала изучать книги. Кроме того, она неплохо играла на спинете и обожала вышивать. Она еще молода, сэр, очень молода. И уверяю вас, у нее доброе сердце. Она всегда выручала всех уличных котов и собак.

– Понятно.

– Однако нужно признать, что после смерти Питера она изменилась. И неудивительно. Сначала у нее умерла мать, потом отец. Затем продали их дом. Она замкнулась в себе, сэр. Перестала быть приветливой и разговорчивой девушкой, которую я некогда знал. Когда после похорон Питера я сказал ей, что для нее будет лучше, если она переедет к Эдвину, а не ко мне, сначала она метнула в меня исполненный невыразимого гнева взгляд. А потом отвернулась и больше не обронила ни слова.

Воспоминания, очевидно, растрогали моего гостя, ибо в уголках его глаз я заметил навернувшиеся слезы, которые он попытался скрыть.

– И когда она переехала к Эдвину, отношения с членами его семьи, насколько я понимаю, сложились не лучшим образом?

– Да. После смерти ее отца я навещал их несколько раз. Поверьте, сэр, я проявлял искреннюю заботу об Элизабет. И всякий раз, когда я там появлялся, Эдвин с моей матерью заявляли мне, что общаться с ней становится все труднее и труднее. Говорили, что подчас она бывает просто невыносимой.

– В каком смысле?

– Отказывается со всеми разговаривать. Часами не покидает своей комнаты. Отказывается от еды. Даже не заботится о том, чтобы поддерживать в чистоте и порядке свою одежду. Если кто-нибудь пытается ей сказать слово в упрек, она либо молчит, либо впадает в истерику, требуя оставить ее в покое.

– Значит, со своими двоюродными сестрами и братом она тоже не слишком ладила?

– Думаю, что Сабина и Эйвис в ее присутствии чувствовали себя несколько неловко. Они говорили следователю, что пытались заинтересовать ее своими девичьими увлечениями, но Элизабет всякий раз указывала им на дверь. Ей уже восемнадцать, сэр. Она несколько старше их. Тем не менее все они еще девчонки. Дети Эдвина вхожи в высшие круги общества. И могли бы многому научить Элизабет. – Он снова закусил губу. – Я так надеялся, что она сумеет устроить свое будущее. И вот к чему это привело.

– А почему вы считаете, что более других она невзлюбила Ральфа?

– Как раз это мне и непонятно. Эдвин как-то обмолвился, что стоило Ральфу приблизиться к ней, как она метала на него такой взгляд, что любого на его месте мог бы пробрать тихий ужас. Я имел возможность убедиться в том собственными глазами, когда гостевал у них в нынешнем феврале. Это случилось за столом во время обеда, на котором присутствовали все домочадцы. Неприятный выдался тогда вечер, сэр. Мы ели жареное мясо, брату оно весьма пришлось по вкусу, а вот Элизабет, по всей видимости, нет. Во всяком случае, сидя за столом, она играла со своим куском на тарелке. Моя мать сделала ей строгое замечание, но та не приняла его к сведению. Потом к ней довольно мирно обратился Ральф, спросив, нравится ли ей красное мясо. Она внезапно побледнела и, положив нож, смерила его таким злобным взглядом, что я даже заподозрил...

– Да.

– Я заподозрил, что у нее не все в порядке с головой.

– Не знаете ли вы какой-нибудь причины, из-за которой Элизабет могла бы питать ненависть к этой семье?

– Нет. Эдвин сам был озадачен. Не мог понять, что с ней происходит с тех самых пор, как она перебралась в их дом.

Меня интересовало, не было ли в доме сэра Эдвина какой-нибудь тайны. Каких-нибудь известных Джозефу обстоятельств, о которых он знал, но не говорил, – тех, которые зачастую являются обычным делом в семье. Хотя мне казалось, что он был со мной вполне откровенным.

– После того как нашли тело, – продолжал он, – Дэвид Нидлер запер Элизабет в ее комнате и послал письмо Эдвину. Брат примчался домой на лошади и бросился к комнате Элизабет. Но она наотрез отказалась отвечать на его вопросы. Тогда он вызвал констебля. – Джозеф развел руками. – Что еще ему оставалось делать? Он беспокоился за безопасность дочерей и своей престарелой матери.

– А как проходил допрос? Неужели Элизабет так ничего и не сказала? Ни единого слова?

– Нет. Следователь предупредил, что ее показания являются единственной возможностью себя защитить, тем не менее она продолжала сидеть, тупо взирая на него своим холодным пустым взглядом. Это привело его в сущее бешенство. И судей тоже. – Джозеф вздохнул. – Суд признал, что Ральфа убила Элизабет Уэнтворт, и ее приказали отправить в Ньюгейт. Там ей предстоит выслушать свой смертный приговор. За проявленную по отношению к судьям дерзость он распорядился поместить ее в Яму. А потом...

– Да?

– Потом Элизабет обернулась и посмотрела на меня. Всего на секунду. Сколько горечи и отчаяния было в этом взгляде, сэр. Ни капли гнева, одна лишь горечь. – Джозеф снова закурил губу. – В старые добрые времена она меня любила. Обожала гостить у меня на ферме. Братья считали меня деревенщиной, а Элизабет любила нашу ферму. Как только приезжала к нам, сразу бросалась навещать животных. – Он грустно улыбнулся. – Совсем маленькой она пыталась заигрывать с овцами и свиньями, как это делала со своими котятками и щенками. И очень удивлялась, когда они не отвечали ей взаимностью. – Он начал расправлять свой носовой платок. – Вот это она вышила для меня. Два года назад. Во что я только сейчас его превратил! Когда я навещал ее в этом ужасном месте, где она находится ныне, то пришел в ужас. Вся в грязи, она лежит, не вставая. Как будто смирилась с судьбой и ждет смерти. Я умолял ее со мной поговорить, но она смотрит сквозь меня, будто никого перед собой не видит. А суд назначен на эту субботу. Осталось всего пять дней. – Голос его оборвался и перешел в шепот. – Подчас я думаю, что она ненормальная.

– Погодите, Джозеф. Пока нет никаких оснований так думать.

Он поднял на меня умоляющий взор:

– Вы сможете ей помочь, сэр Шардлейк? Сможете ее спасти? Вы моя последняя надежда. С минуту я молчал, тщательно подбирая в уме слова.

– Против нее выдвинуты слишком серьезные обвинения. Их достаточно, чтобы признать ее виновной. Если Элизабет ничего не скажет в свою защиту... – Я запнулся, после чего добавил: – А вы уверены, что она невиновна?

– Да, – не задумываясь, ответил он, стукнув кулаком себя в грудь. – Я чувствую это сердцем. Она всегда была доброй душой. Единственной из всех представителей нашей семьи, у которой я встретил истинную доброту. Даже если предположить, что она не вполне здорова рассудком. Господь свидетель, это вполне может быть. Тем не менее я не могу поверить, что она способна убить двенадцатилетнего мальчика.

Я сделал глубокий вдох.

– Когда она предстанет перед судом, ее спросят, признает ли она себя виновной или нет. Если она ответит отрицательно, то по закону попытки к ней будет применять нельзя. Однако будет гораздо хуже, если она вообще откажется говорить.

– Знаю, – кивнул Джозеф.

– В таком случае ее подвергнут так называемому *reine forte et dure*¹. При этой пытке люди испытывают сильные и острые боли. Сначала ее, закованную в цепи, бросят в темницу Нью-гейта. Потом под спину подставят острый камень, а на грудь водрузят доску, поверх которой будут класть груз.

– Если б она только заговорила... – Иstorгнув стон, Джозеф закрыл лицо руками.

Но несмотря на его отчаяние, я продолжал. Он должен был знать, что предстоит вынести его племяннице.

– Еды и воды ей будут давать очень мало. А груз класть поверх доски с каждым днем все больший. И так будет до тех пор, пока она не заговорит или не умрет от удушья под действием давящего на нее пресса. В конце концов наступит миг, когда ее позвоночник сломается. – Я остановился. – Некоторые смелые личности отказываются отвечать на выдвинутые в их адрес обвинения и позволяют замучить себя до смерти. Дело в том, что, пока их вина не доказана, государство не имеет права присвоить себе их собственность. Есть ли у Элизабет какая-нибудь собственность?

– Никакой. Вырученных за продажу дома средств хватило лишь на то, чтобы покрыть долги Питера. После этого остались гроши, и те все пошли на его похороны.

– Послушайте, Джозеф. А что, если она и впрямь совершила это ужасное злодеяние, к примеру, в приступе беспамьятства. А ныне чувствует себя такой виноватой, что хочет умереть среди мрака темницы. Об этом вы никогда не думали?

Он покачал головой:

– Нет. Я не могу в это поверить. Просто не могу поверить.

– Вы знаете, что при разбирательстве дел осужденных преступников не дозволено проводить коллегиальное судейство?

Он мрачно кивнул.

– Причина заключается в том, что улики, необходимые для вынесения обвинительного приговора, являются столь непроверяемыми, что никакого совета не требуется. Боюсь, это сущая чепуха, ибо дела обыкновенно рассматриваются чрезвычайно поспешно. А решение судей являет собой не более чем обыкновенное предпочтение того или иного мнения. Зачастую они милуют осужденных лишь на том основании, что большинство служителей закона предпочитают лишний раз не отправлять людей на виселицу. Но в данном случае, – я бросил взгляд на лежавший на столе злосчастный газетный лист, – речь идет о детоубийце. Поэтому их симпатии будут на другой стороне. Ее единственная надежда – согласиться на защиту и рассказать мне все, что произошло. И если она в самом деле действовала в приступе помешательства, я мог бы сослаться на ее невменяемость и просить суд о помиловании. Это спасло бы ей жизнь. Ее отправили бы в сумасшедший дом. А у нас появилась бы возможность ходатайствовать за нее у короля.

Я понимал, что это потребует значительной суммы денег, гораздо больше той, которой располагал Джозеф.

Он поднял на меня глаза, и впервые за время нашего разговора я заметил искру надежды в его взгляде. Я понял, что слова «просить суд о помиловании» произнес, не подумав, и тем самым невольно выразил свое согласие взяться за это дело.

– Но если она будет молчать, – продолжил я, – ей никто не сможет помочь.

Он подался вперед и горячо сжал мою руку своими влажными ладонями.

– О, благодарю вас, сэр Шардлейк. От всей души благодарю. Уверен, вы спасете ее.

– Однако у меня такой уверенности отнюдь нет, – резко произнес я, после чего добавил: –

Но я попытаюсь.

– Я вам за все заплачу. У меня не так много средств, но я вам заплачу за труды.

---

¹ Наказание за непослушание властям (*фр.*).

– Я должен поехать в Ньюгейт и встретиться с ней. Осталось всего пять дней. Нужно увидеть ее как можно скорее. Но меня держит одно дело в Линкольнс-Инн. Боюсь, я смогу завтра освободиться только к вечеру. Давайте для начала встретимся с вами в таверне «Метла». Той, что находится по соседству с Ньюгейтом. В девять часов вас устроит?

– Да-да. – Он встал и, засунув носовой платок в карман, пожал мне руку. – Вы хороший человек, сэр. Божий человек.

«Скорее, ненормальный и бесхребетный», – заметил я про себя.

Тем не менее лестные слова Джозефа меня глубоко тронули. Я знал, что все члены его семейства были убежденными реформаторами, и услышать подобные заверения из их уст можно было крайне редко.

– Моя мать и брат убеждены в ее виновности. Они пришли в ярость, когда я сказал, что хочу ей помочь. Но я должен узнать правду. Во время дознания я обратил внимание на одно весьма странное обстоятельство. Нас с Эдвином оно просто поразило...

– Что именно?

– Мы увидели тело мальчика спустя всего два дня с того времени, как он умер. Хоть весна в этом году выдалась теплой, трупы хранятся в глубоком подвале, где достаточно холодно. Бедняжка Ральф находился там в своей одежде. Тем не менее от него невообразимо разило воню. Смердело так, как от отрубленной коровьей головы на скотобойне в жаркое лето. От этого запаха мне даже стало дурно. И следователю тоже. Я думал, что Эдвин лишится чувств. Что это может значить, сэр? До сих пор пытаюсь решить эту загадку. Что бы это могло означать?

– Друг мой, мы не в силах понять сути половины окружающих нас вещей. Хотя подчас они ровным счетом ничего не значат.

Джозеф покачал головой:

– Однако Господь желает, чтобы мы искали истину. Он дает нам ключи. К тому же, сэр, если это дело не будет решено и Элизабет умрет, истинный убийца, кто бы он ни был, останется на свободе.

Глава 2

На следующее утро я снова направился в Сити. День, как и прежде, выдался жарким, и отражавшиеся от ромбоидальных окон домов яркие солнечные блики слепили мне глаза.

У позорного столба возле Королевского штандарта стоял мужчина средних лет в хлопковом колпаке на голове и буханкой хлеба на шее. Как явствовало из надписи, он был булочником, который продал с недовеском хлеб. Его одежда носила на себе следы гнилых фруктов, однако большинство прохожих не обращали на него никакого внимания. Самым ужасным в этом наказании, пожалуй, было уничтожение. Однако так я думал, пока не бросил на мужчину взгляд и не обнаружил, что каждое его движение вызывало гримасу боли на лице несчастного. Долго находиться со связанными руками и ногами и склоненной вперед головой было весьма нелегко. Представив себя на его месте, я содрогнулся, едва ли не физически ощутив ту боль, которая могла бы при этом пронзить мою спину. Кстати говоря, благодаря Гаю в последнее время она беспокоила меня гораздо меньше.

У Гая была небольшая аптекарская лавка в узком переулке сразу за Олд-Бардж. Лавка находилась в огромном старинном здании, некогда весьма величественном. Ныне оно выглядело весьма обветшавшим и являло собой не более чем сдающееся в аренду дешевое жилье. По полуразрушенной зубчатой стене буйствовал плющ, а на ее гребне свили себе гнезда грачи. Я направился в сторону переулка, предвкушая встречу со спасительной тенью.

Когда я остановил коня напротив лавки Гая, у меня появилось неприятное чувство, что за мной кто-то наблюдает. Стояла тишина, большинство лавок из-за раннего часа были закрыты. Спешившись, я привязал коня к перилам, пытаясь ничем не выдать своего беспокойства. Все органы чувств у меня были напряжены, я пытался прислушаться к тому, что делалось у меня за спиной. Внезапно я резко обернулся и быстро окинул взглядом переулок. Однако успел лишь выхватить взглядом некое движение на верхнем этаже Олд-Бардж, прежде чем закрывшиеся ставни поглотили собой того, кто питал ко мне некий нездоровый интерес. На какой-то миг мне стало не по себе. Потрясенный неожиданным поворотом событий, я на мгновение замешкался, но вскоре ко мне вернулось присутствие духа, и я направился в лавку.

На вывеске над дверью значилось одно имя: «Гай Малтон». Витрины были уставлены лишь стеклянными флаконами с аккуратными наклейками, в отличие от прочих аптек, хозяева которых питали пристрастие выставлять в витринах своих заведений чучела аллигаторов и прочие устрашающие диковины. Постучав в дверь, я вошел. Как обычно, внутри царил образцовый порядок и чистота, различные снадобья и травы хранились в банках, ровными рядами выстроившихся на полках. Ударивший мне в нос мускусный запах тотчас возродил в памяти вид рабочей комнаты брата Гая в монастыре в Скарнси. А длинная аптекарская одежда темно-зеленого цвета при мрачном освещении казалась почти черной, так что во мраке комнаты ее можно было принять за сутану. Брат Гай сидел за столом. Насупленное лицо выдавало глубокое сосредоточение. Особенно когда он доставал из банки примочку, чтобы наложить ее на обожженную руку сидевшего перед ним коренастого, с угловатым лицом молодого человека. Я почувствовал аромат лаванды. Подняв на меня глаза, Гай улыбнулся, внезапно обнажив свои белоснежные зубы.

- Одну минуту, Мэтью, – произнес он со свойственным ему шепелявым акцентом.
- Прощу меня простить, что я явился несколько раньше, чем обещал.
- Ничего страшного. Я уже почти закончил.

Кивнув, я опустил на стул и взглянул на висевший на стене схематический рисунок. Посреди концентрических кругов был изображен обнаженный человек. Он олицетворял собой связь людей с Творцом посредством различных природных стихий. И напоминал некую жертву, приколотую к арочной мишени. Внизу для каждого из четырех природных элементов

значился соответствующий тип человеческого характера: земля – меланхолики, вода – флегматики, воздух – сангвиники, огонь – холерики.

Наконец молодой человек издал вздох облегчения и поднял взор на Гая.

– Клянусь именем Иисуса, мне уже стало легче.

– Вот и хорошо. Лаванда обладает охлаждающим и смягчающим свойством. Она оттянет жар из руки. Я дам вам с собой флакон этого средства. Вы будете прикладывать его четыре раза в день.

Юноша с любопытством глядел на темное лицо Гая.

– Прежде я никогда не слышал о таком целительном зелье, сэр. Уж не в тех ли краях оно произрастает, из которых вы к нам приехали? Не иначе как там все только и делают, что сгорают на солнце.

– О да, господин Петтит, – серьезным тоном ответил Гай. – Если бы мы не носили на себе лавандовые примочки, мы бы все сгорали и сморщивались. Нам даже приходится укутывать ими пальмовые деревья.

Юный пациент бросил на него острый взгляд, очевидно заподозрив в словах Гая насмешку. Я заметил, что большие неуклюжие руки молодого человека испещрены бледными рубцами. Гай встал и с улыбкой протянул флакон.

– Помните, – предупредительно подняв палец вверх, произнес он, – четыре раза в день. И еще прикладывайте его к ране на ноге, которой вы обязаны вашему худо-лекарю.

– Да, сэр. – Молодой человек встал. – Я чувствую, что жар уже уходит. Последнюю неделю рана адски горела даже от прикосновения ткани рукава. Весьма вам благодарен, сэр.

Достав из-за пояса кошелек, молодой человек протянул аптекарю четыре пенса серебром, после чего вышел из лавки. Когда он скрылся за дверью, Гай обернулся ко мне и, слегка усмехнувшись, произнес:

– Прежде, когда люди отпускали в разговоре со мной подобные замечания, я обычно говорил им, что мы в Гранаде производим собственный снег. Теперь же я с ними соглашаюсь. Надо сказать, что они до конца никогда не уверены, шучу я или нет. Так или иначе, но это помогает им обо мне помнить. По крайней мере, этот парень расскажет про меня своим друзьям в Лотбери.

– Он литейщик?

– Да, сэр Петтит только что прошел курс обучения. Весьма серьезный молодой человек. Он пролил раскаленный свинец на руку. Но будем надеяться, что это старое доброе средство поможет ему.

– Вам приходится постигать азы предпринимательства, – с улыбкой заметил я, – превращать особенности своей внешности в преимущества.

Аптекарь Гай Малтон, в прошлом брат Гай Малтон, после падения Гранады вместе со своими родителями, людьми мавританского происхождения, бежал из Испании. Врачебное образование он получил в Лувейне. Мы с ним подружились в монастыре в Скарнси во время моей миссии, имевшей место три года назад. В те трудные времена он оказал мне неоценимую поддержку и помощь. Поэтому, после того как монастырь был уничтожен, я со своей стороны приложил все старания, чтобы помочь брату Гаю обрести лекарскую практику в Лондоне. Ввиду темного цвета его кожи и папистского прошлого коллегия докторов отказалась принять его в свои члены. Зато с помощью небольшой взятки мне удалось определить его в гильдию аптекарей, и за короткое время Гай сумел неплохо развернуться на этом поприще.

– Сэр Петтит прежде обратился к профессиональному лекарю, – покачал головой Гай. – Тот наложил ему на ногу шов, чтобы оттянуть боль из руки. А когда рана на ноге начала воспаляться, убедил парня в том, что это хороший признак. Дескать, его задумка начала работать.

Гай снял с себя аптекарский колпак, выпустив на волю густую гриву кудрявых волос, которые некогда были черными, а теперь почти полностью побелели. Было несколько странно видеть его таким. Он внимательно оглядел меня своим острым взглядом, потом спросил:

– Как вы себя чувствовали в этот последний месяц, Мэтью?

– Лучше. Делаю упражнения два раза в день, как прилежный ученик. Спина беспокоит меня гораздо меньше. При условии, что я не поднимаю тяжестей. Как, например, случилось в гостинице Линкольна, когда мне пришлось ворошить кипы различных бумаг, которые скопились в моей комнате.

– Надо было поручить эту работу своему клерку.

– Джон Скелли имеет свойство производить такой беспорядок, что после него ничего невозможно найти. Уникальный экземпляр в своем роде, прямо вам скажу.

– Вы мне позволите взглянуть на вашу спину? – улыбнувшись, спросил Гай.

Он встал, зажег свечу, от которой по комнате растекся сладостный аромат, и закрыл ставни на окнах. Тем временем я снял рубашку и дублет. Гай был единственным человеком, которому я позволял смотреть на свою изуродованную спину. Он велел мне встать, распрямил плечи и предплечья, затем сам зашел сзади и начал аккуратно обследовать рукой мышцы.

– Хорошо, – наконец заключил он. – Неподвижная область значительно уменьшилась, стала совсем небольшой. Можете одеваться. Продолжайте делать упражнения. Как приятно иметь дело с добросовестным пациентом.

– Мне бы очень не хотелось возвращаться к своему прошлому. К тем дням, когда боль все время усиливалась.

Он окинул меня свойственным только ему пронизательным взглядом.

– Вас по-прежнему одолевает меланхолия? По крайней мере, я вижу ее признаки у вас на лице.

– Ничего не поделаешь, Гай. Я меланхолик по природе. – Взглядом я указал на схематическое изображение на стене. – Все сущее на земле являет собой соединение четырех основных элементов. Мне же кажется, что у меня наличествует слишком много каждого из них. Я стал средоточием той области, где все они вышли из равновесия.

Гай склонил набок свою темную голову:

– Нет ничего в этом подлунном мире, сэр, что невозможно было бы изменить.

Я покачал головой:

– Теперь я проявляю все меньший и меньший интерес к вопросам политики и законопорядка. Несмотря на то, что некогда они занимали основное место в моей жизни. Но после Скарнси все переменялось.

– Ужасное было время. Вы не тоскуете по тем временам, когда были приближены к власти? – Он слегка поколебался, прежде чем добавить: – К лорду Кромвелю?

Я отрицательно замотал головой:

– Нет, я мечтаю о тихой жизни. Где-нибудь вдали от городской суеты. Скажем, вблизи фермы моего отца. Кто знает, может, я смогу снова вернуться к живописи.

– Вопрос в том, придется ли вам такая жизнь по душе, мой друг. Не наскучит ли она вскоре? И не станет ли тосковать ваш острый ум по нераскрытым преступлениям и нерешенным загадкам?

– В былые времена, возможно, так и было бы. Но теперь Лондон, – я вновь покачал головой, – кишит фанатиками и плутами. Я сыт по горло и теми и другими.

– Ну да, – понимающе кивнул он. – Судебные дела на религиозной почве с каждым годом обретают все больший размах и ожесточенность. Как вы, должно быть, понимаете, я никому не рассказываю о своем прошлом. Веду себя как мышка: тихо и скромно. Дабы не бросаться никому в глаза. Как говорится, хочешь остаться цел – не высывайся.

– От некоторых из этих дел я просто теряю всяческое терпение. Подчас мне кажется, что, кроме веры в Христа, все остальное не имеет никакого значения. И являет собой не более чем хитросплетения пустых и ничего не значащих слов.

Он криво ухмыльнулся:

– Когда-то вы совсем не так рассуждали.

– Верно. Подчас случалось, что меня даже покидала истинная вера и я считал человека грешным и падшим созданием. – Я слегка усмехнулся. – И это убеждение было тем единственным, во что я мог искренне верить.

Я достал из кармана мятую пасквильную листовку и положил ее на стол.

– Взгляните. Дядя этой девушки был некогда моим подзащитным. Теперь он хочет, чтобы я помог его племяннице. Суд состоится в субботу. Вот почему мне пришлось прийти к вам раньше. В девять у меня назначена с ним встреча в Ньюгейте.

Я рассказал о состоявшемся накануне разговоре с Джозефом. Строго говоря, мне полагалось хранить его в тайне, но я знал, что на Гая можно положиться: он не расскажет о нем ни одной живой душе.

– Она совсем ничего не говорит? – почесывая подбородок, переспросил он, когда я закончил свою речь.

– Ни единого слова, – подтвердил я. – Думаете, она сильно испугалась, когда узнала, что ее подвергнут пыткам? Не тут-то было. Это заставляет меня подозревать, что у нее не все в порядке с рассудком. – Я бросил на Гая серьезный взгляд. – Ее дядюшка опасается одержимости.

Гай склонил набок голову:

– Слишком просто приписать человеку одержимость. Подчас меня одолевают сомнения, был ли человек, из которого наш Господь изгнал беса, на самом деле одержимым. Или всего лишь беднягой-лунатиком.

Я вновь посмотрел на собеседника долгим взглядом:

– Но в Библии довольно ясно сказано, что он был одержим.

– Да, сегодня мы должны безоговорочно верить во все, что написано в Библии, и только в ней. Более того, в ее переводной версии, которую нам предоставил сэр Ковердейл.

Гай усмехнулся. Потом его лицо внезапно стало серьезным, и он начал ходить по комнате взад-вперед, подметая подолом чисто вымытый пол.

– Нельзя считать ее сумасшедшей, – наконец произнес он. – По крайней мере, пока. У человека может быть много причин хранить молчание. Прежде всего, из-за стыда или страха быть разоблаченным. Или ради защиты кого-то еще.

– Или потому, что никто не заботится узнать, что на самом деле с ним произошло.

– Да. Это ужасно. В таком состоянии человек способен на самоубийство.

– Каковы бы ни были у нее причины молчать, мне придется убедить ее в необходимости дать показания. Раз уж я взялся спасти ее жизнь. Пытка прессом влечет за собой жуткую смерть. – Я встал, собираясь уходить. – О, дорогой друг, как только меня угораздило впутаться в эту ужасную историю? Большинство моих коллег вообще не связываются с подобными преступлениями. Даже близко к ним не подходят. И не разрешают осужденным подавать протест. Помнится, однажды я посоветовал сделать это одному из них. Но мне, поверьте, этот поступок не доставил ни малейшего удовлетворения. Терпеть не могу, когда среди присяжных витает дух смерти. Когда знаешь, что через несколько дней кони покатают тележки в Тайборн.

– Так или иначе, но тележки все равно покатаются в Тайборн. И если в вашей власти сделать так, чтобы в одной из них место пустовало...

Я кисло улыбнулся:

– Вы по-прежнему верите в спасение праведностью.

– Разве мы все не верим в праведность милосердия?

– Да, но только тогда, когда на него хватает сил. Мне пора в Ньюгейт.

– У меня есть для вас одно зелье, – сказал Гай. – Оно хорошо поднимает настроение. Уменьшает количество черной желчи в животе.

– Нет, спасибо, Гай. – Я поднял руку. – Настроение у меня отнюдь не унылое, поэтому я лучше останусь в том состоянии, которое мне даровал Господь.

– Дело ваше. – Он протянул руку. – Я буду за вас молиться.

– Под вашим большим испанским крестом? Вы по-прежнему держите его в спальне?

– Это наш старый семейный крест.

– Берегитесь констебля. Хотя ныне участились аресты евангелистов, это не значит, что правительство стало смотреть сквозь пальцы на католиков.

– Констебль с некоторых пор стал со мной весьма дружен. В прошлом месяце он купил воды у разносчика, а через час еле доплелся до моей лавки с дикими болями в животе.

– Он пил эту воду? Некипяченую? Каждый дурак знает, что в ней столько грязи, что недолго отправиться на тот свет.

– Он умирал от жажды. Помните, какая стояла жара? Словом, он не на шутку отравился. Я заставил его съесть ложку горчицы, чтобы вызвать рвоту.

Я содрогнулся:

– Но почему горчицу, а не соленое пиво? Его считают лучшим рвотным средством.

– Нет, горчица лучше. Потому что действует почти мгновенно. Он быстро пришел в себя. И теперь, здоровый и довольный, патрулирует свою территорию, восхваляя меня направо и налево. – Его лицо внезапно обрело серьезность. – И все равно: что ни говори, но нашествие иностранцев не слишком приветствуется в наши дни. На улице я все чаще слышу, как мне вслед бросают оскорбительные замечания. Приходится даже переходить на другую сторону, когда на пути попадают подмастерья.

– Мне очень жаль. Увы, времена не стали лучше.

– В городе ходят слухи, что король несчастлив со своей новой супругой. Что Анна Клевес может вскоре уйти со сцены. А вместе с ней и Кромвель.

– Новые слухи – новые страхи. Все как прежде. – Я положил руку ему на плечо. – Набейтесь мужества. И не сдавайтесь. Жду вас к себе отобедать на следующей неделе.

– Спасибо, непременно приду. – Он проводил меня до двери.

Прежде чем покинуть аптекарскую лавку, я обернулся и сказал:

– Не забудьте про молитву.

– Не забуду.

Оседлав коня, я направил его вдоль узкой улочки. Проезжая мимо Олд-Бардж, взглянул вверх на окно, из которого за мной следили. Ставни на нем были по-прежнему закрыты. Но когда я повернул на Баклсбери-стрит, у меня вновь появилось ощущение, будто за мной кто-то следит. Я резко обернулся. Улицы кишели народом, тем не менее я увидел человека в дублете великолепного красного цвета. Скрестив руки на груди, он стоял, прислонившись к стене, и не сводил с меня глаз. На вид ему было около тридцати. Он был крепкого, можно сказать, бойцовского телосложения, широкоплеч, с мощным торсом и узкими бедрами. Беспорядочная шевелюра густых темных волос окаймляла его твердое, с резко обозначенными чертами лицо, выдававшее крутой нрав, несмотря на спокойное выражение. Встретившись со мной взглядом, он скривился в презрительной усмешке. Тотчас развернувшись, он быстрой и легкой походкой пошел по направлению к Олд-Бардж и вскоре затерялся в толпе.

Глава 3

По дороге назад к Ньюгейту я долго не мог избавиться от неприятного осадка, оставшегося после встречи с неизвестным. Не был ли он неким образом связан со случаем Уэнтворта? Я имел неосторожность упомянуть о нем в Линкольнс-Инн днем раньше, а слухи среди людей моей профессии, надо сказать, разносятся быстрее, чем среди прачек в Маргейт-филдс. А может, этот парень был послан следить за мной верховной властью? Скажем, чтобы выяснить, в каких я состоял связях с бывшим темнокожим монахом? Впрочем, ныне к политике я не имел никакого отношения.

Канцлер, очевидно ощутив мое волнение, замешкался и заржал. Возможно, причиной его внезапной тревоги была та жуткая вонь, что ударила мне в нос, когда мы проезжали скотобойню. Несмотря на то что городские власти пытались всячески призывать мясников к порядку, в такую жару распространявшиеся по каналу на Блэддер-стрит зловонные флюиды были на редкость невыносимы. Если в ближайшее время погода не изменится, мне, пожалуй, придется последовать примеру некоторых состоятельных прохожих и покупать букетик цветов, чтобы прикрывать им нос.

Я проехал через Ньюгейт-маркет, по-прежнему находящийся в тени большой монастырской церкви Серых братьев, за витражными окнами которой король хранил награбленное во французских землях добро. За храмом показалась высокая городская стена и пристроенные к ней пестрые башни Ньюгейта. Главная лондонская тюрьма представляла собой старинное добротное здание. Ни в одном месте Лондона не было сосредоточено так много горя и скорби, как здесь, потому что судьбой большинства ее обитателей становилась смертная казнь.

Я вошел в таверну «Метла», работавшую круглосуточно и благодаря посетителям тюрьмы, должно быть, дававшую немалые прибыли. Вперив потупленный взор в запыленный дворовый сад, Джозеф сидел за столом и медленно потягивал из чарки пиво – легкий напиток, которым у нас принято утолять жажду каждый день. На столе лежал букет цветов. Возле Джозефа стоял хорошо одетый молодой человек, лицо которого являло собой образчик приветливости и дружелюбия. Между тем вид сэра Уэнтворта красноречиво свидетельствовал о том, что от данного разговора он чувствует себя, мягко говоря, не в своей тарелке.

– Пошли, приятель, – говорил незнакомец. – Партия в карты – и твоей тоски как не бывало. Тут неподалеку у меня есть дружки. Мы тебе составим отличную компанию.

Молодой прощельга был представителем многочисленной армии вымогателей, которыми ныне кишел Сити. Обыкновенно, выбирая себе жертв среди приезжих, каковых нетрудно было отличить по скромной деревенской одежде, мошенники заманивали их в свои сети, чтобы вытряхнуть из них все деньги.

– Прошу прощения, – я резко оборвал проходимца, занимая место на соседнем стуле, – нам с этим джентльменом необходимо поговорить наедине. Я его адвокат.

Молодой человек удивленно поднял брови и, обращаясь к Джозефу, добавил:

– В таком случае, сэр, вам все равно придется расстаться с вашими денежками. Правосудие требует толстого кошелька.

Проходя мимо меня, он слегка наклонился и тихо добавил:

– Горбатый кровосос.

К счастью, Джозеф не слышал его слов.

– Я еще раз был в тюрьме, – мрачно произнес он. – Сообщил тюремщику, что приведу с собой адвоката. Заплатил ему еще шесть пенсов, чтобы он разрешил нам свидание. И что хуже, у него тоже оказался экземпляр той самой пасквильной листовки. Он сказал, что за пенни позволяет всем желающим подходить к камере Элизабет. И те через замочную скважину посы-

лают в ее адрес всякие оскорбления. Кажется, это его очень забавляет. Но ведь это жестоко. Разве можно так делать?

– Подобные вещи, как правило, тюремщикам сходят с рук. По всей очевидности, он рассказал вам об этом, рассчитывая получить от вас вознаграждение. В надежде, что за определенную плату вы уговорите его освободить вашу подопечную от подобных притязаний.

Джозеф поднял руку:

– Мне и так приходится платить за еду, за воду, за все. Большого я себе позволить не могу, сэра. – Он в отчаянии покачал головой. – Эти тюремщики самые бессовестные люди на свете.

– Да. Однако что касается собственной выгоды, им практически нет равных в находчивости и предприимчивости. – Я серьезно взглянул собеседнику в глаза и добавил: – Вчера я был в Линкольнс-Инн, Джозеф. Узнал, что в субботу суд будет проводить судья по имени Форбайзер. Должен заметить, новость малоутешительная. Ибо этот человек глубоко чтит Библию. Он совершенно неподкупен.

– Но ведь это же хорошо. Я имею в виду то, что он божий человек...

Я замотал головой:

– Поймите, он неподкупен. И тверд как скала.

– Вы хотите сказать, что его ничто не сможет пронять? Даже бедная и слегка тронувшаяся умом сирота?

– Он ни к кому не питает жалости. Мне доводилось иметь с ним дело при разбирательстве некоторых гражданских дел. – Я слегка подался вперед. – Джозеф, мы должны заставить Элизабет говорить. В противном случае можно будет на ней ставить крест.

Он закусил губу. Этот свойственное ему движение я уже замечал за ним неоднократно.

– Когда я вчера принес ей немного еды, она лежала, тупо вперившись в пустоту. Ни слова благодарности, ни жеста в ответ – ничего. Боюсь, она уже несколько дней не прикасалась к еде. Я купил ей эти цветы. Но навряд ли она на них даже взглянет.

– Ладно, посмотрим, чем я смогу ей помочь.

Он благодарно кивнул, после чего мы встали и направились к тюрьме.

– Кстати говоря, сэра Эдвин в курсе того, что вы обратились ко мне за помощью в этом деле? – спросил я по дороге.

Джозеф отрицательно покачал головой:

– Мы с Эдвином даже ни разу не встречались за последнюю неделю. С тех пор, как я взял на себя смелость утверждать, что Элизабет невиновна. Он велел мне убираться из своего дома. – Искра гнева пронзила его лицо. – Он думает, что если я не желаю Элизабет смерти, значит я против него и всех его потомков.

– Впрочем, какая разница, говорили вы или нет, – размышляя, произнес я, – он все равно мог об этом узнать.

– Почему вы так считаете, сэра?

– Не важно. Не имеет значения.

Когда мы вошли в здание тюрьмы, Джозеф скукожился, словно под тяжестью невидимого груза. Сначала мы миновали решетку, за которой ютились несчастные заключенные. Протискиваясь к проходным своим молящие руки, они взывали к их милосердию во имя Божьей любви. Те узники, которые не имели за душой ни гроша, получали мало или вообще не получали пищи. Во всяком случае, ходили слухи, что некоторые из них умирали голодной смертью. Я сунул в чьи-то скрюченные пальцы пенни, после чего постучал в толстую деревянную дверь. Створка окошка отворилась. Из-под сальной кепки на меня уставилось грубое лицо охранника, и его глаза стали рыскать по моей черной мантии, выдававшей во мне служителя закона.

– Защитник Элизабет Уэнтворт, – представился я, – вместе с ее дядей. Он заплатил за визит.

Окошко захлопнулось, и дверь открылась. На пороге стоял облаченный в грязное одеяние тюремный надзиратель, на поясе которого висела тяжелая палка. Не спуская с нас глаз, он позволил войти. Несмотря на жаркую погоду, от каменных стен темницы потянуло сыростью и холодом. Надзиратель крикнул: «Уильям!» – и к нему подошел тюремщик в кожаном джеркине, позвякивая связкой ключей.

– Значит, вы и есть защитник той самой детоубийцы. – При этих словах тюремный надзиратель скривил губы в злобной усмешке. – Читали листовку?

– Да, – коротко ответил я.

– Да она все равно не будет с вами говорить, – покачав головой, продолжил он. – Клянись, без пытки тут не обойтись. Должен вам сказать, сэр защитник, что по давно установленному закону узников, перед тем как приковать цепями к прессу, положено раздевать донага. Представляете, сначала ее молодые сосочки предадут всеобщему обозрению. А потом возьмут и раздавят тяжелой плитой. Какой срам!

Лицо Джозефа скорчилось от гримасы боли.

– Первый раз слышу о таком правиле, – холодно заметил я. – Насколько мне известно, таких законов нет.

Прежде чем ответить, надзиратель смачно плюнул.

– Плевать мне на то, что изобретают ваши крючкотворы. Я знаю только те законы, которые существуют в моей тюрьме. – Он кивнул своему помощнику и добавил: – Проводи их в женское отделение Ямы.

Нас повели по широкому коридору, по обеим сторонам которого располагались камеры. Через закрытые на засов окошки было видно, что на соломенных койках сидели или лежали мужчины, чьи ноги были прикованы к стенам с помощью длинных цепей. В нос нам ударил резкий запах мочи. Тюремщик шел неспешной походкой, побрякивая своими ключами. Открыв тяжелую дверь, он проводил нас по лестнице вниз, где царил полумрак. Наконец мы уперлись в какую-то дверь. Тюремщик отодвинул в сторону створку дверного окошка и заглянул внутрь, после чего, обернувшись к нам, сказал:

– Она все в том же положении, что и вчера, когда я приводил сюда людей. Я разрешал им поглядеть на нее через решетку. Она лежала и молчала как рыба. Только пряталась, когда ее называли ведьмой и детоубийцей. – Он покачал головой.

– Вы позволите нам войти?

Пожав плечами, он открыл дверь. Едва мы переступили порог камеры, как дверь тотчас затворилась, а вслед за ней раздался грохот закрывающегося засова.

Яма, самое глубокое и темное место тюрьмы, была предназначена как для мужчин, так и для женщин. Женская камера представляла собой квадратную клетушку, под потолком находилось решетчатое окно, за которым мелькали башмаки и юбки прохожих. Здесь было так же холодно, как и в остальной части темницы, а среди зловонных испарений явственно пробивался запах фекалий. Пол покрывала грязная солома со всевозможным мусором. В одном углу, скорчившись, спала полная женщина в заляпанном пятнами платье. Поначалу мне показалось, что, кроме нее, в камере никого больше нет, и я в недоумении начал озираться по сторонам. Но потом все же увидел в дальнем углу соломенный холмик, очертаниями напоминавший человеческую фигуру. Из него торчала голова с перепачканным сажей лицом, окаймленным кучерявыми, как у Джозефа, волосами. Это лицо с большими и такими же карими, как у дяди, глазами взирало на нас невидящим взором. Ее взгляд был столь странным, что меня невольно пробрала дрожь.

Джозеф подошел к племяннице и заговорил с ней, как с ребенком:

– Лиззи, зачем ты закопалась в эту солому? Она же грязная. Тебе холодно?

Девушка ничего не ответила. Глаза ее глядели в пустоту; возможно, они были направлены прямо на нас, а возможно, и нет. Присмотревшись к ней получше, я увидел, что у юной

узницы довольно милостивое, благородное, с высокими скулами лицо. Сквозь солому слегка виднелась ее грязная рука. Джозеф потянулся, чтобы коснуться ее, но девушка резко отдернула руку, ничуть не изменив при этом направления взгляда. Я стоял как раз напротив нее, когда ее дядя положил рядом с ней букетик цветов.

– Я принес тебе немного цветов, Лиззи, – произнес он.

Она посмотрела на букет, потом на Джозефа, и, к моему удивлению, взор ее был преисполнен гнева. Я заметил, что на соломе стояла тарелка с хлебом, вяленой рыбой и бутылка пива. По всей очевидности, еду ей принес накануне Джозеф. Но заключенная к ней не прикасалась. В рыбе копошились толстые черные жуки. Элизабет вновь отвела взгляд.

– Элизабет, – голос Джозефа дрожал, – это сэр Шардлейк. Он твой защитник. Лучшая голова в Лондоне. Он может тебе помочь. Но ты должна с ним поговорить.

Я стал на четвереньки, чтобы взглянуть ей в лицо, стараясь как можно меньше касаться грязной соломы.

– Мисс Уэнтворт, – мягким голосом произнес я, – вы меня слышите? Почему вы отказываетесь говорить? Вы скрываете какую-то тайну? Свою или чужую?

Я на мгновение остановился. Она по-прежнему невозмутимо глядела сквозь меня. В воцарившейся тишине были слышны шаги на улице за окном. Внезапно меня разобрала ярость.

– Вы знаете, что вас ждет, если вы будете упорствовать в своем молчании? – спросил я. – Вас подвергнут пытке прессом. Судья, пред которым вы предстанете в субботу, человек жесткий. На иной приговор можно не рассчитывать. Вам уже рассказали, что представляет собой пытка прессом?

Она по-прежнему ничего не ответила.

– Ужасная медленная смерть, которая может длиться в течение нескольких дней.

При этих словах ее взор оживился и на мгновение устремился на меня. Я увидел в нем такую бездну несчастья и горечи, что не мог при этом не содрогнуться.

– Если вы заговорите, возможно, мне удастся вам помочь. Что бы ни случилось в тот день у колодца, еще не все потеряно. У нас есть возможность вам помочь. – Я запнулся. – Что случилось, Элизабет? Я ваш адвокат. Я никому ничего не скажу. Если хотите, мы можем попросить вашего дядюшку удалиться и поговорить с глазу на глаз.

– Да, – подтвердил Джозеф. – Если хочешь, я уйду.

Но она по-прежнему молчала. Я заметил, что она начала рукой хвататься за солому.

– О Лиззи, – в сердцах начал Джозеф, – ведь ты могла бы сейчас читать книжку. Или играть на инструменте. Как делала это год назад. Вместо того, чтобы лежать в этом отвратительном месте.

Он заткнул кулаком себе рот и принялся его кусать. Я слегка переместился и поглядел девушке прямо в глаза. Что-то в ее взгляде меня глубоко потрясло.

– Элизабет, я знаю, что сюда приходили люди, чтобы посрамить вас. Хотя вы и спрятали свое тело, они видели ваше лицо. Я знаю, эта солома отвратительна, но вы могли бы укрыть ею и голову. Тогда бы никто вас не смог видеть. Тюремному надзирателю не разрешается никого пускать внутрь. У меня складывается такое впечатление, что вы сами желаете, чтобы они на вас глядели.

По ее телу пробежала судорога, и на какой-то миг мне показалось, что она не выдержит и заговорит, но в следующее мгновение она еще крепче стиснула челюсти. Я видел, как напряглись ее скулы. Выждав некоторое время, я встал на ноги, испытав при этом немало болезненных ощущений. Пока я поднимался, в другом конце камеры раздался шорох. Обернувшись, я увидел, что пожилая дама медленно приподнялась с пола на локти и затрясла головой.

– Она не будет говорить, джентльмены, – хриплым голосом произнесла та. – Я здесь лежу уже три дня. И она за это время не вымолвила ни слова.

– А вы за что сидите здесь? – поинтересовался я.

– Нас с сыном обвиняют в том, что мы украли лошадь. У нас тоже суд в субботу. – Она вздохнула и провела языком по растрескавшимся губам. – Нет ли у вас чего-нибудь попить, сэр? Хотя бы самого жидкого пива?

– К сожалению, нет.

Она перевела взгляд на Элизабет:

– Говорят, в нее вселился демон. И он крепко держит ее в своих лапах. – Она горько рассмеялась. – Демон или не демон – палачу все едино.

Я обернулся к Джозефу:

– Боюсь, я больше ничем не могу тут помочь. Давайте пойдем.

Я осторожно повел его к двери и постучал. Та сразу отворилась. Должно быть, тюремщик нас подслушивал. Я обернулся. Элизабет лежала все так же тихо и неподвижно.

– Старая ведьма права, – сказал тюремщик, запирая за нами дверь на замок. – В нее вселился дьявол.

– В таком случае вам следует быть настороже, когда приводите сюда людей, чтобы поглотиться над ней через решетку в окне, – съязвил я. – Как бы она не превратилась в ворону и не вцепилась кому-нибудь в лицо.

Я повел Джозефа прочь. Минуту спустя мы с ним уже были на улице, где ярко сияло солнце. Мы вернулись в таверну, и я заказал для него кружку пива.

– Сколько раз вы посещали Элизабет с тех пор, как ее посадили в тюрьму? – осведомился я.

– Сегодня четвертый. И всякий раз она молчала, как немая.

– Что ж, я не в силах ее расшевелить. Должен признать, что никогда не имел дело с подобным случаем.

– Вы сделали все, что могли, – разочарованно произнес он.

– Даже если ее признали виновной, – постукивая пальцами по столу, продолжал я, – все равно есть пути, чтобы избавить ее от смертельного приговора. Судьи могут признать, что она совершила преступление в приступе помешательства. Она могла бы, к примеру, заявить, что беременна. Тогда бы ее не имели права повесить до рождения ребенка. Это могло бы дать нам время.

– Время для чего, сэр?

– Как для чего? Для того, чтобы расследовать это дело. И выяснить, что на самом деле случилось.

Он столь резко подался вперед, что едва не опрокинул свою высокую пивную кружку.

– Значит, вы верите в то, что она невиновна?

Прежде чем ответить, я посмотрел ему в глаза.

– В это верите вы. Хотя, честно говоря, ее отношение к вам бесчеловечно.

– Я верю ей, потому что знаю ее. И потому что, когда увидел ее там... – Он с трудом подбирал слова.

– Хотите сказать, что она произвела на вас впечатление человека, который скорее совершил в жизни огромную ошибку, нежели большое преступление?

– Да, – поспешно подтвердил он. – Да. Именно так. Вы тоже это почувствовали?

– Да. – Я продолжал глядеть на него спокойным взглядом. – Но наши с вами ощущения еще не являются доказательством, Джозеф. К тому же мы можем ошибаться. Служителю закона не подобает опираться в своей работе только на ощущения. От него требуется беспристрастность и обоснованность. Это я вам говорю из собственного опыта.

– Что же мы с вами можем предпринять, сэр?

– Что касается вас, то необходимо посещать ее каждый день. Начиная с сегодняшнего и кончая субботой. Не то чтобы я рассчитываю таким образом заставить ее нарушить молчание.

Просто это необходимо делать. Нужно для того, чтобы она знала, что о ней не забыли. Мне кажется, это очень важно. Такое впечатление, будто мы для нее сейчас не существуем. Если она что-нибудь скажет, если ее поведение каким-либо образом изменится, немедленно дайте мне об этом знать. Как только вы меня известите, я нанесу ей еще один визит.

– Хорошо, сэр, – сказал он.

– Но если она по-прежнему будет молчать, то мы встретимся с вами перед судом в субботу. Не уверен, что смогу заставить Форбайзера прислушаться к моим словам. Однако постараюсь сделать все, чтобы убедить его, что ваша подопечная действовала в состоянии помешательства...

– Кто знает, может, это не так уж далеко от истины. Во всяком случае, у нее нет никакой причины отвергать мое общество. Так, как она делает сейчас. Кто знает, может, – он заколебался, – может, старуха в самом деле права.

– Нет никакого смысла в том, чтобы строить подобные догадки, Джозеф. Я попытаюсь добиться, чтобы вопрос ее помешательства был передан на рассмотрение присяжных. Уверен, что подобные случаи неоднократно имели место в практике Форбайзера. Тем не менее эти обстоятельства не оказывали никакого влияния на вынесенные им приговоры. Как бы то ни было, это поможет нам выиграть время. Будьте готовы к тому, чтобы услышать самое худшее, Джозеф.

– Нет, сэр. Пока вы с нами, я не теряю надежды.

– И все-таки подготовьтесь к наихудшему исходу событий, – повторил я.

Помнится, Гай во время нашей последней встречи говорил о достоинстве праведности и милосердия. Хорошо рассуждать о подобных вещах, когда не тебе предстоит выступать перед судьей Форбайзером. И уж тем более тогда, когда от твоих слов не зависит жизнь молодой девушки.

Глава 4

Из Ньюгейта я отправился в свою контору, находящуюся в Линкольнс-Инн, по дороге, которая соединяла ее с моим домом на Канцлер-лейн. Некогда король Эдвард Третий издал закон, запрещающий судебным защитникам вести практику в пределах Лондона. Должно быть, он даже не подозревал, какую добрую службу сослужил нам, обязав переместиться за пределы городской стены. В самом деле, Линкольнс-Инн располагался в полусельской местности посреди простиравшихся во все стороны обширных садов и полей.

Миновав Большие ворота с их высокими квадратными башенками, я оставил Канцлера в конюшне, сам же направился через сторожевой двор к своей конторе. Яркое солнце отражалось бликами на красном кирпиче зданий. Дул легкий приятный ветерок. К счастью, мы находились довольно далеко от городской стены, поэтому он не доносил до нас лондонского запаха нечистот.

Вокруг туда-сюда сновали барристеры². Судебная сессия начиналась на следующей неделе, поэтому им требовалось привести свои дела в порядок. Среди облаченных в черные мантии и специальные головные уборы законников, разумеется, попадались и обыкновенные молодые джентльмены в ярких дублетах, которые отличались своей важной походкой. Это были потомки джентри³. Они примкнули к школе барристеров только затем, чтобы обучиться лондонским манерам и обрести нужными знакомствами и связями. Двое из них, судя по всему, возвращались с охоты. За их плечами на шестах висели тушки кроликов, с которых еще не успела стечь кровь. Следом за ними увивались двое псов, не сводивших взгляда с добычи.

Навстречу мне по дорожке из Линкольнс-Инн шел высокий худой человек. По хищным чертам лица и напускной дружеской улыбке я сразу узнал в нем Стивена Билкнэпа, против которого мне предстояло через несколько дней выступать в королевском суде. Приблизившись, он отвесил легкий поклон. Этот привычный жест приветствия, который требовался от всех барристеров, являлся ни к чему не обязывающим знаком приличия. Однако в дружеских манерах Билкнэпа всегда сквозила некая насмешливость. Казалось, весь его внешний вид говорил: да, я порядочный негодяй, но тебе все равно придется проявлять ко мне почтительность.

– Брат Шардлейк! – воскликнул он. – Ну и жарница выдалась сегодня! Если дело так пойдет и дальше, скоро все колодцы высохнут.

Попадись он мне на пути в любой другой раз, я бы отделался учтивым ответом и пошел своей дорогой. Однако мне вдруг пришло на ум, что я могу с его помощью кое-что разузнать.

– Что верно, то верно, – поддержал я разговор. – Весна выдалась засушливой.

Встретив с моей стороны на редкость любезное отношение, Билкнэп засиял улыбкой, которую любой не знакомый с ним человек поначалу мог бы счесть вполне искренней и приятной. Но стоило внимательно присмотреться, как становился заметен характерный изгиб его губ, явственно выдававший откровенную подлость и скользкость натуры. И тогда уже всякому становилось ясно, что, сколько ни старайся, никогда не удастся поймать на себе взгляд его маленьких светло-голубых глаз. Из-под головного убора у него торчало несколько непокорных завитков светлых, похожих на проволоку волос.

– Да, наше дело будет рассматриваться на следующей неделе, – сказал он. – Первого июня.

– Верно. Как быстро пролетело время. Если не ошибаюсь, свой иск вы подали в марте. Все же я несколько удивлен, что вы рискнули обратиться с этим вопросом в королевский суд.

---

² *Барристер* (англ. barrister, от bar – барьер, отделяющий судей от подсудимых) – высшее звание адвоката в Великобритании. (Здесь и далее примеч. ред.)

³ *Джентри* (англ. gentry) – среднее и мелкое дворянство в Англии XVI–XVII вв., сумевшее приспособиться к развитию капитализма (основная часть так называемого нового дворянства).

– Королевский суд весьма чтит закон о правах собственности. Я приведу в качестве примера случай монахов из монастыря Оукхэма.

Я слегка усмехнулся:

– Да вы, как я погляжу, хорошо осведомлены в этом вопросе. Тем не менее с этими обстоятельствами данный судебный прецедент не имеет ничего общего. Не говоря уже о том, что они произошли две сотни лет назад.

Он улыбнулся мне в ответ, продолжая шарить вокруг глазами.

– И все же должен с вами не согласиться. Ибо к нашему случаю он имеет самое прямое отношение. Приор в свое оправдание заявил суду, что все вопросы, связанные с нарушением общественного порядка, в том числе и такие, как зловонная сточная канава, находятся вне ведения Городского совета.

– Потому что их собственность находилась непосредственно в ведении короля. Однако монастырь Святого Михаила ныне стал вашей собственностью. Поэтому за всякое нарушение общественного порядка в нем несете ответственность вы, и никто другой. Я очень надеюсь, что вы вооружитесь более вескими оправданиями, чем это.

Впрочем, подобные замечания никогда не приводили Билкнэпа в замешательство. Наклонившись, он как ни в чем не бывало принялся рассматривать рукав своей мантии.

– Так что, брат, – непринужденным тоном продолжал я, – у нас еще будет возможность об этом поговорить. Но теперь мне бы хотелось задать вам вопрос совершенно иного рода. Собираетесь ли вы присутствовать в суде в ближайшую субботу?

Я знал, что Билкнэп пользовался дурной репутацией, помимо всего прочего, еще и потому, что поставлял ложных свидетелей для епископского суда. С этой целью он зачастую мелькал в зале суда в Олд-Бейли, подыскивая заказчиков для своих услуг. В ответ он метнул на меня любопытный взгляд.

– Возможно, – произнес он.

– Мне известно, что его будет вести судья Форбайзер. Насколько быстро он решает дела?

– Настолько, насколько это возможно, – пожал он плечами. – Вы же знаете судей королевского суда. Они считают, что имеют дело исключительно с обыкновенными ворами и убийцами.

– Однако Форбайзер при всей твердости и жесткости его характера хорошо знает и чтит закон. Меня интересует, насколько он способен прислушаться к законным аргументам в пользу осужденного.

Лицо Билкнэпа засияло явным интересом, а глаза, заблестев от любопытства, даже на мгновение встретились с моим взглядом.

– Я слышал, что вас втянули в дело девушки-убийцы из Уолдбрука. Однако я утверждал, что в это не верю. Вы же человек состоятельный и никогда с такими делами не связываетесь.

– Обвиняемой в убийстве, – ровным голосом поправил его я. – Ей предстоит предстать перед Форбайзером в субботу.

– От него вы ничего хорошего не дождетесь, – участливо заверил он меня. – Как человек, строго чтящий Библию, судья питает яростную ненависть к грешникам. И жаждет как можно быстрее придать их заслуженной каре. Навряд ли вашей подзащитной стоит надеяться на его милосердие. Он либо оправдывает человека, либо осуждает на смертную казнь.

Билкнэп прищурился, очевидно размышляя о том, как можно использовать обстоятельства данного дела себе на пользу. Но, судя по всему, так и не нашел ничего, за что можно было бы зацепиться. Я же, в свою очередь, пожалел, что вообще завел с ним об этом разговор.

– Я так и думал, – произнес я по возможности непринужденным тоном. – Благодарю вас. Всего хорошего!

– Увидимся в субботу, брат, – ответил он мне. – Желаю удачи. Тем более что она вам очень пригодится.

Когда я вошел в одну из небольших комнат, расположенных на первом этаже здания Линкольнс-Инн, настроение у меня было не из лучших. Кабинет я делил со своим приятелем Годфри Уилрайтом. За стенкой по соседству с нами работал мой клерк Джон Скелли. С траурным выражением лица он изучал только что подготовленные им документы. Это был высокий, сухопарый молодой человек с длинными, напоминающими крысиные хвосты темными волосами. Несмотря на свои неполные двадцать лет, он уже был женат и имел ребенка. Я взял Скелли к себе на службу отчасти из жалости к его бедственному положению. Он был выходцем из школы кафедрального собора Святого Павла, неплохо знал латынь. Однако, несмотря на неплохие задатки, оказался совершенно беспомощен в работе. Мало того что он был ничудышным переписчиком, но еще ко всему прочему беспрестанно терял какие-нибудь бумаги, о чем я уже упоминал в разговоре с Гаем.

Когда я вошел, мой служащий поднял на меня глаза и с виноватым видом произнес:

– Я только что закончил оформлять документы по делу Бекмена. Но боюсь, что несколько опоздал.

Я взял их у него из рук.

– Это следовало бы подготовить еще два дня назад. Есть какая-нибудь почта?

– Она у вас на столе, сэр.

– Хорошо.

Я вошел в свой кабинет. В нем было мрачно и душно, пылинки витали в луче света, сочившемся через смотрящее на внутренний двор окошко. Сняв мантию и головной убор, я сел за стол и с помощью ножа вскрыл скрепленные печатью письма. Каково же было мое удивление и разочарование, когда я обнаружил, что потерял еще одно дело. Поначалу меня привлекли к сделке, касающейся приобретения магазина на Солт-Уарф. Ныне же в вежливой форме сообщали, что в связи с тем, что продавец изменил свое решение, в моих услугах больше не нуждаются. Я перечитал письмо несколько раз. Должен заметить, дело это было непростое. Во всяком случае, его поручил мне вести член лондонской юридической корпорации «Темпл». На его имя предполагалось оформить купленный магазин, из чего явствовало, что покупатель желал сохранить свое имя в тайне. Но более всего меня насторожило иное обстоятельство. Уже в третий раз за последние два месяца внезапно, без всяких на то причин, мне отказывали в ведении дела.

Нахмурившись, я отложил письмо в сторону и принялся изучать подготовленные помощником документы. Они были написаны коряво, внизу одной из страниц красовалось грязное пятно. Неужели Скелли думает, что такое безобразие может пройти? Нет, ему придется все переделать, и я молил Бога, чтобы на сей раз он справился с этой задачей гораздо быстрее. Откинув бумаги в сторону, я взялся за тетрадь, в которой на протяжении многих лет вел записи из учебных судебных процессов и лекций. Полистал те старые страницы, которые были посвящены уголовному праву, однако они оказались слишком скудны, и я не нашел в них ничего о *reine forte et dure*.

Раздался стук в дверь, и вошел Годфри, мой ровесник и однокашник. Двадцать лет назад мы с ним были рьяными реформаторами. Однако в отличие от меня он не утратил ревностной веры в то, что с падением Рима в Англии может начаться новая эра всеобщего христианского благоденствия. На его узком, с благородными чертами лице читалось явное беспокойство.

– Слышал, что говорят?

– Что еще на этот раз?

– Вчера вечером под одним балдахином с Кэтрин Говард король отправился вниз по Темзе на званый обед в дом вдовствующей герцогини Норфолкской. Они плыли в королевской барже. На виду у всего Лондона. Теперь в городе об этом только и говорят. Не иначе как это был предумышленный жест. Король хотел, чтобы его увидели в обществе новой избранницы.

Стало быть, женитьбе с Анной Клевской пришел конец. А союз с Говард означает возвращение к Риму.

Я покачал головой:

– Как же так! Еще во время майского рыцарского турнира рядом с ним была королева Анна. Нет, не может быть, чтобы из-за юной Говард король отказался от королевы. Господь свидетель, за восемь лет он сменил три жены. Нет, вряд ли он пойдет на этот шаг в четвертый раз.

– Думаешь, не пойдет? А ты представь на месте лорда Кромвеля герцога Норфолкского.

– Кромвель тоже бывает достаточно жесток.

– Но только в самых исключительных случаях. Когда это необходимо. Герцогу же в этом вопросе он и в подметки не годится. – Мой приятель сел напротив меня.

– Знаю, – тихо ответил я. – Такой репутации, как у герцога, нет ни у одного тайного советника.

– Кажется, он будет званым гостем на обеде судебных старшин в это воскресенье?

– Да. – Я сделал недовольную гримасу. – Мне представится случай впервые воочию его увидеть. Не слишком радужная перспектива. Тем не менее хочу заметить тебе, Годфри, король никогда не поворачивает часы вспять. Мы получили английскую Библию, а лорд Кромвель – графство.

– Чует моя душа, беды нам не миновать, – покачал головой мой собеседник.

– За последние десять лет беда стала нашей постоянной спутницей. Что ж, коль Лондон занят обсуждением новой темы, возможно, это охладит его пыл по отношению к Элизабет Уэнтворт. – Накануне я рассказал моему давнему приятелю о том, что взялся вести ее дело. – Я посетил ее в Ньюгейте. Она не проронила ни слова.

– Тогда ей не миновать пытки, – уверенно заявил он.

– Послушай, Годфри, мне нужно сослаться на какой-нибудь показательный случай в судебной практике. Я хочу заявить, что ее молчание вызвано сумасшествием. И убедить судей, что помешанных подвергать пытке нельзя.

Он уставился на меня большими серо-голубыми глазами. И я невольно отметил, что его взгляд слишком невинен для человека, столько лет отдавшего служению закону.

– А она и впрямь не в себе?

– Возможно. Был такой судебный случай, я в этом уверен.

Я поглядел на него с надеждой: Годфри обладал великолепной памятью и помнил все судебные процессы.

– Да, верно, – сказал он.

– Придется мне воспользоваться библиотекой.

– Когда, говоришь, состоится суд? В субботу? Слишком мало времени. Я помогу тебе.

– Спасибо. – Я благодарно ему улыбнулся.

Это было в духе моего друга: он всегда забывал о своих тревогах и приходил ко мне на помощь. Я знал, что страхи его небезосновательны. Он был знаком с евангелистами из общества Роберта Барнса, который за свои проповеди вместе с двумя лютеранами недавно был помещен в Тауэр.

Мы с Годфри провели в библиотеке добрых два часа, перекопали горы старых дел и нашли два-три, которые могли нам пригодиться.

– Я пришлю Скелли, чтобы он это переписал, – сказал я.

– Можешь накормить меня обедом в награду за труды, – улыбнулся мне Годфри.

– С удовольствием.

Выйдя на улицу, мы снова окунулись в невыносимую жару. Среди судебных книг библиотеки я, как обычно, сразу ощутил себя на островке безопасности, порядка и разумности.

Однако, выйдя на свет божий, тотчас вспомнил, что судье наплевать на имевшие некогда судебные прецеденты, и сразу же в памяти всплыли слова Билкнэпа.

– Наберись мужества, друг, – сказал мне Годфри. – Если она невиновна, Господь не позволит ей претерпеть страдания.

– Мы с тобой оба знаем, Годфри, что мошенники процветают, а невинные страдают. Деревенщина Билкнэп, говорят, у себя в сундуках собрал тысячу золотых ангелов⁴. Ну да ладно. Пошли, я не прочь поесть.

Пересекая двор, я увидел роскошные носилки с даматовыми занавесками. Они были поставлены возле входа в апартаменты, которые занимали четыре носильщика, одетые в ливреи гильдии торговцев шелком и бархатом. На почтительном расстоянии от них стояли две особы с букетиками цветов в руках. Они сопровождали рослую даму в синем бархатном платье с высоким воротником, которая вела беседу с одним из барристеров высшего ранга по имени Уильям Марчмаунт. Его высокая и раздавленная во все стороны фигура была облачена в великолепный шелк, а голова увенчана шляпой с лебединым пером. Помнится, под его покровительством некогда находился Билкнэп, пока у Марчмаунта не лопнуло терпение выносить бесконечные хитроумные выходки пройдохи. Уильям поддерживал репутацию честного человека и весьма гордился этим обстоятельством.

Смерив даму внимательным взглядом, я заметил у нее на груди цепочку с золотым футлярчиком для ароматического шарика. Должно быть, мой пристальный взор не укрылся от ее внимания. Ибо она тотчас что-то шепнула Марчмаунту, и тот жестом попросил меня остановиться. Предложив даме опереться на свою руку, он повел ее навстречу к нам. За ними последовали и провожатые, громко шурша юбками по камням мостовой.

Компаньонка Марчмаунта, особа лет тридцати, была чрезвычайно хороша собой, с прямым открытым взглядом. Ее великолепные светлые волосы покрывал французский капюшон, спереди украшенный жемчужинами. Выбившиеся из-под него несколько непокорных прядей развевались на легком ветерке.

– Сэр Шардлейк, – произнес Марчмаунт зычным голосом; лучезарная улыбка заиграла на его румянном лице, – позвольте мне представить вам мою заказчицу и доброго друга, леди Онор Брейнстон. Брат Мэтью Шардлейк.

Она протянула руку. Коснувшись ее длинных белых пальцев, я отвесил ей легкий поклон:

– Весьма польщен, сударыня.

– Прошу прощения за то, что отвлекаю вас от дел, – произнесла она чистым контральто, приправленным легкой хрипотцой. Интонации ее голоса явственно выдавали аристократку. Ее полные губы растянулись в улыбке, и на щеках появились девичьи ямочки.

– Ну что вы, сударыня, вы ничуть меня не отвлекаете. – Я собирался было представить ей Годфри, но не успел этого сделать, ибо она тотчас продолжила, не обратив на его присутствие никакого внимания:

– Я имела честь беседовать с сэром Марчмаунтом. А когда увидела вас, то сразу узнала. Мне описал вас граф Эссекский во время нашего последнего обеда. Он пел вам дифирамбы как одному из лучших слугителей закона в Лондоне.

Граф Эссекский. Кромвель. А я уж было думал, вернее сказать, тешил себя надеждой, что обо мне давно позабыли. В следующий миг до меня дошло, что узнала она меня по моей горбатой спине.

– Весьма признателен, – учтиво произнес я.

– Да, он весьма экспансивен, – заметил Марчмаунт.

---

⁴ Английская золотая монета. (Примеч. перев.)

Хотя тон его голоса был непринужденным, выразительные карие глаза пристально изучали меня. Я вспомнил, что он не был сторонником реформ. Любопытно, какие интересы подвигли его отобедать вместе с Кромвелем.

– Люди с хорошей головой всегда желанные гости за моим обеденным столом. Я собираю их посостязаться в остроумии, – продолжала леди Омор. – Лорд Кромвель предложил вас как одного из претендентов.

– Вы чересчур мне льстите, сударыня. – Я поднял руку в протестующем жесте. – Я обыкновенный служитель закона. Всего лишь тот, кто честно исполняет свои обязанности.

Вновь улыбнувшись, она тоже подняла руку в знак возражения.

– Нет, сэр. Я слыхала, что вы не простой служитель закона. Но тот, кто в один прекрасный день может стать барристером высшего звена. Я пришло вам приглашение на один из моих сладких вечеров. Если не ошибаюсь, вы живете на Канцлер-лейн?

– Вы хорошо осведомлены, сударыня.

– Стараюсь быть в курсе дел, – засмеялась она. – Свежие вести и новые друзья помогают мне разгонять вдовью скуку. – Она обвела взглядом окрестности, с интересом изучая деревенский пейзаж. – Как замечательно, должно быть, жить за пределами лондонского зловония.

– Я слышал, что у брата Шардлейка великолепный дом. – В голосе Марчмаунта послышались острые нотки, а в темно-карих выпуклых глазах мелькнул огонек. Он рассмеялся, обнажив два ряда белоснежных зубов. – Это, так сказать, преимущества земельного закона. Правильно я говорю, брат?

– Уверена, что он его заслужил честным и праведным трудом, – ответила вместо меня леди Омор. – Теперь я должна перед вами извиниться. У меня встреча в Торговой палате. – Подняв руку, она развернулась, собираясь уходить. – Я не замедлю дать знать о себе, сэр Шардлейк.

Марчмаунт, поклонившись нам, повел леди Омор к носилкам. Усадив в них свою спутницу, что потребовало от него немалых усилий, он с величавостью хорошо оснащенного корабля отправился в свой кабинет. Слегка покачиваясь, носилки стали прокладывать себе путь к воротам, а вслед за ними степенной походкой двинулись дамы.

– Прости меня, Годфри, – проводив их взглядом, произнес я. – Я было собрался тебя представить, но она начисто лишила меня этой возможности. Не слишком вежливо с ее стороны.

– Аристократы все невежи, – напрямик заявил он. – Впрочем, мне не очень-то и хотелось быть представленным. Ты хоть знаешь, кто она такая?

Я отрицательно покачал головой. Меня никогда не интересовало лондонское общество.

– Она вдова сэра Харкурта Брейнстона. Самого крупного торговца в Лондоне. По крайней мере, он являлся таковым, пока не умер три года назад. Ее муж был значительно старше ее, – неодобрительно добавил он. – На его похороны пришло шестьдесят четыре нищих. По одному на каждый год его жизни.

– Ну и что же здесь не так?

– Она из аристократической фамилии Воген. Той самой, что потерпела крах в тяжелые времена. Мистрис Омор вышла замуж за Брейнстона ради его денег. А с тех пор как его не стало, завоевала себе репутацию первой дамы Лондона. Она пытается вернуть своей фамилии прежний вес, который та утратила в войнах между Ланкастером и Йорком.

– Это семейство имеет древние корни?

– Да. А теперь представь, что ныне любимое занятие леди Омор – усаживать папистов и реформаторов за своим обеденным столом. И получать от этого сомнительное удовольствие. – Он бросил на меня убедительный взгляд. – Недавно она пригласила епископов Гардайнера и Ридли. И завела с ними разговор о пресуществлении. Разве можно так играть с вопросами, касающимися религии? – В его голосе послышались жесткие нотки. – Они тре-

буют глубокого размышления, от которого зависит судьба наших бессмертных душ. Помнится, именно так ты всегда говорил, – добавил он.

– Да, говорил, – вздохнул я. Моего друга весьма беспокоило то, что за последние годы я утратил значительную долю религиозного пыла. – Выходит, она разделяет убеждения как папистов, так и реформаторов.

– У нее за столом сидят Кромвель и Норфолк. Однако она не питает преданности ни к тем, ни к другим. Не ходи к ней, Мэтью.

Я колебался. Сила и загадочность, которые источала эта дама, на долгое время лишили меня покоя, всколыхнув что-то давно забытое в глубине души. Но в то же время оказаться посреди споров, о которых упоминал Годфри, было для меня малопривлекательной перспективой. Кроме того, несмотря на лестные слова, которые, по всей очевидности, послал в мой адрес Кромвель, встречаться с ним я не имел ни малейшего желания.

– Ладно, посмотрим, – неопределенно пробубнил я в ответ.

Годфри бросил взгляд в сторону, где находился кабинет Марчмаунта.

– Держу пари, он многое бы отдал, чтобы получить такую родословную, как у нее. Я слышал, что он до сих пор использует Оружейную коллегия для прикрытия своего происхождения. А между тем его отец был обыкновенным рыботорговцем.

Я рассмеялся:

– Да уж, такую партию он мимо себя просто так не пропустит. Представляю, до чего ему хочется соединиться с кем-нибудь из благородных кровей.

Неожиданная встреча на время отвлекла меня от текущих забот, но стоило нам переступить порог обеденного зала, как они навалились на меня с прежней силой. Под высоким сводчатым потолком в конце длинного стола сидел в гордом одиночестве Билкнэп. Не отрываясь от чтения толстой книги, он яростно орудовал ложкой, запихивая еду в рот. «Монахи в монастыре Оукхэма». Не иначе именно так называлось дело, которое он жадно изучал, чтобы сослаться на него, выступая против меня в Вестминстер-холле через неделю.

Глава 5

Уголовный суд Олд-Бейли представлял собой небольшое и весьма скромное по внешнему виду здание, примыкающее к внешней стороне городской стены напротив Ньюгейта. Оно было начисто лишено архитектурных излишеств, свойственных гражданским судам Вестминстер-холла. Между тем проходившие здесь судебные разбирательства касались не денег и собственности, а увечий и смерти.

Утром в субботу я прибыл сюда в назначенное время. Обыкновенно по субботним дням слушания дел не происходило. Однако грядущая судебная сессия, которая должна была начаться на будущей неделе, требовала большой занятости ее участников. В связи с этим было решено перенести судебное разбирательство на более ранний срок, дабы до начала собрания законников поставить точку на уголовных делах. Сжимая в руке папку бумаг, являвших собой выписки из образцовых судебных процессов, я вошел в зал суда и занял свое место на скамье.

Судья Форбайзер восседал на возвышении и изучал лежавшие перед ним документы. Его красная мантия ярким пятном выделялась на фоне мрачно одетой толпы. Народу в зале суда собралось немало. Проходящие здесь судебные процессы и в особенности случай с мисс Уэнтворт вызвал у общественности большой интерес. Я поискал глазами Джозефа и обнаружил, что он сидит на краю скамьи, под давлением толпы прижавшись к окну. Весь его облик свидетельствовал о сильном волнении, я сразу обратил внимание на то, что он кусает губы. В знак приветствия я поднял руку, пытаясь внушить ему уверенность, которой на самом деле сам далеко не ощущал. Он посещал Элизабет в тюрьме каждый день, но за это время она по-прежнему не проронила ни слова. Я встретился с ним накануне вечером и сказал, что буду строить свою защиту, упирая на ее помешательство, ибо ничего иного нам не остается.

Немного поодаль я заметил человека, необычайно похожего на Джозефа, должно быть его родного брата Эдвина. Он был одет в отороченный мехом зеленый дублет добротного вида. Лицо его выражало явное беспокойство. Заметив на себе мой взор, он метнул в меня гневный взгляд и еще крепче завернулся в свое одеяние. Значит, он знал меня в лицо.

Перед Эдвином, в другом ряду, сидел тот самый молодой человек, который следил за мной у аптекарской лавки Гая. На этот раз на нем был строгого покроя дублет темно-зеленого цвета. Подбородком он опирался на согнутую в локте руку, которую самым бесцеремонным образом поместил на перила, отделявшие слушателей от судей. Его устремленный на меня взгляд был вызывающим и источал некий нездоровый интерес. Я нахмурился, и будто в ответ он мне коротко улыбнулся, после чего, слегка поерзав на месте, принял более удобное положение. Как я и думал, они послали следить за мной этого негодяя. Очевидно, затем, чтобы выбить меня из седла. Но не тут-то было. Что-что, но этого сделать им не удастся. Я поправил на себе мантию и бодрым шагом направился к скамье, на которой обычно сидели адвокаты и которая сейчас пустовала, поскольку данное разбирательство было связано с уголовными преступлениями. Стоило мне на нее опуститься, как я заметил в проходе Билкнэпа. Он разговаривал с одним из постоянных членов суда, представителем священнослужителей.

В те времена по-прежнему существовало множество злоупотреблений духовным саном. Если обвиняемый признавался виновным, тогда, объявив себя по церковным законам духовным лицом, он имел право для получения наказания быть переданным в руки священника. Все, что требовалось сделать для подачи иска, – это доказать свою грамотность посредством чтения начала пятьдесят первого псалма. Однако король Генрих Восьмой ограничил использование этого права, разрешив применять его только к тем осужденным, которые совершали незначительные преступления. Между тем установление продолжало существовать. Те, кто проходил успешно испытание проверкой грамотности, помещались в церковную тюрьму и пребывали там до тех пор, пока священник не удостоверится в их раскаянии. Данное обстоятельство под-

тверждалось двенадцатью свидетелями, имевшими достойное положение в обществе, которые давали показания в пользу оправдания осужденного. У Билкнэпа была целая армия таких свидетелей, которые за определенную плату могли подтвердить что угодно. Хотя подобная область его занятий была хорошо известна всем в Линкольнс-Инн, среди барристеров никогда не практиковались доносы друг на друга.

Едва я занял свое место, как Форбайзер устремил свой взор на меня. Было невозможно предугадать его расположение духа, поскольку желчное лицо судьи неизменно носило маску хладнокровного презрения к человеческой греховности. У него была длинная, аккуратно подстриженная поседевшая борода и черные, как угли, глаза, которые впились в меня ледяным взором. Появление на уголовном процессе барристера означало лишнее беспокойство, мешающее судебному разбирательству.

– Что вас сюда привело? – спросил он.

Прежде чем ответить, я поклонился.

– Я здесь представляю госпожу Уэнтворт, ваша честь.

– Да? Ну ладно. – И он вновь погрузился в чтение своих бумаг.

Поднялся легкий шум. Это в зал вошли двенадцать присяжных, обратив на себя взоры присутствующих. Вслед за этим открылись двери клетушек, и стража ввела дюжину оборванцев-заключенных. Дела обвиняемых в наиболее серьезных преступлениях – тех, которым грозила смертная казнь, – было принято слушать первыми. Громко гремя цепями и связывающими их между собой наручниками, узники пошаркали к скамье подсудимых. Зал наполнился столь жутким зловонием, что некоторые из присутствующих были вынуждены закрыть свои носы принесенными букетиками цветов. Однако всколыхнувшее зал волнение, казалось, не произвело никакого впечатления на Форбайзера. Элизабет шла в конце шеренги, вслед за полной женщиной, обвиняемой в краже лошади. Соседка юной Уэнтворт по камере крепко держала за руку молодого человека в лохмотьях, который сильно дрожал и едва сдерживал слезы. Не иначе как это был ее сын. Прежде я имел возможность лицезреть лишь лицо Элизабет. Теперь же, увидев ее в полный рост, я отметил, что она была весьма милостивой особой. На ней было серое домашнее платье, помятое и перепачканное после недельного пребывания в Ньюгейте. Я пытался поймать ее взгляд, но она не поднимала головы, тупо вперившись глазами в пол. По залу пробежал ропот, и я заметил, что ее жадно пожирает глазами один молодой человек с острыми чертами лица.

Осужденные заняли свои места на скамье подсудимых. Лица большинства из них были искажены гримасами страха. А молодой конокрад трясся как осиновый лист. Форбайзер метнул на него строгий взгляд. После этого чиновник вышел вперед и каждого из обвиняемых попросил подтвердить или отвергнуть свою вину. Каждый отвечал на его вопрос: «Не виновен». Последней была Элизабет.

– Элизабет Уэнтворт, – серьезным тоном произнес клерк, – вы обвиняетесь в жестоком убийстве Ральфа Уэнтворта, совершенном шестнадцатого мая сего года. Что вы можете сказать в свою защиту – виновны или не виновны?

Я почувствовал, как в зале нарастало напряжение. Я не вставал с места, ибо должен был выждать время и посмотреть, воспользуется ли она последней возможностью говорить. Я глядел на нее умоляющим взором. Но она еще ниже опустила голову, так что спутанные волосы окончательно скрыли ее лицо. Форбайзер, подавшись вперед, ровным и непроницаемым тоном произнес:

– К вам обращаются с вопросом, мисс. В ваших интересах было бы лучше на него ответить.

Она подняла голову и посмотрела на судью таким же взглядом, каким взирала на меня в камере заключенных. Пустой, отсутствующий, ничего не выражающий, он был будто направлен сквозь тебя. От этого взора Форбайзер даже слегка покраснел.

– Мисс Уэнтворт, вы обвиняетесь в одном из самых злостных преступлений против Бога и человечества. Принимаете вы или нет суд присяжных?

Она даже не шевельнулась, по-прежнему продолжая хранить молчание.

– Что ж, хорошо. Мы вернемся к этому в конце нашего заседания. – Сощурившись, он на миг смерил ее пристальным взглядом, после чего добавил: – Приступим к первому делу.

Я глубоко вздохнул. Пока служащий зачитывал обвинения каждого из заключенных, Элизабет стояла неподвижно. Не сменила она своего положения и в течение следующих двух часов и лишь временами переминалась с ноги на ногу.

Мне не доводилось бывать на уголовных судах уже несколько лет. Поэтому я был несколько удивлен беспечной скоротечностью проходящего процесса. После предъявления обвинения каждому из подсудимых в зал вызывались свидетели. Они приносили клятву в том, что будут говорить правду и только правду. Заключенным позволялось задавать вопросы своим обвинителям, а также приводить своих собственных свидетелей. На протяжении рассмотрения нескольких дел суд превратился в балаган. Участники процесса снизились до того, что принялись обмениваться между собой отборной бранью, и Форбайзер громким надрывным голосом был вынужден призвать их к тишине и порядку. Против конокрада выступил хозяин постоянного двора. И сколь толстая дама, мать вора, ни упорствовала в том, что никогда не бывала на месте преступления, в котором ее обвиняли, перевес оказался на стороне обвинителя, который привел с собой еще двух свидетелей. Бедняга-конокрад все это время молча трясся от страха, временами издавая всхлипывания. Через некоторое время присяжные удалились на совещание. Они собирались в специальной комнате и находились там без еды и питья до тех пор, пока не достигали согласия в вынесении приговора, что обыкновенно продолжалось совсем недолго. В минуты ожидания подсудимые от волнения переминались с ноги на ногу, гремя цепями. В зале поднялся шум.

После долгого пребывания большого числа людей в душной комнате она пропиталась резким зловонием. Проникающий через окно солнечный луч сильно прогрел мне спину, и я ощутил, что сам начинаю покрываться испариной. Данное обстоятельство заставило меня выругаться про себя: судьи терпеть не могут потеющих защитников. Я огляделся. Джозеф сидел на прежнем месте, уткнувшись лицом в ладони. Его брат не спускал с Элизабет ледяного неподвижного взгляда. Глаза его были слегка сощурены, а рот плотно сжат. Тот парень, который устроил за мной слежку, откинулся назад на своей скамье, сложив руки на груди.

Наконец присяжные вернулись. Служащий протянул Форбайзеру пачку листов, которые являли собой решение судебных заседателей. Зал затаил дыхание. Узники уставились на бумажки, от которых зависели их судьбы. Даже Элизабет на миг подняла глаза.

Пятеро подсудимых были признаны невиновными в краже, а семеро – виновными. Среди последних оказалась и толстая дама со своим сыном, которого звали Паллен. Когда был прочтен их приговор, мать в отчаянии обратилась к судье, взывая к его милосердию и моля пощадить сына, которому недавно исполнилось всего девятнадцать лет.

– Мистрис Паллен. – Форбайзер слегка скривил нижнюю губу, и краснота проступила сквозь его аккуратно выстриженную бородку. Этим характерным жестом он всегда выражал свое презрение. – Вы украли лошадь вместе, а значит, вместе повинны в краже. Поэтому вам придется разделить одну петлю на шее.

Из толпы донесся легкий смешок, но Форбайзер метнул в зал резкий взгляд. Он не любил проявления столь жестокого легкомыслия в суде, несмотря даже на то, что оно было вызвано его шуткой. Конокрад снова зарыдал, и старуха схватила сына за руку.

Констебль снял с оправданных узников цепи, и те радостно засеменяли к выходу. Тех же, кому был вынесен обвинительный приговор, повели обратно в Ньюгейт. Когда грохот их цепей затих, Форбайзер обратился к Элизабет – единственной обвиняемой, оставшейся сидеть на скамье подсудимых.

– Итак, мисс Уэнтворт, – прохрипел он, – будете ли вы говорить теперь?

Ответа не последовало. По залу прокатился шум, но Форбайзер тотчас пресек его строгим взглядом. Я встал, но он жестом велел мне сесть на место.

– Погодите, брат. Сейчас я обращаюсь к этой госпоже. Считаете ли вы себя виновной или нет? Ведь на это так просто ответить.

Она по-прежнему стояла как вкопанная и молчала. Форбайзер сжал губы.

– Что ж, очень хорошо. Закон весьма точно диктует нам, как поступать в таких случаях. Вы будете подвергнуты пытке *reine forte et dure*. В конце концов вас раздавит пресс, если вы будете упорствовать в своем молчании.

Я снова поднялся с места.

– Ваша честь, – начал было я.

Он обернулся ко мне, устремив суровый взгляд:

– Это уголовное дело, брат Шардлейк. Нам не обязательно выслушивать ваше мнение. Надеюсь, вам известна эта маленькая подробность?

В зале кто-то захихикал. Не иначе как большинство собравшихся были бы не прочь увидеть Элизабет на виселице.

Я набрал в легкие побольше воздуха.

– Ваша честь, я хочу обратиться к вам не по поводу убийства. Но по поводу состояния ума моей подзащитной. Я уверен, что она не может отвечать на ваши вопросы по причине умственного помешательства. Она невменяема. Вследствие этого наказание пыткой для нее не представляет никакого страдания. Я прошу подвергнуть ее обследованию.

– Состояние ее ума могут оценить присяжные тогда, когда она подвергнется испытанию, – отрезал Форбайзер. – А это непременно случится, если она наотрез откажется отвечать на наши вопросы.

Я бросил на Элизабет короткий взгляд. Теперь она глядела на меня, но все тем же мертвым мрачным взором.

– Ваша честь, – продолжал я уверенным тоном, – я бы хотел процитировать случай Анона на королевском суде Англии в тысяча пятьсот пятом году. В нем говорится, что осужденный отказывался признавать или отрицать свою вину. И тогда встал вопрос о его умопомешательстве. И присяжным было предписано его обследовать. – Копию упомянутого мною судебного процесса я протянул судье. – Вот, будьте добры, возьмите...

– Нет, не надо. – Форбайзер затряс головой. – Я прекрасно помню этот случай. Равно как знаю и другой. Случай Беддлоу, имевший место в королевском суде в одна тысяча четыреста девяносто восьмом, который говорит о том, что вопрос помешательства подсудимого имеют право решать только присяжные, и никто иной.

– Принимая во внимание оба этих случая, я смею надеяться, ваша честь, что моя подзащитная, как представительница слабого пола, может рассчитывать на некоторое снисхождение. Тем более что она даже не достигла совершеннолетнего возраста.

Толстая, блестящая от влажности нижняя губа Форбайзера вновь искривилась в презрительной усмешке.

– И по-вашему, мы должны составить список присяжных, которым надлежит определить, является ли она нормальной или нет. А вы, в свою очередь, выиграете время для своей подзащитной. Нет уж, увольте, брат Шардлейк. Этого вы не добьетесь.

– Ваша честь, но, если моя подзащитная погибнет под пыткой, вы никогда не узнаете, что на самом деле произошло. Основание достаточно веское. Справедливость призывает нас провести полное исследование данного случая.

– Теперь вы, кажется, подвергаете сомнению сам подход к данному делу. Нет, я не позволю...

– Но она же может быть беременной, – в отчаянии перебил его я. – Мы же ничего толком не знаем. Потому что она ничего не говорит. Нам следует подождать, чтобы проверить эту возможность. Пытка может убить нерожденное дитя.

Очередная волна гула прокатилась по залу суда. Выражение лица Элизабет изменилось. Теперь она смотрела на меня с откровенным гневом.

– Желаете ли вы, сударыня, просить суд об отсрочке, ссылаясь на свой живот? – спросил Форбайзер.

Она слегка потрясла головой, потом вновь опустила ее, так что лица не стало видно из-за волос.

– О, насколько я могу судить, вы понимаете по-английски. – Он вновь обернулся ко мне. – Вы хватаетесь за любую возможность, чтобы оттянуть время, брат Шардлейк. Я этого не позволю.

Ссутулившись, он снова обратился к Элизабет:

– Может, вы еще и не достигли совершеннолетия, мисс. Но зато давно достигли возраста, когда следует отвечать за свои поступки. Вы прекрасно знаете, что хорошо и что плохо в глазах Бога. Вам предъявляется обвинение в сокрытии страшного преступления. А вы тем не менее отказываетесь отвечать на вопросы суда. Я приговариваю вас к пытке прессом, которая начнется с сегодняшнего дня.

Я вновь вскочил с места:

– Ваша честь...

– О господи, да угомонитесь же вы наконец! – рявкнул Форбайзер, треснув кулаком по столу. Потом он подал знак рукой констеблю и сказал: – Уведите ее.

Тот поднялся к скамье подсудимых, и в его сопровождении Элизабет направилась к двери. Она шла, не поднимая головы.

– Пресс – гораздо более медленная смерть, чем петля, – услышал я, как одна женщина говорила другой. – Так ей и надо.

Я сидел, сжав ладонями голову. Слышал вокруг гул голосов и шуршание одежды выходящих из зала суда людей. Многие из них пришли сюда только затем, чтобы поглазеть на Элизабет. Мелкие воришки, кража которых была размером менее шиллинга, вряд ли кого-то могли заинтересовать. Тем, которых признали виновными, грозило заполучить клеймо или потерять уши. Интерес к ним проявлял разве что Билкнэп, рыскавший все это время возле дверей. Дело в том, что осужденные за мелкие преступления еще имели возможность воспользоваться милостью священнослужителя. Вместе с прочими зал покинул Эдвин Уэнтворт. Я успел увидеть его спину, когда он выходил через дверь. Джозеф остался сидеть на скамье один, провожая неутешным взором своего брата. Молодой человек с хищными чертами лица к этому времени уже исчез, очевидно удалившись вместе с сэром Эдвином. Я подошел к Джозефу.

– Мне очень жаль, – произнес я.

Он схватил меня за руку:

– Сэр, пойдите со мной. Пойдемте в Ньюгейт. Когда ей покажут пресс, который должны будут на нее положить... Когда она увидит камень, который подопрет ее спину... это так ее испугает, что она начнет говорить. Это может ее спасти.

– Да, и тогда ее снова подвергнут суду. Но боюсь, Джозеф, она не заговорит.

– Но давайте попытаемся. Пожалуйста. Сделаем последнюю попытку. Пойдемте со мной.

Я на миг закрыл глаза, после чего произнес:

– Что ж, будь по-вашему.

Когда мы направились в сторону выхода, Джозеф, издав легкий стон, схватился за живот.

– О, какое несчастье! – воскликнул он. – От беспокойства у меня желудок вовсе вышел из строя. Нет ли здесь поблизости уборной?

– Там, за углом. Я подожду вас. Только постарайтесь поскорей. Ее повели прямо на пытку.

Он стал прокладывать себе дорогу через толпу. Оставшись один, я присел на скамейку, но вскоре услышал приближающиеся со стороны зала суда шаги. Дверь резко распахнулась, и помощник Форбайзера, полный низкорослый мужчина, шелестя полами мантии, подбежал ко мне с раскрасневшимся от спешки лицом.

– Брат Шардлейк, – запыхавшись, произнес он, – как хорошо, что я вас нашел. Я боялся, что вы уже ушли.

– А в чем, собственно говоря, дело?

Он протянул мне лист бумаги.

– Судья Форбайзер пересмотрел решение, сэр. Он просил меня передать вам вот это.

– Что это?

– Он передумал. У вас есть две недели, чтобы убедить мисс Уэнтворт заговорить.

Я уставился на него непонимающим взором. Я мог ожидать такого от кого угодно, только не от Форбайзера. Кто-кто, но он был менее всего склонен пересматривать свои решения. Что-то в этом деле было не то. Выражение лица служащего, казалось, скрывало за собой некую тайну.

– Копия этого документа уже передана в Ньюгейт.

Сунув бумагу мне в руку, он тотчас ретировался и вскоре скрылся за дверьми зала суда.

Я взглянул на переданный мне лист. Он содержал короткий приказ, подписанный острым почерком Форбайзера. В нем говорилось, что Элизабет Уэнтворт надлежит вернуть в камеру Ямы и продержать там еще двенадцать дней, до десятого июня, – на этот день было назначено повторное рассмотрение дела. Я сидел, озираясь по сторонам и пытаюсь взять в толк, что же могло произойти за последние несколько минут.

Вдруг кто-то коснулся моей руки. Когда я поднял глаза, то увидел стоящего возле меня молодого человека с хищными чертами лица. Я вновь нахмурился, и он в свою очередь опять скривил губы в язвительной усмешке, обнажив ровные белые зубы.

– Сэр Шардлейк, – произнес он, – вижу, вы уже получили приказ.

Голос его был резким, под стать внешности, а картавое «р» выдавало простолюдина.

– Что вы хотите этим сказать? Кто вы?

Прежде чем представиться, он слегка поклонился.

– Джек Барак, сэр, к вашим услугам. Это я уговорил судью Форбайзера, чтобы вам вручили этот приказ прямо сейчас. Разве вы не заметили, как я выскользнул из зала с заднего хода?

– Нет. Но... что все это значит?

Улыбка его погасла, и лицо вновь стало непроницаемым.

– Я служу лорду Кромвелю. От его имени я убедил судью предоставить вам дополнительное время. Но упрямый осел жуть как не хотел этого делать. Однако лорду Кромвелю не принято перечить. Уж это вы не хуже меня знаете.

– Но почему Кромвель?

– Он не прочь с вами потолковать, сэр. Он здесь, рядом. В Роллз-хаусе. И просил меня препроводить вас туда.

От неожиданного поворота дел у меня заколотилось сердце.

– Но зачем? Что ему от меня нужно? Мы не виделись с ним почти три года.

– У него к вам есть некоторое поручение, сэр. – Барак поднял брови и, широко открыв свои карие глаза, уставился на меня откровенно наглым взглядом. – Две недели жизни девчонки – предварительная плата за ваши услуги.

Глава 6

Провожая глазами Барака, торопливо шагавшего к конюшням, я чувствовал, что сердце мое бешено колотится, а щеки горят. Мне было прекрасно известно, что лорд Кромвель не чурается запугивать судей. И все же я полагал, что он по мере возможности пытается улаживать дела законным путем и отнюдь не считает грубый наскок лучшим способом разрешения всех противоречий. Да и такой человек, как Барак, вовсе не подходил для выяснения отношений с судьей. Впрочем, Кромвель, возвысившийся до положения первого министра, по-прежнему оставался сыном содержателя харчевни из Путни. Поэтому он охотно прибегал к услугам людей низкого происхождения, разумеется в том случае, если они были достаточно сметливы и решительны. Но, господи боже, чего Кромвель хочет от меня? В последний раз, расследуя по его поручению дело об убийстве, я погрузился в пучину злых страстей, о которой до сих пор вспоминал с содроганием.

Барак вскочил на прекрасную гнедую кобылу с лоснящимися гладкими боками. Пока я седлал Канцлера, он выехал из конюшни и начал нетерпеливо гарцевать перед дверью.

– Готовы? – процедил он сквозь зубы. – Его светлость хочет увидеть вас немедленно.

Выехав на улицу и поудобнее устроившись в седле, я принялся украдкой разглядывать своего спутника. Как я уже успел заметить раньше, жесткий взгляд свидетельствовал о суровом нраве, а крепкое сложение – о том, что он сумеет постоять за себя в любой схватке. На бедре у него висел меч, за пояс был заткнут кинжал. Однако же в колючих глазах, несомненно, светился ум, а уголки большого чувственного рта были слегка подняты вверх, словно Барак собирался осыпать кого-то насмешками.

– Подождите минуту, – бросил я, увидев, что через двор к нам бежит Джозеф. На пухлых его щеках рдели красные пятна, шляпу он судорожно сжимал в руках. Я сообщил ему, что судья Форбайзер изменил свое решение, однако не стал объяснять причины.

– Ваша речь спасла Элизабет, сэр, – ответил он на это. – Вы сумели тронуть его честь.

Джозеф в любых обстоятельствах сохранял достойную удивления наивность. Поглаживая бок Канцлера, Джозеф устремил на меня сияющий благодарностью взор.

– Мы с этим джентльменом должны спешить, Джозеф, – сказал я. – Меня ждет еще одно срочное дело.

– Понимаю, сэр. Вы должны добиться справедливости для другого несчастного, да? Но вы не оставите нас?

Я искоса посмотрел на Барака; тот едва заметно кивнул.

– Да, конечно. Я непременно свяжусь с вами, Джозеф. Знаете, сейчас, когда у нас появилось время для того, чтобы тщательно расследовать все обстоятельства смерти Ральфа, я рассчитываю на вашу помощь.

– Я к вашим услугам, сэр. Готов сделать все, что в моих силах.

– Так вот, мне хотелось бы, чтобы вы попросили вашего брата Эдвина принять меня в своем доме. Скажите ему, что виновность Элизабет вызывает у меня некоторые сомнения и я хочу услышать о случившемся от него самого.

На лицо Джозефа набежала тень.

– Это необходимо, Джозеф, – мягко произнес я. – На самом деле я уверен в том, что Элизабет не убивала Ральфа. Но я должен поговорить со всеми членами семьи. И осмотреть дом и сад.

Джозеф прикусил губу и нерешительно кивнул.

– Я попытаюсь, сэр, – пробормотал он. – Надеюсь, он даст согласие.

– Вот и замечательно, – сказал я, похлопав его по плечу. – А сейчас я должен ехать.

– Я обо всем расскажу Элизабет! – крикнул он нам вслед. – Расскажу ей, что благодаря вашему красноречию она сумела избежать страшной смерти!

Услышав это, Барак бросил на меня взгляд, полный откровенной насмешки.

Мы двинулись по Олд-Бейли. Судебный архив находился неподалеку, прямо напротив Линкольнс-Инн. Он располагался в нескольких зданиях, прежде именованных Домом обращения. Здесь получали религиозные наставления евреи, желающие обратиться в христианство. С тех пор как столетия назад все иудеи были изгнаны из Англии, здесь расположился архив Судебной палаты лорд-канцлера. Впрочем, время от времени здесь находили пристанище иудеи, неизвестно какими путями проникшие в Англию и выразившие намерение принять истинную веру. Здесь же находилась контора Шести клерков, которая управляла судом лорд-канцлера. Должность главы Дома обращения предполагала и исполнение обязанностей главного хранителя архива.

– Мне казалось, лорд Кромвель сложил с себя обязанности главного хранителя архива, – заметил я, обернувшись к Бараку.

– Но в этом здании у него по-прежнему есть кабинет. Здесь он работает, когда не хочет, чтобы его беспокоили.

– Можете вы наконец сказать, зачем я столь срочно понадобился лорду Кромвелю?

– Милорд расскажет вам об этом сам, – покачал головой Барак.

Мы поднялись на холм Лудгейт. День снова выдался жаркий. Встречавшиеся нам женщины с корзинками, полными продуктов, закрывали лица легкой тканью, дабы защитить их от пыли, летевшей из-под колес карет и повозок. Я бросил взгляд вниз, на красные черепичные крыши и широкую ленту реки, сверкавшую на солнце. Был час отлива, и густой ил, отливавший грязной желтизной из-за сточных вод, ежедневно извергаемых в реку, окаймлял берега широкими зловонными полосами. В последнее время по Лондону ходили упорные слухи о том, что по ночам над кучами отбросов пляшут какие-то огненные искры; многие считали это предзнаменованием грядущих бедствий.

Я вновь предпринял попытку вытянуть из Барака хоть какие-нибудь сведения.

– Насколько я понимаю, речь идет о каком-то весьма важном деле. Форбайзер не из тех, кого легко запугать.

– Как и все законники, он прежде всего беспокоится о собственной шкуре, – презрительно процедил Барак.

– Неведение начинает меня томить, – пожал я плечами. – Неужели я имел несчастье вызвать гнев лорда Кромвеля?

– Пока нет, – усмехнулся Барак. – Вам, напротив, предоставляется случай заслужить его одобрение. Для этого надо лишь выполнить то, что граф от вас потребует. Я же сказал, милорд хочет дать вам поручение. Но поспешим. Нам нельзя терять времени.

Мы въехали на Флит-стрит. Над монастырем Белых братьев висело облако пыли, так как все его здания сносили. Домик привратника покрывали леса, рабочие при помощи резцов сбивали со стен лепные украшения. Один из них подбежал к нам, предупреждая вскинув грязную руку.

– Прошу вас, господа, остановитесь на минуту! – крикнул он.

– Мы едем по делам лорда Кромвеля, – нахмурившись, процедил Барак. – Прочь с дороги. Рабочий вытер руку о холщовый фартук.

– Прошу прощения, сэр. Я всего лишь хотел предупредить вас. Церковь вот-вот взорвет, и грохот может испугать лошадей.

– Посмотрите-ка... – начал Барак, однако договорить ему не удалось.

Над монастырской стеной взметнулись языки пламени, а за ними последовал оглушительный взрыв, в сравнении с которым раскат грома казался комариным писком. Потом раз-

дался грохот падающих камней, сопровождаемый ликующими возгласами рабочих. Нас окутало облако пыли. Кобыла Барака, как выяснилось, была не из пугливых – она лишь слегка заржала да отпрянула в сторону. Но бедняга Канцлер тут же взвился на дыбы, едва не выбросив меня из седла. К счастью, Барак успел схватить выпавшие у меня из рук поводья.

– Успокойся, приятель, успокойся, – несколько раз произнес он.

Канцлер внял увещаниям и перестал бить в воздухе ногами. Однако весь дрожал. Да и я тоже.

– Испугались? – усмехнулся Барак.

– Испугался. Спасибо, что пришли мне на выручку.

– Господи боже, ну и пылища.

Облако пыли, смешанной с мельчайшими частичками пороха, оседало прямо на нас. Скоро моя мантия и камзол Барака приобрели серый оттенок.

– Давайте быстрее выберемся отсюда.

– Мне очень жаль, господа, – раздался за нашими спинами обеспокоенный голос рабочего.

– Обойдемся без твоих сожалений, олух, – через плечо огрызнулся Барак.

Мы повернули на Канцлер-лейн. Лошади все еще не успокоились, к тому же им досаждали жара и мухи. Пот катил с меня градом, а Барак, казалось, даже не замечал палящего солнца. Несмотря на его отталкивающие манеры, я был ему благодарен. Если бы не он, я бы неминуемо свалился с лошади.

Я бросил тоскливый взгляд на столь хорошо знакомый вход в Линкольнс-Инн и вслед за Бараксом въехал в ворота судебного архива, расположенные напротив. Над комплексом зданий возвышалась величественная церковь. Стражник в желто-синей ливрее, которые носили люди Кромвеля, стоял у дверей с пикой. Барак кивнул ему, и тот, поклонившись, сделал знак мальчику, который взял наших лошадей под уздцы и повел в конюшню.

Барак распахнул дверь, и мы вошли в церковь. Свитки пергамента, перевязанные красными лентами, лежали здесь повсюду: они были сложены вдоль стен, покрытых росписями на библейские сюжеты, громоздились на церковных скамьях. Тут и там судейские клерки в черных мантиях перебирали свитки и просматривали их в поисках прецедентов. Несколько человек ожидали у дверей конторы Шести клерков, когда им выдадут предписание или назначат дату слушания их дела.

Мне ни разу не доводилось бывать здесь, ибо в тех редких случаях, когда приходилось направлять дело в суд лорд-канцлера, я поручал всю бумажную канитель своему помощнику. Я обвел глазами бесконечные ряды свитков. Барак поймал мой взгляд.

– Если призраки старых евреев на досуге захотят почитать, они вряд ли найдут здесь что-нибудь интересное, – усмехнулся он. – Идемте, нам сюда.

Он направился к боковой капелле. У дверей стоял еще один стражник в желто-синей ливрее. Я мысленно удивился тому, что Кромвель вынужден окружать себя таким количеством вооруженных охранников. Барак негромко постучал и вошел. Я последовал за ним, ощущая, как сердце едва не выскакивает из груди.

Стены в боковой капелле оказались побелены, дабы скрыть росписи, которые Кромвель считал нечестивым идолопоклонничеством. Часовня была превращена в просторный кабинет; вдоль стен высились книжные шкафы, перед внушительных размеров письменным столом стояло несколько стульев. Неровный свет проникал сюда сквозь витражное окно, расположенное под самым потолком. В углу, за низеньким столиком, сидел какой-то человек в черной мантии. Вглядевшись, я узнал в нем Эдвина Грея, секретаря лорда Кромвеля. Он работал на лорда Кромвеля уже пятнадцать лет, еще с тех пор, как тот входил в свиту кардинала Вулси. В те времена, когда я пользовался расположением Кромвеля, мне нередко приходилось иметь дело

с его секретарем. Увидев нас, Грей поднялся и поклонился. Круглое розовое лицо его, обрамленное редующими седыми волосами, выражало откровенное беспокойство.

Грей пожал мне руку; я заметил, что пальцы его потемнели от въевшихся в кожу чернил. Когда он кивнул Бараку, во взгляде его мелькнула плохо скрываемая неприязнь.

– Рад приветствовать вас, мастер Шардлейк. Как поживаете, сэр? Давненько мы с вами не виделись.

– Неплохо, мастер Грей. А как ваши дела?

– Тоже неплохо, учитывая, сколь тревожные настали времена. Граф только что получил важное письмо и должен его прочитать. Но он примет вас с минуты на минуту.

– В каком он расположении духа? – рискнул я осведомиться.

– Сами увидите, – несколько замешкавшись, ответил Грей.

Вдруг он резко повернулся, потому что дверь распахнулась и в комнату вошел Томас Кромвель. Он был хмурым и озабоченным, однако же, стоило ему увидеть меня, улыбка осветила его лицо.

– Мэтью, Мэтью! – с неподдельной радостью воскликнул он, крепко сжал мою руку и опустился на стул.

Я не видел своего все сильного патрона более трех лет и теперь незаметно разглядывал его. Одет он был, по своему обыкновению, очень скромно: в черную мантию и темно-синий камзол, на котором, впрочем, сверкал орден Подвязки, недавно пожалованный ему королем. Присмотревшись к лорду Кромвелю, я был поражен произошедшей переменой. Казалось, грубые черты его лица еще сильнее налились тяжестью вследствие постоянных тревог и забот. Каштановые волосы графа теперь стали почти совсем седыми.

– Как поживаете, Мэтью? – осведомился Кромвель. – Надеюсь, ваша адвокатская практика процветает?

Я замешкался, думая о делах, которых недавно лишился.

– Благодарю вас, милорд, у меня все хорошо, – ответил я наконец.

– А в чем это вы выпачкали свою мантию? А вы – свой камзол, Джек?

– Это всего лишь пыль, милорд, – ответил Барак. – Мы проезжали мимо монастыря Белых братьев как раз тогда, когда там взорвали дом собраний. Нас едва не завалило обломками.

Кромвель расхохотался.

– Ну а мое поручение? – спросил он, бросив пронзительный взгляд на Барака. – Вы выполнили его?

– Разумеется, милорд. С Форбайзером не было никаких хлопот.

– Я знал, что он не будет упрячиться, – усмехнулся Кромвель и вновь повернулся ко мне. – Когда я узнал о том, что вы ведете дело Уэнтвортов, у меня появились кое-какие соображения. Я решил, что, как в старые добрые времена, мы с вами можем помочь друг другу.

Кромвель широко улыбнулся. Откуда ему знать, что я занимаюсь этим делом, с недоумением спрашивал я себя. Впрочем, граф, как известно, имеет глаза и уши повсюду, а уж в Линкольнс-Инн у него более чем достаточно осведомителей.

– Я очень признателен вам за доверие, милорд, – осторожно заметил я.

– Я знаю, Мэтью, что вы – неутомимый борец за справедливость, – прищурился Кромвель. – Жизнь этой девушки много значит для вас?

– Да, милорд, – кивнул я и подумал о том, что в последнее время все мои мысли были поглощены исключительно делом Элизабет.

«Любопытно, почему?» – пронеслось у меня в голове.

Несомненно, увидев это беспомощное и незащищенное создание, распростертое на грязной соломе Ньюгейтской тюрьмы, я был потрясен до глубины души. Если Кромвель избрал Элизабет в качестве рычага, при помощи которого он собирается на меня воздействовать, он сделал правильный выбор.

– Я уверен, что девушка невиновна, милорд.

Кромвель предупреждающе вскинул руку.

– Меня это ничуть не волнует, – отрезал он, устремив на меня испытующий взгляд.

Я вновь поразился силе, которую источали его темные глаза.

– Мне нужна ваша помощь, Мэтью. В одном чрезвычайно важном и секретном деле. Вы поможете мне, а я, со своей стороны, обещаю, что казнь вашей подзащитной будет отсрочена на двенадцать дней. За это время вы должны выполнить мое поручение. Так что в нашем распоряжении меньше двух недель. Садитесь, – добавил он, кивнув на стул.

Я повиновался. Барак подошел поближе и встал у стены, скрестив на груди руки. Бросив взгляд на письменный стол Кромвеля, я заметил миниатюрный портрет в изящной серебряной рамке. Женщина, изображенная на портрете, была мне незнакома. Проследив за моим взглядом, Кромвель нахмурился и отвернул рамку.

– Джек – верный и преданный слуга, – кивнул он в сторону Барака. – Он один из тех немногих, кому известна эта история. Всего таких восемь человек, включая меня, Грея и его величество короля.

При упоминании монарха глаза мои полезли на лоб от удивления. Сняв шляпу при входе в церковь, я держал ее в руках и теперь принялся невольно вертеть и мять головной убор.

– Один из пятерых оставшихся вам тоже хорошо известен, Мэтью, – с усмешкой сообщил Кромвель. – Вам нет нужды превращать свою шляпу в тряпку. Я не собираюсь предлагать вам вступить в сделку с собственной совестью. – Кромвель откинулся на спинку стула и покачал головой. – Признаюсь, Мэтью, когда вы расследовали убийство в Скарнси, я был излишне нетерпелив. Я осознал это слишком поздно. Но никто из нас и представить не мог, каким сложным и запутанным окажется это дело. Вы знаете, как высоко я ценю ваш ум, вашу проницательность и ваше умение в любых обстоятельствах докопаться до правды. Я отдавал должное вашим достоинствам уже давно, еще в ту пору, когда мы были молодыми реформаторами. Помните те времена? – Губы Кромвеля тронула улыбка, однако на лице по-прежнему лежала тень. – Времена, когда мы были исполнены надежд и благих намерений.

На несколько секунд граф погрузился в молчание. Я вспомнил о слухах, согласно которым устроенный Кромвелем брак короля с принцессой Клевской навлек на него гнев монарха, и подумал о том, что они, вероятно, недалеко от истины.

– Могу я узнать, кто тот старый знакомый, о котором вы упомянули, милорд? – осмелился я прервать молчание.

Кромвель кивнул:

– Вы знаете Майкла Гривуда?

Линкольнс-Инн – это замкнутый тесный мирок, в котором все знают друг друга.

– Вы имеете в виду поверенного, который работал на Стивена Билкнэпа? – уточнил я.

– Именно его.

Я прекрасно помнил этого суетливого коротышку с острым и пронзительным взглядом. Он поддерживал дружеские отношения с Билкнэпом и, подобно своему приятелю, находился в постоянном поиске выгодных авантюр. Однако Гривуд не обладал расчетливостью и трезвостью Билкнэпа, и все его замыслы, как правило, оборачивались крахом. Как-то раз он обратился ко мне за советом в одном сложном деле о дележе имущества. Будучи не слишком сведущим в тонкостях закона, он совершенно запутался в этом деле и был очень признателен мне за помощь. Впрочем, свою благодарность он выразил весьма своеобразно: пригласил на обед, во время которого обрушил на мою голову целый поток безумных проектов, от участия в которых я счел за благо отказаться.

– Это человек того же сорта, что и Билкнэп, только более низкого полета, – усмехнулся я. – Кстати, я давно не видел его в Линкольнс-Инн. Говорят, он получил место в Палате перераспределения монастырского имущества.

– Получил, – кивнул Кромвель. – Он поступил под начало Ричарда Рича и, подобно своему патрону, должен был содействовать избавлению нашей страны от монастырей.

Кромвель сложил ладони домиком и подпер ими подбородок.

– В прошлом году монастырь Святого Варфоломея в Смитфилде дал согласие на добровольный роспуск, – продолжал он. – Гривстуда направили туда, дабы он надзирал за составлением описи монастырских ценностей, направляемых королю.

Я кивнул. Монастырь Святого Варфоломея был одним из самых крупных в стране. Насколько мне было известно, настоятель его вступил в сговор с Кромвелем и Ричем, и в награду за уступчивость ему была обещана большая часть монастырских земель. То был более чем щедрый куш, в особенности для человека, который, согласно принесенному обету, должен был провести свои дни в нужде и лишениях. Говорили, что ныне отец Фуллер, сраженный изнурительной болезнью, находится при смерти. Многие считали, что Господь покарал его за согласие на закрытие больницы для бедных, издавна находившейся при монастыре. Впрочем, кое-кто полагал, что Божья кара здесь ни при чем и что настоятеля отравил медленно действующим ядом Ричард Рич, уже успевший вселиться в его прекрасный дом.

– Вместе с Гривстудом в монастырь поехало несколько служащих из Палаты перераспределения, – продолжал Кромвель. – Им следовало определить, что из церковного убранства представляет наибольшую ценность, какая утварь подлежит переплавке, а какую следует сохранить и все прочее. Гривстуд обратился к монастырскому библиотекарю с просьбой показать ему самые ценные книги. Служащие из Палаты перераспределения обычно выполняют подобные поручения с величайшим тщанием. Они заглядывают в самые укромные уголки, даже в те, про которые сами монахи давно думать забыли.

– Я знаю.

– Так вот, в церковном подвале, в затянутом паутиной углу они обнаружили нечто весьма любопытное.

Кромвель подался вперед, его темные глаза, казалось, хотели просверлить меня насквозь.

– Некое вещество, утраченное человечеством столетия назад, вещество, давно превратившееся в легенду и недостижимую мечту алхимиков.

Я в изумлении смотрел на Кромвеля. Подобный поворот событий оказался для меня полной неожиданностью.

Мой собеседник натужно рассмеялся:

– Вижу, вы решили, что я вздумал рассказывать вам сказки, да? Скажите, Мэтью, доводилось вам когда-нибудь слышать о греческом огне?

– Не уверен, – пожал я плечами. – Хотя это название представляется мне смутно знакомым.

– Сам я впервые услышал о нем всего несколько недель назад. Так вот, греческий огонь – это некое жидкое вещество неизвестного состава, которое еще восемь веков назад византийские императоры использовали в сражениях против персов. При помощи специальных орудий они метали этот огонь во вражеские корабли, и те моментально воспламенялись с кормы до носа. Греческий огонь горит даже на воде, и за считанные минуты он способен уничтожить целый флот. Формула, по которой его изготавливали, содержалась в строжайшей тайне и передавалась от одного византийского императора к другому. В конце концов она была утеряна. На протяжении столетий алхимики пытаются ее восстановить, однако все их усилия остаются безрезультатными. Дайте-ка мне пергамент, Грей, – окликнул Кромвель, прищелкнув пальцами.

Грей поднялся из-за стола и вручил своему патрону кусок ветхого пергамента.

– Взгляните, Мэтью, – сказал Кромвель, протягивая свиток мне. – Только обращайтесь с ним осторожно.

Я бережно взял драгоценную реликвию. Пергамент был очень древним, углы истрепались, а в центре зияла дыра. Я разглядел несколько слов по-гречески, над которыми находился

рисунок, выполненный без всякой перспективы, – такими в прежние времена монахи-переписчики украшали книги. На рисунке были изображены два весельных судна, противостоящих друг другу на водной глади. Из золотой трубы, стоявшей на носу одного корабля, вырывались алые языки огня, воспламенявшие корабль противника.

– Судя по всему, и рисунок, и надпись сделали монахи, – заметил я.

– Вы правы, – кивнул Кромвель.

Потом он погрузился в молчание, словно собираясь с мыслями. Я бросил взгляд на Барака: тот весь превратился в слух. Лицо его было сосредоточенным и серьезным, на нем не осталось и следа недавней насмешливости. Грей, скрестив руки на груди, не сводил глаз с пергамента.

Кромвель заговорил вновь, отчетливо, но негромко:

– Прошлой осенью, когда Гривстуд находился в монастыре Святого Варфоломея, один из клерков Палаты перераспределения попросил его заглянуть в церковь. В церковном подвале, посреди всякого хлама, был обнаружен запаянный бочонок. Когда его открыли, выяснилось, что он полон густой темной жидкости, издававшей отвратительный запах. По словам Гривстуда, так должно смердеть в нужнике Люцифера. Никогда прежде он не видел ничего подобного. Майкл Гривстуд любопытен, и потому он решил как следует все рассмотреть. На бочонке он увидел металлическую табличку, на которой было выгравировано имя – «Алан Сент-Джон». И латинские слова: «Lupus est homo homini».

– Человек человеку волк, – перевел я.

– Да, это прекрасно можно сказать по-английски. Но монахи питают неодолимую любовь к латыни. Так вот, Гривстуд спросил у монастырского библиотекаря, нет ли в его книгохранилище каких-нибудь сведений о человеке по имени Сент-Джон. Тот порылся в каталоге и действительно нашел упоминание о некоем капитане Сент-Джоне, передавшем монастырской библиотеке целый ящик древних рукописей, посвященных греческому огню. Сам Сент-Джон умер в монастырской больнице более ста лет назад. Он был старым солдатом, по найму служил в Константинополе, когда тот был захвачен турками. И он рассказал монахам много интересного. – Кромвель вскинул бровь. – По его словам, некий византийский библиотекарь, вместе с ним спасшийся на лодке из осажденного города, передал ему бочонок с греческим огнем, а также формулу, по которой это вещество можно изготовить. Сам библиотекарь нашел все это, разбирая старинные рукописи. Он отдал бочонок и формулу Сент-Джону, дабы столь мощное оружие оказалось в руках христиан, а не проклятых турецких язычников. Видите, пергамент разорван?

– Да, действительно.

– Гривстуд вырвал отсюда формулу, которая была написана по-гречески над рисунком, а также описание конструкции аппарата для метания греческого огня. Разумеется, он был обязан доставить столь важную находку мне – ибо все монастырское имущество ныне является собственностью короля. Однако Гривстуд этого не сделал.

Кромвель нахмурился, у губ его залегли глубокие складки. В воздухе повисло молчание, и, взглянув на собственные руки, я увидел, что они вновь мнут шляпу. Наконец лорд Кромвель заговорил по-прежнему тихим, но звучным голосом:

– У мастера Гривстуда есть старший брат Сэмюэль. Более известный как Сепултус Гривстуд, алхимик.

– Сепултус, – пробормотал я. – По-латыни это значит «погребенный».

– По всей видимости, выбирая себе подобное имя, он хотел намекнуть, что в голове его погребены знания, недоступные простым смертным. Многие алхимики предпочитают величать себя загадочными латинскими именами, дабы скрыть собственное невежество и бессилие. Так вот, услышав от своего брата Майкла историю о греческом огне, Сепултус решил, что формула стоит целого состояния.

Я судорожно сглотнул, только сейчас начиная осознавать, сколь важным является дело, за которое мне предстояло взяться.

– Бесспорно, эта формула представляет собой огромную ценность, – заметил я. – Но лишь в том случае, если она подлинная. Алхимики щедрый на обещания всякого рода чудес, но большинство их изобретений гроша ломаного не стоят.

– О, в подлинности этой формулы нет никаких сомнений, – заверил Кромвель. – Я собственными глазами видел греческий огонь в действии.

При этих словах я, сторонник церковной реформы, убежденный в том, что осенять себя крестным знаменем – кощунственный и нелепый предрассудок, почувствовал сильнейшее желание перекреститься.

– Братья Гривстуды потратили несколько месяцев на то, чтобы, руководствуясь формулой, самостоятельно изготовить греческий огонь. Лишь в марте этого года Майкл Гривстуд обратился ко мне. Разумеется, человек, занимающий столь низкое положение, не мог лично явиться ко мне на прием и вынужден был прибегнуть к услугам посредников. Один из них принес мне пергамент и прочие документы, найденные в монастыре. Все, кроме формулы. А еще я получил письмо от братьев Гривстуд, в котором говорилось, что им удалось получить греческий огонь. Они предлагали продемонстрировать его в действии. Обещали предоставить формулу – в том случае, если я пожелаю с ней ознакомиться. Взамен они требовали закрепить за ними исключительное право на производство греческого огня.

– Но формула отнюдь не является их собственностью, – сказал я, взглянув на разорванный пергамент. – Как вы совершенно справедливо заметили, милорд, подобно прочему монастырскому имуществу, она должна была перейти во владение короля.

– Вы правы, Мэтью, – кивнул Кромвель. – Братья присвоили себе то, что им не принадлежит, и это давало мне полное право бросить их в Тауэр. Там у них быстро развязались бы языки. Именно так я и намеревался поступить, получив письмо. Но по зрелом размышлении я отказался от этого намерения. Несомненно, подумал я, сейчас эти пройдохи настороже и могут скрыться прежде, чем их успеют схватить. А сбежав из Англии, они не остановятся перед тем, чтобы продать формулу нашим врагам – французам или испанцам. От подобных мошенников можно ожидать любого предательства. И я решил подыграть им, по крайней мере до тех пор, пока они не убедят меня в том, что греческий огонь существует в действительности. А потом ничто не мешало мне застигнуть братьев врасплох и арестовать за кражу королевского имущества как раз в тот момент, когда они будут торжествовать победу.

Кромвель поджал губы.

– Однако мой расчет оказался неверным, – проронил он и устремил недовольный взгляд на Грея, по-прежнему стоявшего у меня за спиной. – Сядьте наконец, господин секретарь, – буркнул он, – нечего стоять над душой у Мэтью. Он ничем не повредит этому пергаменту.

Грей отвесил поклон и с непроницаемым лицом вернулся к своему столу. Наверняка он привык к подобным выпадам со стороны своего патрона. Барак не сводил с Кромвеля глаз, и взгляд его был полон почти сыновней почтительности. Кромвель откинулся на спинку стула.

– Англия взбудоражила всю Европу, Мэтью, – изрек он. – Ведь она стала первым большим государством, вышедшим из-под власти Рима. Папа мечтает, чтобы Франция и Испания объединились и подавили нас. Эти страны не намерены с нами торговать, на Канале уже ведется необъявленная война с французами. Большую часть доходов, полученных в результате уничтожения монастырей, мы вынуждены тратить на усиление военной мощи державы. Если бы вы узнали, насколько велика эта сумма, волосы у вас на голове встали бы дыбом. Мы возводим на побережье новые укрепления, строим корабли, производим ружья и пушки...

– Мне все это известно, милорд. Угроза военного вторжения буквально висит в воздухе.

– Да, для тех, кто верен Реформации, это действительно угроза. Есть и такие, кто рассчитывает на подобное вторжение и связывает с ним свои грязные планы. Надеюсь, Мэтью, со

времени нашей последней встречи вы не превратились в паписта? – И Кромвель впери́л в меня сверлящий, невыносимо пронзительный взгляд.

– Нет, милорд, – поспешно ответил я, сжимая в руках свою злополучную шляпу.

– По моим сведениям, вы не кривите душой, – удовлетворенно кивнул Кромвель. – Мне известно, что вы утратили прежний пыл. Но я знаю также, что вы не стали моим врагом, в отличие от многих прежних сподвижников. Итак, вы понимаете, насколько важно для Англии получить новое мощное оружие, которое сделает наш флот непобедимым.

– Да, милорд, но...

Я смолк в нерешительности.

– Продолжайте.

– Милорд, нам не стоит уподобляться безнадежному больному, который в отчаянии хватается за средства, предлагаемые шарлатанами. Уже много веков алхимики обещают людям всякого рода чудеса, но на поверку большинство из этих чудес оказывается обманом.

– Вижу, прежняя проницательность не изменила вам, Мэтью, – одобрительно кивнул Кромвель. – Вы, как всегда, сразу умеете определить самое слабое место любой конструкции. Но вы забыли о том, что я видел греческий огонь. Здесь, в этом кабинете, я встретился с братьями Гривстуд и сказал, что буду иметь с ними дело лишь в том случае, если они покажут мне греческий огонь в действии. Я предложил им уничтожить при помощи этого вещества старый корабль, который мы специально поставим на якорь на заброшенной пристани в Дептфорде. Джек все устроил, и через несколько дней ранним утром мы отправились в Дептфорд. Там мы с Джеком стали свидетелями того, как Гривстуды за несколько минут спалили корабль.

Кромвель недоуменно развел руками и покачал головой. По всей вероятности, перед глазами у него вновь встала картина, так потрясшая его воображение.

– Гривстуды привезли с собой диковинное металлическое приспособление, которое соорудили сами, – продолжал Кромвель. – Что-то вроде длинной трубки, припаянной к большому баку, соединенному с насосом. И стоило им привести этот механизм в действие, как из трубки вырвался поток жидкого пламени, который сразу охватил весь корабль и сожрал его в мгновение ока. Я был так поражен, что едва не свалился в воду. Это совсем не походило на взрыв, который можно устроить при помощи пороха. То был неукротимый, всепожирающий огонь...

Кромвель вновь покачал головой.

– Тот, кто сам не видел этого, не может представить, как он был стремителен и беспощаден. Словно дыхание чудовищного дракона, – слегка пожав плечами, добавил Кромвель. – Но то была отнюдь не магия, Мэтью. Братья Гривстуд обошлись без всяких заклинаний и загадочных жестов. Я уверен, это не колдовство и не шарлатанство, это новое потрясающее изобретение, точнее, древнее изобретение, которое долгие годы было забыто. Через неделю мы устроили еще одну проверку, и результат был столь же впечатляющим. Тогда я рассказал о греческом огне королю.

Я бросил взгляд на Грея, который ответил мне едва заметным кивком. Кромвель перевел дыхание.

– Король принял мой рассказ с воодушевлением, на которое я не смел и рассчитывать. Вы бы видели, как сияли его глаза! Он даже соизволил хлопнуть меня по плечу, хотя уже давно не оказывал мне подобной милости. И разумеется, он пожелал незамедлительно увидеть, как действует греческий огонь. В Дептфорде стоит на якоре старое военное судно «Милость Божья». Я приказал, чтобы его перегнали сюда к десятому июня. Через двенадцать дней король должен увидеть, как оно будет уничтожено посредством этого вещества.

«Десятое июня», – пронеслось у меня в голове. Именно в этот день истечет отсрочка, данная Элизабет.

– Откровенно говоря, требование короля застало меня врасплох, – продолжал Кромвель. – Я и думать не думал, что он будет так настаивать на немедленном показе. До сей поры при встречах с Гривстудами я уклонялся от каких-либо обещаний. Но более так продолжаться не может. Я должен получить и формулу, и греческий огонь, который они произвели. И в этом мне поможете вы.

– Понятно, – выдохнул я.

– Я рассчитываю, Мэтью, что вы пустите в ход свое умение убеждать и находить веские доводы. Майкл Гривстуд давно знает вас и питает к вам уважение. Полагаю, если вы напомним ему, что по закону формула является собственностью короля и монарх выразил настоятельное желание получить ее в свое распоряжение, Гривстуд не станет противиться. С этим делом необходимо покончить как можно быстрее. Джеку я уже выдал сто фунтов золотом, которые братья Гривстуд получают в качестве награды. А вы напомним этим продувным бестиям, что со мной лучше не ссориться. В случае, если они откажутся пойти мне навстречу, им обоим не миновать Тауэра и дыбы.

Голова моя кружилась при мысли о том, что мне придется участвовать в деле, вызвавшем столь горячий интерес короля. Но отказать Кромвелю было невозможно. К тому же в руках его находилась жизнь Элизабет.

– Где живет Майкл Гривстуд? – осведомился я, испустив глубокий вздох.

– Майкл, его жена и его братец Сепултус живут в собственном доме, в Куинхите, в приходе Всех Святых. Дом старый, но просторный, и их лаборатория находится именно там. Отправляйтесь прямо сегодня. Джек поедет с вами.

– Прошу вас, милорд, после того как я выполню ваше поручение, позвольте мне вернуться к моим обычным занятиям. Все эти годы я вел спокойную и размеренную жизнь, и, должен признаться, она вполне отвечает моему характеру.

Я ожидал, что в ответ на подобную просьбу Кромвель обрушит на меня поток упреков, но он лишь усмехнулся:

– Разумеется, Мэтью. Привезите мне формулу и греческий огонь и можете вновь возвращаться к своему спокойному времяпрепровождению. – Он вперил в меня пристальный взгляд. – Но надеюсь, вы благодарны за то, что вам предоставлена высокая честь способствовать исполнению королевского желания.

– Чрезвычайно благодарен, милорд.

– Тогда не теряйте времени и отправляйтесь в Куинхит, – изрек Кромвель, поднимаясь из-за стола. – Если Гривстудов не окажется дома, непременно отыщите их. Джек, в конце дня вы должны вернуться сюда и рассказать мне о том, что вам удалось сделать.

– Да, милорд.

Я встал и поклонился. Барак направился к дверям. Прежде чем последовать за ним, я повернулся к своему патрону:

– Милорд, дозволено ли мне будет узнать, почему для выполнения этого поручения вы выбрали именно меня?

Краешком глаза я видел, как Грей предостерегающе качает головой. Но вопрос был уже задан.

– Майкл Гривстуд знает вас как человека кристальной честности и отнесется к вам с доверием, – склонив голову, ответил Кромвель. – А я, в свою очередь, убежден в том, что вы – один из тех немногих, кто не будет пытаться извлечь из этого дела собственную выгоду. Для этого вы слишком честны.

– Благодарю вас, – тихо произнес я.

Лицо Кромвеля стало суровым и жестким.

– К тому же вы слишком обеспокоены участием девицы Уэнтворт, – добавил он. – И никогда не осмелитесь мне противоречить.

Глава 7

Оказавшись на улице, Барак бесцеремонно приказал мне подождать, пока он приведет лошадей. Я стоял на ступенях Дома обращения, смотрел на Канцлер-лейн и думал о том, что вот уже второй раз Кромвель втягивает меня в дело, чреватое весьма опасными последствиями. Но иного выбора у меня не было; даже если мне хватило бы твердости духа воспротивиться Кромвелю, не следовало забывать о несчастной Элизабет.

Барак возвратился верхом на своей верной кобыле, ведя под уздцы Канцлера. Я взобрался в седло, и мы двинулись к воротам. На лице Барака застыло сосредоточенное и непроницаемое выражение.

«Что это за имя такое, Барак, – думал я про себя. – Явно не английское, хотя на иностранца мой спутник ничуть не похож».

Мы остановились у ворот, чтобы пропустить длинную процессию, состоявшую из угрюмых подмастерьев, принадлежавших, судя по красно-синим кокардам, к гильдии кожевников. На плечах они несли луки, некоторые держали в руках длинные фитильные ружья. Вследствие угрозы военного вторжения всем молодым людям ныне полагалось проходить обязательное военное обучение. Процессия направилась в сторону Хоборн-филдз.

Мы, напротив, поскакали в Сити.

– Значит, вы видели своими глазами, как действует греческий огонь, Барак, – прервал я молчание, намеренно избрав несколько надменный тон. Про себя я твердо решил, что не дам этому молодому невеже одержать надо мной верх.

– Не орите так, – процедил он, бросив на меня грозный взгляд. – Вовсе ни к чему, чтобы об этом узнали все зеваки на улицах. Да, я все видел. И все происходило именно так, как рассказывал граф. Не будь я сам свидетелем этого, ни за что бы не поверил.

– При помощи пороха можно проделывать множество впечатляющих трюков. На одном из последних праздничных шествий я видел дракона, который изрыгал огненные шары и...

– Вы что, думаете, меня так просто обвести вокруг пальца? Нет, там, в Дептфорде, порохом даже не пахло. То, что я там видел, еще нигде никогда не использовалось, по крайней мере в Англии.

Он отвернулся и направил свою лошадь в толпу, снующую у Лудгейта.

Мы ехали по Темз-стрит, продвигаясь чрезвычайно медленно, так как улица сейчас, в обеденное время, была запружена народом. Жара достигла своего пика, и пот градом лил с бедного Канцлера. Я чувствовал, как солнце немилосердно припекает мне щеки. Всадники и прохожие вздымали целые облака пыли, и я невольно закашлялся.

– Осталось немного, – бросил Барак. – Скоро свернем к реке.

Тут в голову мне пришла мысль, которой я решил поделиться со своим спутником.

– Странно, почему Гривстуд не обратился к лорду Кромвелю через сэра Ричарда Рича. Ведь Гривстуд служит в Палате перераспределения, а Рич – глава этого учреждения.

– Гривстуд не доверял Ричу. Всякому известно, что тот своей выгоды не упустит. Скорее всего, Рич выманил бы у Гривстуда формулу и попытался бы использовать ее в собственных интересах. А от Гривстуда нашел бы способ избавиться.

Я кивнул. Сэр Ричард по праву считался блестящим знатоком закона и сведущим политиком; но столь же заслуженной была и его репутация самого жестокого и неразборчивого в средствах человека в Англии.

Мы оказались в лабиринте узких улочек, ведущих к Темзе. Впереди блеснула река. Как и всегда, по ее коричневой глади сновали туда-сюда многочисленные лодки, весельные и парусные. Долетевший с реки ветер принес тяжелый запах гниения: прилив все еще не наступил,

и кучи ила, тянувшиеся вдоль берега, испускали зловонные испарения под палящими лучами солнца.

Вулф-лейн оказалась длинной узкой улицей, вдоль которой тянулись старые, обшарпанные дома, неприглядные лавки, давно пришедшие в упадок, и дешевые пансионаты. На одном из самых больших домов я увидел красочную вывеску, изображавшую Адама и Еву, а меж ними – философское яйцо, легендарный запечатанный сосуд, в котором металл может превращаться в золото. То был знак, указывающий, что в этом доме живет алхимик. Сам дом явно нуждался в ремонте, со стен его пластами отлетала штукатурка, а на черепичной крыше не хватало нескольких плиток. Подобно многим зданиям, возведенным на болотистой прибрежной почве, дом заметно покосился на одну сторону.

Входная дверь была распахнута настежь, и, к немалому своему удивлению, я увидел в проеме молодую женщину в простом платье служанки; она обеими руками держалась за дверной косяк, словно боялась упасть.

– Что это она? – обернулся ко мне Барак. – Никак напилась среди бела дня?

– Понятия не имею, – пожал я плечами. Предчувствие чего-то ужасного сжало мне сердце.

Заметив нас, женщина испустила пронзительный вопль:

– Помогите! Ради всего святого, помогите! Произошло убийство!

Барак соскочил с седла и бросился к женщине. Я торопливо привязал обеих лошадей к ограде и последовал за ним. Барак придерживал женщину за плечо; она громко всхлипывала, вперившись в него обезумевшим от испуга взглядом.

– Успокойся, красавица, – с удивившей меня мягкостью произнес Барак. – Скажи нам, что случилось?

Сделав над собой усилие, служанка перестала всхлипывать. Она была очень молода и, судя по круглым румяным щекам, недавно приехала из деревни.

– Хозяин, – пролепетала она. – Господи боже, хозяин...

Я заметил, что от дверного косяка, за который цеплялась девушка, отлетело несколько щепок. Дверь, висевшая на одной петле, явно была взломана. Заглянув в дом, я разглядел длинный темный коридор, увешанный выцветшими гобеленами, на которых были изображены три короля, приносящие дары младенцу Иисусу. А потом я увидел нечто, заставившее меня судорожно вцепиться в руку Барака. Плетеные циновки на полу были покрыты следами. Кровавыми следами.

– Что здесь произошло? – выдохнул я.

Барак осторожно потряс девушку за плечи.

– Мы пришли сюда, чтобы помочь. Давай прекращай лить слезы, красавица. Скажи для начала, как тебя зовут.

«Вполне вероятно, злоумышленник, взломавший эту дверь, по-прежнему находится в доме», – подумал я и сжал рукоять кинжала, висевшего у меня на поясе.

– Меня зовут Сьюзен, сэр, – дрожащим голосом ответила девушка. – Я здесь в услужении. Сегодня мы с хозяйкой отправились в Чипсайд за покупками. А когда пришли, увидели, что дверь... вы сами видите, что сделали с дверью. А там наверху мой хозяин и его брат... – Девушка вновь всхлинула и опасно заглянула в дом. – Господи боже, сэр, они оба мертвы...

– А где твоя хозяйка?

– В кухне. – Служанка испустила тяжелый вздох. – Когда она увидела, что с ними случилось, сразу стала как каменная. С места не могла двинуться. Я усадила ее на стул и сказала, что позову на помощь. Но стоило мне дойти до двери, я почувствовала, что вот-вот упаду. Больше мне не сделать ни шага.

Говоря все это, девушка не выпускала руки Барака.

– Ты смелая девушка, Сьюзен, – заявил он. – Надеюсь, у тебя хватит сил отвести нас к своей хозяйке?

Девушка повернулась и двинулась по коридору. При виде кровавых следов она вздрогнула, судорожно сглотнула и еще крепче сжала руку Барака.

– Судя по следам, убийц было двое, – заметил я. – Один – крупный малый, другой – ростом поменьше.

– Похоже, мы попали в переделку, – пробормотал Барак.

Сьюзен провела нас в просторную кухню, окно которой выходило в мощный булыжником двор. Пол был давно не мыт, очаг почернел от сажи, потолок покрывали темные разводы.

«Как видно, все хитроумные прожекты Майкла Гриввуда оказались не слишком выгодными», – подумал я.

За большим деревянным столом, явно служившим семье на протяжении многих лет, сидела хозяйка. Худая и низкорослая, она оказалась старше, чем я ожидал. На ней был белый фартук поверх дешевого платья, из-под белого чепца выбивались пряди седых волос. Сидела она прямо и неподвижно, вцепившись руками в край стола, и лишь голова ее слегка дрожала.

– Боюсь, потрясение оказалось для бедной женщины слишком сильным, – прошептал я, обернувшись к Бараку. – Сейчас она вряд ли что-нибудь соображает.

Служанка приблизилась к своей хозяйке.

– Сударыня, – неуверенно проговорила она, – эти люди пришли, чтобы помочь нам.

Женщина вздрогнула и устремила на нас невидящие глаза. Я успокоительно вскинул руку и осведомился:

– Насколько я понимаю, вы мистрис Гриввуд?

– Кто вы такие? – спросила она.

В глазах ее мгновенно зажглись настороженные огоньки.

– Мы пришли по делу к вашему мужу и его брату. А Сьюзен рассказала нам, что сегодня в ваш дом вломились преступники и...

– Они наверху, – едва слышно прошептала мистрис Гриввуд. – Наверху. Оба убиты.

Она переплела свои жилистые руки так, что костяшки побелели.

– Можем мы посмотреть? – со вздохом спросил я.

– Если вы в состоянии выдержать подобное зрелище, – закрыв глаза, проронила она.

– Сьюзен, оставайтесь здесь, со своей хозяйкой, – распорядился я. – Идемте, Барак.

Барак кивнул. Если он, подобно мне, внутренне и содрогнулся от страха, то, надо признать, виду не подал. Мы направились к дверям, а Сьюзен опустилась на стул рядом с хозяйкой и неуверенно коснулась ее руки.

Мы вновь прошли мимо гобеленов, которые, насколько я мог судить, были вытканы еще в незапамятные времена, и по узкой деревянной лестнице поднялись на второй этаж. Состояние упадка, в котором пребывал дом, здесь было еще заметнее: многие ступеньки провалились, а стену пересекала глубокая трещина. Кровавых следов на втором этаже оказалось еще больше, и где-то в глубине дома кровь капала с медленным и размеренным стуком.

Поднявшись, мы обнаружили несколько дверей, выходящих в коридор. Все они были заперты, за исключением одной. Подобно входной двери, она висела на одной петле, и замок был разбит мощным ударом. Я набрал в грудь побольше воздуха и вошел.

Комната оказалась просторной и светлой. В воздухе носился какой-то странный запах, напоминавший запах серы. Подняв глаза к потолку, я увидел, что на балках выведены латинские изречения.

– «Aucto hamo piscari», – вслух прочел я и тут же перевел: – «Рыбачить на золотой крючок».

Впрочем, обитателям этой комнаты более не суждено было рыбачить. На полу, покрытом осколками стеклянных трубок и реторт, лежал, раскинув руки, человек в усеянном пятнами

фартуке алхимика. Лицо его было превращено в кровавое месиво; один голубой глаз, выбитый из глазницы, казалось, внимательно смотрел на меня. Я ощутил, как мои внутренности болезненно сжались, и поспешно отвернулся.

В лаборатории царил полный разгром, скамьи и стулья были опрокинуты, осколки стекла валялись повсюду. У камина я увидел обломки большого деревянного сундука, обитого железом. Теперь он превратился в груды потрескавшихся досок, металлические обручи были изогнуты и покорежены. Тот, кто порубил сундук топором – а без топора здесь явно не обошлось, – вне всякого сомнения, обладал недюжинной силой.

Рядом с сундуком лежал на спине Майкл Гривстуд; тело его наполовину прикрывала насквозь промокшая от крови карта звездного неба, которая упала со стены. Шея была почти полностью перерублена, и поток крови, хлынувший из артерии, залил пол и забрызгал стены. К моему горлу вновь подкатил мучительный приступ тошноты.

– Это ваш собрат по ремеслу? – спросил Барак.

– Да, – кивнул я.

Глаза Майкла были широко распахнуты, рот приоткрыт, словно он все еще пытался испустить вопль ужаса.

– Что ж, золото лорда Кромвеля ему не понадобится, – изрек Барак.

Я метнул на него осуждающий взгляд.

– Мертвецу деньги ни к чему, – ничуть не смутившись, пожал плечами Барак. – Давайте спустимся вниз.

Бросив последний взгляд на убитых, с которыми, казалось, разделался мясник, я вслед за Бараксом спустился в кухню. Сьюзен, похоже, оправилась от потрясения и уже успела поставить на плиту большую кастрюлю с водой. Мистрис Гривстуд по-прежнему сидела неподвижно, сцепив на коленях худые жилистые руки.

– В доме еще кто-нибудь живет, Сьюзен? – осведомился Барак.

– Нет, сэр.

– Может кто-нибудь прийти и побыть с вами? – обратился я к мистрис Гривстуд. – Есть у вас родственники или близкие друзья?

– Нет, – проронила она, и на лице ее вновь мелькнуло настороженное выражение.

– Нет так нет, – со своей обычной бесцеремонностью заявил Барак. – Сейчас я поеду к лорду Кромвелю и сообщу ему обо всем. Он решит, что делать дальше.

– Надо бы сообщить констеблю... – начал я.

– К чертям констебля! – перебил Барак. – Прежде всего об убийстве должен узнать граф. А вы оставайтесь здесь с ними. – Он указал на женщин. – Последите, чтобы они никуда не выходили.

Сьюзен устремила на него взгляд, полный ужаса.

– Вы хотите сообщить об убийстве лорду Кромвелю, сэр? – дрожащим голосом пролепетала она. – Но, клянусь, мы ни в чем не виноваты.

– Не беспокойтесь, Сьюзен, – мягко заметил я. – Лорд Кромвель должен обо всем узнать. Он... – Я замешкался, не зная, стоит ли посвящать служанку в суть случившегося.

– Мой муж и его брат работали на лорда Кромвеля, Сьюзен, – раздался голос мистрис Гривстуд, холодный и резкий. – Я знала, что добром это не кончится. Но напрасно я предупреждала этих безмозглых идиотов, что с лордом Кромвелем лучше не связываться. Майкл никогда меня не слушал.

Она вперила в нас свои выцветшие голубые глаза, в которых теперь полыхала откровенная злоба.

– И вот что стало с ним и с его братцем Сепултусом. Безмозглые идиоты.

– Богом клянусь, женщина, вам лучше придержать язык, – взорвался Барак. – Вряд ли пристало поносить собственного мужа, который лежит там наверху с перерезанным горлом!

Я посмотрел на него, удивленный столь неожиданной вспышкой негодования; вероятно, Барак был потрясен не меньше моего, но успешно скрывал свои чувства под напускной бравадой.

– Оставайтесь здесь. Я скоро вернусь, – бросил он мне, резко повернулся и вышел из кухни.

Сьюзен не сводила с меня умоляющих глаз, мистрис Гривстуд вновь погрузилась в оцепенение.

– Ни вам, ни вашей хозяйке нечего бояться, Сьюзен, – заверил я, попытавшись растянуть губы в улыбке. – Вам придется ответить на несколько вопросов, только и всего.

Однако бедную девушку мои слова мало успокоили: подобно большинству жителей Англии, она испытывала трепет при одном упоминании о лорде Кромвеле.

«Господи, и угораздило же меня попасть в историю, – сокрушенно думал я. – И почему этот наглец Барак считает себя вправе отдавать мне приказы?»

Подойдя к окну, я выглянул во двор и с удивлением заметил, что покрывавший землю булыжник почернел от копоти; стены, выходявшие во двор, тоже потемнели и обуглились.

– У вас что, недавно был пожар? – обратился я к Сьюзен.

– Мастер Сепултус все время проводил во дворе какие-то опыты, – сообщила она и перекрестилась. – Что-то у него так лязгало и шипело, что просто жуть. К счастью, он никогда не просил, чтобы я ему помогала.

– Сепултус не хотел, чтобы мы видели, чем он занимается, – вновь подала голос мистрис Гривстуд. – Когда они с моим мужем устраивали во дворе свои дурацкие опыты, нам со Сьюзен было запрещено даже заходить в кухню.

– И часто они этим занимались? – спросил я, разглядывая почерневшие камни.

– Они начали устраивать опыты во дворе лишь в последнее время, сэр, – ответила Сьюзен. – Я приготовлю травяной настой, сударыня, это немного нас успокоит, – повернулась она к хозяйке. – У меня много сушеных целебных трав. Вы выпьете с нами настоя, сэр?

– Нет, благодарю.

На некоторое время в кухне воцарилось молчание. Мысли мои перескакивали с одного на другое. Возможно, формула греческого огня по-прежнему находится в лаборатории. И вполне вероятно, там все еще хранится какое-то количество этого необыкновенного вещества. Надо воспользоваться случаем и осмотреть комнату сейчас, прежде чем туда войдет кто-нибудь еще. И хотя перспектива вернуться в залитую кровью лабораторию вызвала у меня содрогание, я заставил себя встать и, приказав женщинам оставаться в кухне, двинулся вверх по лестнице.

У дверей я немного помедлил, собираясь с духом, и решительно вошел. Бедный Майкл был моложе меня, ему было около тридцати пяти. Яркие лучи предзакатного солнца, проникшие в комнату, играли на его мертвом лице. Я вспомнил, как во время нашего совместного обеда в Линкольнс-Инн он показался мне похожим на пронырливого грызуна – такие же маленькие пронзительные глазки и любопытный нос. Не в силах вынести полного ужаса взгляда мертвеца, я торопливо отвернулся.

В голову мне пришло, что с обоими братьями разделались с какой-то оскорбительной небрежностью. Судя по всему, убийцы взломали дверь и прикончили их, словно животных на скотобойне. Каждому хватило одного удара топором. Скорее всего, преступники наблюдали за домом, выжидая, когда женщины уйдут на рынок. Наверное, Майкл и Сепултус, услышав, как кто-то ломится во входную дверь, заперлись в лаборатории, тщетно пытаясь спастись.

Еще раз взглянув на Майкла, я заметил, что поверх рубашки у него тоже надет грязный фартук. Как видно, он помогал своему брату. Но над чем они работали? Я окинул комнату взглядом. Никогда прежде мне не доводилось бывать в лаборатории алхимика. Я старался держаться от подобных людей подальше, так как знал, что среди них немало обманщиков и шарлатанов. Однако изображения алхимических лабораторий мне случалось видеть, и, припомни-

ная их, я сообразил, что в этой чего-то не хватает. Сосредоточенно нахмурившись, я прошел вдоль стены, заставленной полками. Битое стекло хрустело у меня под ногами. На одной из полок теснились книги, однако все прочие были пусты. Судя по круглым отпечаткам, оставшимся на пыльной поверхности, раньше здесь стояли колбы и склянки. Да, на картинках разнообразных сосудов с загадочными жидкостями и порошками являлись неслучайной принадлежностью обитателя алхимика. А в этой комнате их не было. Другим обязательным атрибутом лаборатории на изображениях были причудливо изогнутые реторты для перегонки веществ. Несомненно, злоумышленники превратили их в осколки, усеявшие пол.

«Они забрали с собой все вещества, с которыми работал Сепултус», – пробормотал я себе под нос.

Сняв с полки одну из книг, озаглавленную «*Epitome Corpus Hermeticum*»⁵, я торопливо пролистал ее. Абзац, отчеркнутый на полях чернилами, гласил: «Возгонка есть выявление сущности сухого вещества посредством огня, ибо огонь помогает постичь сущность любой вещи, поглощая все прочие ее составляющие». Покачивая головой, я поставил книгу на место и повернулся к обломкам сундука. Взглянув на камин, я заметил, что стена над ним почернела в точности так, как стены, выходившие во двор.

Содержимое сундука было разбросано по полу. То были письма и документы, на некоторых из них виднелись кровавые отпечатки пальцев. Значит, убийцы искали какую-то важную бумагу. Среди документов я обнаружил купчую на дом, по которой он переходил во владение Майкла Гривстуда и его брата Сепултуса, а также брачный контракт Майкла Гривстуда и Джейн Стори, заключенный десять лет назад. Согласно этому контракту отец Джейн после своей смерти оставлял все имущество зятю; мне не часто доводилось сталкиваться с контрактами, составленными на столь выгодных для одной из сторон условиях.

На полу что-то блеснуло, и, наклонившись, я поднял золотую монету. Она выпала из валявшегося рядом кожаного кошелька, в котором я обнаружил еще двадцать монет. Итак, преступники не тронули деньги. Вне всякого сомнения, их интересовало нечто другое. Я встал и сунул монету в карман. К запаху серы, пропитавшему комнату, начал примешиваться еще один. То был сладкий, тошнотворный аромат тления. Направляясь к двери, я услышал, как что-то хрустнуло у меня под каблуком. То были крохотные весы, при помощи которых Сепултус отмерял необходимые для опытов порции веществ. Что ж, они ему больше не понадобятся. Бросив последний взгляд на печальные останки братьев, я вышел из комнаты.

Джейн Гривстуд, такая же отрешенная, по-прежнему сидела у стола, Сьюзен, пристроившись рядом, прихлебывала что-то из деревянной чашки. Она встретила меня встревоженным взглядом, а хозяйка даже головы не повернула. Я достал из кармана золотую монету и положил на стол перед Джейн. Она наконец соизволила меня заметить.

– Что это?

– Я нашел это наверху, среди обломков сундука, принадлежавшего вашему мужу. На полу валяется кошелек, полный золотых, а также все документы относительно дома и прочие важные бумаги. Вам лучше убрать все это.

– Документы относительно дома, – кивнула мистрис Гривстуд. – Я полагаю, теперь он принадлежит мне. Правда, мне никогда не нравилась эта покосившаяся развалина. Я была против того, чтобы его покупать.

– Да, дом перейдет к вам, но лишь в том случае, если Майкл не имеет сыновей.

– Нет у него никаких сыновей, – с неожиданной горечью произнесла она и внимательно посмотрела на меня. – Вижу, вы знаете законы. И разбираетесь в правах наследования.

---

⁵ «Избранные места из корпуса герметических наук» (лат.).

– Я адвокат, сударыня, – не слишком любезно ответил я, ибо хладнокровие, с которым эта женщина приняла смерть мужа, произвело на меня отталкивающее впечатление. Я понимал Барака, который набросился на нее с упреками. – Думаю, вам лучше прямо сейчас спрятать деньги и документы. Скоро в этом доме будет полно народу.

– Я не могу туда подняться, – проронила она, вперившись в меня взглядом.

Внезапно глаза ее полезли на лоб, а голос сорвался на пронзительный визг.

– Не заставляйте меня туда подниматься! Ради всего святого, не заставляйте! Я не могу на это смотреть!

И она разрыдалась, отчаянно завывая, словно попавшее в капкан животное. Сюзен робко взяла ее за руку.

– Если не возражаете, я сам принесу документы и деньги, – заявил я, ощущая неловкость за свою недавнюю резкость.

Поднявшись наверх, я принялся подбирать с пола кошелек и бумаги. Запах тления все более явственно ощущался в горячем воздухе. Поскользнувшись на чем-то, я едва не упал. Я вздрогнул, решив, что наступил в лужу крови. Однако, взглядевшись, различил, что то была совсем другая жидкость – бесцветная и прозрачная. Она вытекла из маленькой стеклянной бутылочки, валявшейся у камина. Я окунул в жидкость пальцы, потом потер их друг о друга и принялся. Жидкость, подобно воде, ничем не пахла, однако была вязкой и липкой. Я поднял бутылочку и закрыл ее пробкой, которую обнаружил рядом. Никакого ярлычка на пробке не оказалось. Поколебавшись, я взял немного странной жидкости на язык и тут же сморщился и закашлялся, ибо рот мне обожгло, точно огнем.

С улицы донеслись шаги, и, подойдя к окну, я увидел Барака в окружении дюжины стражников в ливреях. Когда я спустился вниз, они уже вошли в дом; расшатанные половицы отчаянно скрипели под их тяжелыми шагами. Сюзен испуганно вскрикнула при виде такого количества вооруженных мечами людей. Мистрис Гриввуд встретила непрошенных гостей суровым взглядом. Барак сразу заметил, что я держу в руках какие-то бумаги.

– Что это? – резко спросил он.

– Семейные документы и деньги. Они хранились в сундуке наверху. Я хочу отдать их мистрис Гриввуд.

– Дайте мне посмотреть.

Я нахмурился, однако протянул ему бумаги.

«По крайней мере, этот молодой грубиян умеет читать», – усмехнулся я про себя.

Пробежав глазами документы, Барак открыл кошелек и пересчитал монеты. Потом, вполне удовлетворенный, положил бумаги и деньги на стол перед мистрис Гриввуд. Она придвинула их к себе.

– А формулу вы, случайно, не обнаружили? – спросил Барак, устремив на меня испытующий взгляд.

– Нет, я не видел там ничего похожего. Если листок с формулой хранился в сундуке, убийцы забрали его с собой.

– Вы знаете что-нибудь о старинных рукописях, которые находились у вашего мужа и его брата? – спросил Барак, повернувшись к Джейн Гриввуд. – О формуле некоего вещества, над которой они работали.

Она устало покачала головой:

– Ничего я не знаю. Они никогда не рассказывали мне о своих делах. Упомянули только, что выполняют какую-то важную работу для лорда Кромвеля. Что за работа, они не говорили. Да я и сама не хотела об этом знать.

– Эти люди должны обыскать ваш дом от подвала до чердака, – непререкаемым тоном заявил Барак. – Пропала чрезвычайно важная бумага, и нам необходимо ее найти. После обыска двое из них останутся здесь, чтобы охранять вас.

– Мы что, под домашним арестом? – спросила мистрис Гриввуд, недовольно прищурившись.

– Нет, но ради вашего же блага вам лучше не выходить из дома. Возможно, вам угрожает опасность.

Джейн Гриввуд кивнула, сняла чепец и запустила пальцы в свои жидкие седые волосы.

– Конечно, нам угрожает опасность, тем более входная дверь разбита в щепки, – проронила она. – Теперь всякий может войти в дом.

– Дверь непременно починят, – заверил Барак и обратился к одному из стражников, здоровенному детине: – Займись дверью, Грин.

– Хорошо, мастер Барак.

– Лорд Кромвель желает незамедлительно с нами встретиться, – сообщил Барак, повернувшись ко мне. – Сейчас он в своем доме в Степни.

Я заколебался. Поездка к лорду Кромвелю отнюдь не входила в мои планы.

– Это приказ, – процедил Барак, от которого не ускользнуло мое замешательство. – Я сообщил графу о случившемся. И эти новости не слишком его обрадовали.

Я счел за благо не перечить и вслед за Бараксом вышел из дома.

Глава 8

Проезжая верхом через Сити, я рассеянно смотрел на снующую вокруг толпу. Царившие на улицах шум и оживление казались странными после мертвенной тишины печального дома, где я провел несколько часов. Нам пришлось проделать длинный путь, ибо дом лорда Кромвеля находился далеко за городскими стенами. Лишь один раз мы остановились, чтобы пропустить процессию, – священники в белых сутанах окружали человека, облаченного в рубаху из грубой мешковины. Лицо его было перемазано сажей, в руках он держал охапку хвороста. За ним следовало множество людей – прихожане того прихода, к которому он принадлежал. Несомненно, то был слишком ярый сторонник Реформации, ныне отказавшийся от своих убеждений, признанных еретическими. Вязанка хвороста и следы сажи на лице служили напоминанием об огненной казни, неминуемо ожидавшей его в том случае, если бы он проявил упорство. По лицу раскаявшегося грешника текли слезы, – скорее всего, отречение его было вынужденным. Впрочем, его душевные муки не шли ни в какое сравнение с телесными муками несчастных, чьи тела пожирает неумолимый огонь.

Я искоса взглянул на Барака. Он взирал на процессию с откровенным отвращением.

«Любопытно было бы узнать его мнение обо всем этом», – подумал я.

Впрочем, каковы бы ни были его убеждения, проворства и выносливости ему не занимать. Быстрота, с которой он успел съездить к Кромвелю и вернуться в Куинхит со стражниками, была достойна изумления. И при всем этом он отнюдь не выглядел усталым, в то время как я едва держался в седле. Наконец процессия скрылась из виду, дав нам возможность продолжить путь. К счастью, к вечеру жара пошла на убыль, и от домов упала на улицы желанная тень.

– Что у вас в кармане? – спросил Барак, когда мы подъехали к Епископским воротам.

Я сунул руку в карман и обнаружил там книгу Сепултуса. Как видно, я машинально захватил ее с собой, вместо того чтобы поставить на полку.

– Это алхимический трактат. – Я пристально посмотрел на Барака. – Вижу, вы мне не слишком доверяете. Вы что, думали, что в тех бумагах, которые я передал мистрис Гривстуд, спрятана эта пресловутая формула?

– Сейчас такое время, что никому нельзя доверять, – невозмутимо пожал плечами Барак. – В особенности если состоишь на службе у графа. К тому же вы законник, – добавил он с дерзкой ухмылкой. – А всякому известно, с законниками лучше держаться настороже. Тот, кто этого не делает, проявляет *crassa neglegentia*, как говорит ваша братия.

– То есть преступную небрежность, – перевел я. – Вы что, знаете латынь?

– О да. Я знаю латынь, и я знаю законников. Среди них много сторонников реформы.

– Пожалуй, – осторожно заметил я.

– Согласитесь, забавно, что сейчас, когда мы избавились от монахов, лишь законники сохранили за собой право щеголять в черных мантиях, называть друг друга братьями и избавлять людей от их денег.

– Знаете, все эти шутки по поводу законников успели обрасти длинными бородами, – резко бросил я. – И мне они порядком надоели.

– Но не станете же вы отрицать, что ваши собратья принимают обет повиновения, а вот от обета воздержания и бедности они очень далеки, – не унимался Барак.

Его вороная кобыла шла резвой рысью, и, чтобы не отставать, мне приходилось прищипывать бедного Канцлера. Мы проехали через Епископские ворота и вскоре увидели впереди дымовые трубы трехэтажного особняка впечатляющих размеров, который построил себе Кромвель.

Последний раз я был здесь три года назад, в пронзительно холодный зимний день. Тогда, несмотря на мороз, у боковых ворот особняка ожидала целая толпа народу. Точно такая же толпа стояла здесь и сейчас, под жаркими лучами предвечернего солнца. То были бедняки, которых отверг Лондон, босые, облаченные в жалкие лохмотья. Некоторые опирались на самодельные костыли, на лицах других виднелись рубцы и язвы, оставленные тяжкими недугами. С каждым днем в Лондоне становилось все больше людей, лишившихся крова и работы. После уничтожения монастырей сотни служек оказались выброшенными на улицу. Больные, находившиеся в монастырских больницах и лазаретах, ныне остались без ухода и попечения, так же как и сироты из монастырских приютов. И сколь ни жалка была милостыня, раздаваемая монахами, теперь бедняки лишились даже этой поддержки. Разговоры о создании благотворительных школ и больниц до сей поры оставались всего лишь разговорами, проекты, благодаря которым многие люди могли бы получить работу, не шли далее бумаги. Кромвель меж тем перенял у богатых землевладельцев обычай в определенные дни раздавать милостыню, рассчитывая таким образом снискать расположение горожан.

Мы миновали толпу нищих и въехали в главные ворота. У парадного подъезда нас встретил слуга. Он попросил нас подождать в холле. Через несколько минут появился Джон Блитмен, управляющий лорда Кромвеля.

– Добро пожаловать, мастер Шардлейк, – провозгласил он. – Давно вы у нас не были. Видно, адвокатская практика занимает все ваше время?

– Да, это довольно хлопотливое занятие.

Тут вмешался Барак, который уже успел отвязать от пояса меч и вместе со своей шляпой передать его мальчику-слуге:

– Граф ждет нас, Блитмен.

Управляющий бросил на меня извиняющийся взгляд и провел нас вглубь дома. Через минуту мы оказались у дверей кабинета Кромвеля. Блитмен осторожно постучал, и из-за дверей раздался сердитый голос хозяина:

– Войдите!

В кабинете главного министра мало что изменилось с того дня, когда я был там в последний раз. Здесь по-прежнему теснились письменные столы, заваленные докладами, проектами и счетами. Несмотря на яркий солнечный свет, льющий сквозь высокие окна, комната производила гнетущее впечатление. Кромвель сидел за массивным письменным столом. Казалось, с утра он успел постареть на несколько лет: спина его сгорбилась, голова устало поникла, а взгляд, устремленный на нас, был так мрачен, что я невольно вздрогнул.

– Итак, вы не успели поговорить с братьями Гривстуд, – изрек он, не тратя времени на приветствия. – Приехав, вы обнаружили, что они мертвы.

Голос Кромвеля звучал холодно и размеренно.

– Да, милорд, – произнес я с сокрушенным вздохом. – Братья Гривстуд убиты. Причем чрезвычайно жестоким способом.

– Я оставил там верных людей, которые займутся поисками формулы, – добавил Барак. – Если понадобится, они перевернут дом вверх дном.

– А что говорят женщины?

– Ничего, – пожал я плечами. – Обе слишком испуганы. К тому же они, похоже, ничего не знали о делах Майкла и Сепултуса. Я велел им не выходить из дома. А еще попросил ваших людей поговорить с соседями. Может, кто из них видел, как убийцы вламывались в дом. Впрочем, вряд им удастся что-нибудь выяснить. Похоже, жителей Вулф-лейн не слишком заботит то, что происходит в соседних домах.

– Кто-то меня предал, – процедил Кромвель. – Кто-то разделался с Гривстудами, чтобы разрушить мои планы. – Он вперил в меня тяжелый взгляд. – Что скажете, Мэтью? Наверняка у вас есть какие-то соображения по поводу этого убийства.

– Я полагаю, убийц было двое. Они ворвались в дом, взломав дверь топором. Потом проникли в лабораторию, где пытались спрятаться братья Гриввуд, убили их и вскрыли сундук. Там, в сундуке, хранился кошелек с золотыми монетами, однако убийцы его не тронули. Скорее всего, в сундуке находились бумаги, содержащие формулу, и убийцы об этом знали, – добавил я после недолгого колебания.

При последних моих словах Кромвель еще плотнее сжал тонкие серые губы.

– Почему вы так в этом уверены? – подал голос Барак.

– Я ни в чем не уверен! – возразил я с внезапной горячностью и тут же, сделав над собой усилие, заговорил спокойно и невозмутимо: – Но злоумышленники явно не обыскивали комнату. Их интересовал только сундук. Даже книги на полках не тронуты, а разве книга – не самое удобное место для того, чтобы спрятать листок бумаги? Да, я забыл сказать, с полок исчезли сосуды с какими-то растворами и порошками. Скорее всего, их тоже взяли убийцы. Судя по всему, они точно знали, что им надо искать.

– Значит, исчезли все смеси и эликсиры, которые Гриввуды получили в результате своих опытов, – проронил Кромвель.

– Это всего лишь моя догадка, милорд, – сказал я, бросив на него тревожный взгляд.

Однако Кромвель лишь задумчиво кивнул.

– Смотрите и учитесь, Джек, – неожиданно заявил он, кивнув в мою сторону. – Вам выпала удача работать вместе с истинным мастером, который не упускает ни одной детали. – Он вновь вперил в меня свои выцветшие глаза. – Я надеюсь на вас, Мэтью. Надеюсь, что вы поможете мне разгадать эту загадку.

– Но, милорд...

– Больше я никому не могу довериться, – с пылом заявил он. – Я просто не решаюсь. Если слухи о произошедшем дойдут до короля...

Кромвель осекся, вздрогнул и испустил тяжкий вздох. Впервые я видел этого всемогущего государственного мужа столь растерянным и испуганным.

– Вы должны разгадать эту загадку, – повторил он. – Приложите к этому все свои силы. Используйте все средства.

Я молчал, уставившись на роскошный ковер у себя под ногами. Сердце мое бешено колотилось. Один раз лорд Кромвель уже попросил меня расследовать убийство, и в результате я оказался в пучине алчности, мести и жестокости. Я чувствовал, как все мое существо противится новому погружению в кровавый кошмар.

Кромвель, казалось, прочел мои мысли. В глазах его вспыхнуло негодование.

– Богом клянусь, Мэтью, вы не слишком благодарны, – процедил он. – Вы думаете, я отсрочил пытку под прессом, которая ожидала эту девчонку, ради ваших прекрасных глаз? Нет, ее жизнь – это награда за ту помощь, которую я рассчитываю от вас получить. Если я того пожелаю, Форбайзер быстро переменит свое решение. Сейчас на карту поставлена моя собственная жизнь. И дело всей моей жизни. Дело, в которое вы когда-то так горячо верили.

Перед моим внутренним взором предстала Элизабет, беспомощно распростертая на грязной соломе.

«Если я дерзну ослушаться приказа Кромвеля, он не остановится перед тем, чтобы бросить меня в тюрьму, – пронеслось у меня в голове. – Я слишком много знаю».

– Я сделаю все, что в моих силах, милорд, – едва слышно произнес я.

Кромвель долго не сводил с меня глаз, потом повернулся к Бараку:

– Джек, принесите Библию. Прежде чем я расскажу вам то, что намерен рассказать, вы поклянетесь на Библии хранить тайну, Мэтью. Тогда я буду вполне уверен, что вы не расскажете об услышанном ни одной живой душе.

Барак принес роскошное издание Библии на английском языке, которое, согласно приказу Кромвеля, должно было находиться в каждой церкви, раскрыл его и положил на стол.

Я взглянул на красочную первую страницу. На ней был изображен король Генрих, восседавший на троне. По одну сторону от него стоял Кромвель, по другую – архиепископ Кранмер. Король вручал им новые издания Библии, а те, в свою очередь, передавали их народу. Судорожно сглотнув, я коснулся священной книги.

– Скажите: клянусь, что буду держать в глубочайшей тайне все обстоятельства, связанные с греческим огнем, – произнес Кромвель.

Я послушно повторил за ним клятву, чувствуя, как крепнут невидимые узы, связывавшие меня с бывшим моим патроном.

– Поклянитесь, что сделаете все, что в ваших силах, – подсказал Кромвель.

– Клянусь сделать все, что в моих силах.

Кромвель удовлетворенно кивнул; впрочем, в позе его по-прежнему ощущалось нечто угрожающее. Он походил на дикого зверя, со всех сторон обложенного охотниками. Он взял что-то со стола и принялся вертеть в своих огромных руках. Я разглядел, что это тот самый миниатюрный портрет, который стоял на его столе в Доме обращения.

– Над делом Реформации нависла угроза, Мэтью, – негромко проговорил Кромвель. – Я знаю, об этом сейчас много говорят, но истинное положение вещей хуже всяких слухов. Герцог Норфолк и епископ Гардинер постоянно вливают яд в уши королю и настраивают его против меня. Король боится, и опасения его день ото дня усугубляются. Он боится, что чтение Библии лишит простых людей покорности и смирения и в результате страна будет ввергнута в кровавый хаос, подобный тому, что устроили анабаптисты в Мюнстере. Убежденные сторонники реформы рискуют угодить на костер. Вы слышали о том, что Роберт Барнс арестован?

– Да, – кивнул я и горестно вздохнул. Разговор этот был слишком тяжел для меня.

– Постановление из шести догматов, которое короля вынудили принять в прошлом году, – это очевидный отказ от прежних позиций, возвращение на путь, ведущий к владычеству Рима. Теперь король хочет запретить низшим классам читать Библию. Сейчас он больше всего опасается военного вторжения...

– Но Англия сможет защитить себя...

– Оставьте, Мэтью. Нам ни за что не устоять против совместного удара, нанесенного Францией и Испанией. На наше счастье, король Франциск и император Карл никак не могут договориться друг с другом. Сейчас вражда между ними вспыхнула с новой силой, и угроза нападения на Англию несколько ослабела. Но в любой момент все может измениться.

Кромвель снова взял миниатюру и положил ее на обложку Библии.

– Помню, раньше вы очень неплохо рисовали, Мэтью. Вы по-прежнему занимаетесь этим?

– Нет, милорд, – ответил я, удивленный столь резкой сменой предмета разговора. – В последнее время мне не до живописи.

– Скажите, каково ваше мнение об этом портрете?

Я внимательно посмотрел на миниатюру. На портрете была изображена молодая женщина с привлекательным, хотя и не слишком выразительным лицом. Каждая деталь была выписана с такой потрясающей точностью, что казалось, вы видите эту молодую особу воочию. Судя по драгоценностям, которыми был расшит ее затейливый головной убор и высокий воротник платья, то была представительница богатого и знатного рода.

– Прекрасная работа, – заметил я. – Такой портрет мог бы принадлежать кисти самого Гольбейна.

– Это и есть Гольбейн, – усмехнулся Кромвель. – А на миниатюре – принцесса Анна Клевская, ныне наша королева. Этот портрет король швырнул мне в лицо. А я поднял его и с тех пор храню у себя. – Кромвель сокрушенно покачал головой. – Я думал, что, устроив брак короля с дочерью немецкого герцога, я разом убью двух зайцев: добьюсь того, что положение Англии в Европе станет более прочным, а процесс Реформации – необратимым. – Он рассме-

ялся отрывистым, горьким смехом. – Два года после кончины королевы Джейн я занимался тем, что подыскивал королю подходящую принцессу. Можете мне поверить, это было нелегко. О нашем монархе ходит недобрая слава.

Тут Барак предостерегающе кашлянул и бросил на своего господина обеспокоенный взгляд.

– Джек боится, что я наговорю лишнего, – усмехнулся Кромвель. – Но, Мэтью, вы ведь только что дали клятву держать рот на замке.

И он снова вперил в меня взгляд своих пронзительных карих глаз, словно хотел насквозь просверлить мой череп.

– Да, милорд, – ответил я, ощущая, что на лбу выступили капли пота.

– В конце концов герцог Клевский согласился выдать за короля одну из своих дочерей. Прежде чем дать согласие на брак, король пожелал увидеть принцессу Анну собственными глазами, однако при дворе ее отца это требование было сочтено оскорбительным. Тогда я послал в Германию мастера Гольбейна с наказом сделать как можно более точный портрет. Ведь всякому известно, он славится тем, что изображения его чрезвычайно схожи с оригиналом.

– Ни один из европейских художников не в состоянии сравниться с ним, – подхватил я. – Так, значит, король получил этот портрет и...

– Да, король получил этот портрет. Но как судить о том, соответствует ли изображение истине? Все мы выглядим по-разному в разных обстоятельствах, разных позах и при разном освещении. Трудно составить мнение о наружности человека с первого взгляда. Я приказал Гольбейну представить принцессу Анну в наиболее выгодном свете. Он выполнил мой приказ. Увы, то была роковая ошибка. Посмотрите на портрет еще раз.

– Она изображена анфас, – пробормотал я. – Возможно, в профиль она выглядит не столь привлекательно.

– Вы совершенно правы, Мэтью. До тех пор пока не увидишь ее в профиль, ни за что не догадаешься, какой у нее длинный нос. К тому же по этому портрету нельзя судить о ее нескладном, ссохшемся теле, от которого постоянно разит потом. И о том, что она ни слова не говорит по-английски. – Плечи Кромвеля устало поникли. – В январе, когда принцесса Анна сошла на берег в Рочестере, она с первого взгляда произвела на короля отталкивающее впечатление. А теперь герцог Норфолкский завлекает короля прелестями своей племянницы. Он подучил эту девчонку, как поймать столь крупную рыбу в свои сети. Кэтрин Говард очень хороша собой, ей еще не исполнилось семнадцати. Что ж удивительного, что король попался? Стоит ему увидеть эту юную красотку, у него слюнки начинают течь – в точности как у пса перед куском свежего мяса. Меня он без конца упрекает за то, что я устроил его женитьбу с фламандской кобылой – так он называет леди Анну. И если король добьется того, что этот брак будет расторгнут, и женится на племяннице Норфолка, мне конец. Говарды непременно добьются моей казни и возвращения Англии под власть Рима.

– И тогда все начинания, предпринятые за последние десять лет, пойдут прахом, – медленно проговорил я. – Все страдания и смерти, которые повлекла за собой Реформация, окажутся бессмысленными.

– Хуже, чем бессмысленными, – проронил Кромвель. – Многих реформаторов ожидает участь, по сравнению с которой участь обезглавленного Томаса Мора покажется завидной. – Он сжал свои тяжелые кулаки, встал, подошел к окну и остановился там, глядя на лужайку. – Я делаю все, чтобы обнаружить тайные пружины заговора папистов и открыть королю глаза на истинные намерения некоторых его приближенных. По моему приказу уже арестованы лорд Лисл и епископ Сэмпсон. Последний брошен в Тауэр и уже имел случай познакомиться с дыбой. Но пока мне не удастся нащупать нити заговора. Противник слишком хитер. – Кромвель резко повернулся и взглянул мне прямо в лицо. – Я рассказал королю о греческом огне, и он тут же захотел увидеть его в действии. Вы же знаете, король обожает оружие. А все, что

связано с флотом, вызывает у него особый интерес. Самое горячее его желание – сделать флот Англии мощным и непобедимым. Тогда мы смогли бы навсегда изгнать Францию с южного побережья. Итак, пообещав королю греческий огонь, я вернул себе его расположение. – Кромвель вновь сжал кулаки. – Враги Англии дорого заплатили бы за формулу. Дабы избежать совершения подобной сделки, я направил тайных соглядатаев в дома всех иностранных послов, все морские порты находятся под неусыпным наблюдением. Мэтью, мне необходимо получить эту формулу. Сегодня двадцать девятое мая. Через двенадцать дней я во что бы то ни стало должен представить греческий огонь королю.

К немалому своему изумлению, я испытал чувство, которое никогда не испытывал по отношению к Томасу Кромвелю. То было сожаление. Впрочем, напомнил я себе, загнанный зверь бывает очень опасен.

Кромвель тяжело опустился на стул и сунул злосчастную миниатюру в карман мантии.

– Для того чтобы обратиться ко мне, Майкл Гривстуд прибег к помощи трех посредников, – сообщил он. – Кроме прямых участников этого дела, они – единственные, кому известно о существовании греческого огня. Двое из них – законники, члены корпорации Линкольнс-Инн, хорошо вам известны. Имя первого – Стивен Билкнэп...

– Господи боже, опять Билкнэп. Этому человеку совершенно нельзя доверять. Но насколько мне известно, он поссорился с Гривстудом.

– Я тоже об этом слышал. Как видно, они нашли путь к примирению.

– Сейчас я как раз веду иск против Билкнэпа.

– Знаю, – кивнул Кромвель. – Вы рассчитываете выиграть?

– Если в нашем суде существует справедливость, я непременно выиграю.

– Так или иначе, поговорите с Билкнэпом и постарайтесь выяснить, не рассказывал ли он о греческом огне кому-нибудь еще, – произнес Кромвель. – Боюсь, он не удержался, хотя я передавал ему через Гривстуда настоятельную просьбу помалкивать об этом деле.

– Возможно, Билкнэп побоялся вас послушаться. Он очень осмотрителен. Хотя иногда жадность берет в нем верх над осторожностью.

– Выясните, что и кому он рассказывал, – распорядился Кромвель. – Так вот, Билкнэп был первым в цепочке. Когда Гривстуд сообщил ему о греческом огне, он решил найти человека, который имеет ко мне доступ. И обратился к Уильяму Марчмаунту.

– Неужели? Помню, в прошлом у них были какие-то общие дела. Но Билкнэп – слишком темная лошадка. По-моему, Марчмаунт старается держаться в стороне от подобных людей.

– Марчмаунт вращается в кругах, близких к папистам. Это меня очень настораживает. Расспросите его. Можете прибегнуть к угрозам, можете – к лести. Если считаете нужным, пообещайте ему денег. Думаю, вы сами лучше знаете, каким способом развязать ему язык.

– Надеюсь, мне удастся вызвать его на откровенность, милорд. Но кто же был третьим в цепочке?

– Марчмаунт передал эту историю одной нашей общей знакомой. Леди Брейнстон.

У меня глаза полезли на лоб от удивления.

– Я познакомился с ней всего несколько дней назад. И она сразу пообещала пригласить меня на обед.

– Да, на прошлой неделе я упомянул ваше имя за столом в присутствии леди Брейнстон. Уже тогда я подумывал о том, чтобы прибегнуть к вашей помощи. Очень хорошо, что вы получили приглашение на обед. У вас будет удобный случай поговорить с хозяйкой дома.

– Я непременно поговорю с леди Брейнстон, милорд. Но вот что я хотел сказать: если мне предстоит расследовать столь сложное дело, я должен...

– Что?

– Узнать о греческом огне как можно больше. Необходимо выяснить, что это за вещество, как оно было открыто и как использовалось на протяжении всей своей истории.

– Делайте все, что сочтете нужным, Мэтью. Но помните, время поджигает. Барак своими глазами видел греческий огонь в действии, он расскажет вам, что это такое. Он может даже сопроводить вас в Дептфорд, на заброшенную пристань, где были сожжены корабли.

– Я должен также поговорить с монастырским библиотекарем. И возможно, посетить монастырь Святого Варфоломея, где был обнаружен греческий огонь.

– Вижу, Мэтью, вы до сих пор не уверены, что греческий огонь существует в действительности, – с холодной улыбкой изрек Кромвель. – Что ж, скоро все ваши сомнения исчезнут. Что до Бернарда Кайтчина, брата Бернарда, как звали его в монастыре, я уже давно пытаюсь его найти. С тех самых пор, как ко мне обратилась леди Онор. Библиотекаря надо предупредить, чтобы не болтал лишнего. Но, подобно многим бывшим монахам, он куда-то бесследно сгинул.

– Я справлюсь о нем в Палате перераспределения монастырского имущества. Возможно, он обращался туда, чтобы получить пенсию.

– Палата перераспределения – вотчина Ричарда Рича, – кивнул Кромвель. – Помните, Рич ничего не должен знать об этом деле. Впрочем, вам не составит труда изобрести причину, по которой вы интересуетесь старым монахом. – Кромвель вновь впери в меня взгляд. – Я не доверяю сэру Ричарду. Благодаря мне он вошел в королевский совет, но за все мои благодеяния отплатил черной неблагодарностью. Он прекрасно знает, что против меня готовится заговор, и лишь выжидает подходящего момента, чтобы переметнуться в стан моих врагов. Если он сообщит королю о том, что я упустил греческий огонь...

Кромвель смолк и многозначительно вскинул бровь.

– Думаю, мне стоит еще раз поговорить с мистрис Гривстуд, – заметил я. – По моим ощущениям, она о чем-то умалчивает.

– Разумеется, поговорите с ней.

– И наконец, я должен посоветоваться с человеком, сведущим в вопросах алхимии. У меня на примете есть такой. Один аптекарь.

– Надеюсь, не тот страховидный монах из Скарнси? – нахмурившись, осведомился Кромвель.

– Именно он. Поверьте, милорд, этот человек обладает глубокими познаниями. И я не собираюсь посвящать его в это дело. Лишь задам несколько сугубо научных вопросов. Разумеется, если возникнет надобность.

– Не вздумайте рассказывать ему о греческом огне, Мэтью. Насколько мне известно, еще три столетия назад формула его в очередной раз была обнаружена. Но тогда совет в Латерне наложил запрет на ее использование. Заявил, что применение столь сокрушительного оружия слишком жестоко и может повлечь за собой тягостные последствия. Бывший монах, скорее всего, сочтет, что его долг – содействовать выполнению, а не нарушению этого запрета. Или, может быть, пожелает передать формулу Англии или Испании, где католичество по-прежнему процветает и монахи благоденствуют.

– Он никогда не сделает ничего подобного. В этом вы можете не сомневаться, милорд.

– Я вижу, это дело возбудило ваш интерес, Мэтью, – неожиданно улыбнулся Кромвель.

– Да, тут есть над чем поломать голову.

– Если вам что-нибудь понадобится, безотлагательно обращайтесь ко мне, – кивнул Кромвель. – Но помните, времени у нас мало. Вы должны действовать быстро и решительно. Джек будет во всем помогать вам. Он сметливый и проворный малый.

Я в растерянности уставился на Барака. Должно быть, чувства мои слишком откровенно отразились на лице, ибо Барак скривил губы в саркастической ухмылке.

– Я привык работать один, – заявил я.

– Но в этом деле вам не обойтись без помощника. Будет удобнее, если Джек пока поживет у вас. Бесспорно, манеры у него грубоватые, но, думаю, вы скоро с этим смиритесь.

Я уже имел возможность убедиться, что Барак отнюдь не питает ко мне доверия. Сейчас мне пришло в голову, что Кромвель тоже не вполне полагается на мою лояльность. Несомненно, он приставил ко мне Барака лишь затем, чтобы тот следил за мной и сообщал своему господину обо всех моих действиях.

– Милорд, – проговорил я после недолгого колебания, – несмотря на срочность вашего поручения, мне придется уделять время и делу Уэнтвортов, про которое вам хорошо известно.

– Я ничего не имею против, – пожал плечами Кромвель. – Более того, Джек по мере возможностей будет помогать вам и в этом деле. Но, сами понимаете, греческий огонь – прежде всего.

Взгляд его пронзительных карих глаз встретился с моим.

– Если вам не удастся найти греческий огонь, пострадаю не только я, но и все мои сторонники. Так что ваша собственная жизнь тоже поставлена на карту.

Кромвель позвонил в колокольчик, и в кабинет вошел Грей. Вид у него был обеспокоенный.

– Грею тоже известно о произошедшем. Каждый день вы будете через него сообщать мне о том, что вам удалось узнать. Все письма и записки направляйте только Грею, и никому другому.

Я кивнул.

– Я никому больше не доверяю, – пробурчал Кромвель. – Ни выскочкам, которых я лично ввел в королевский совет, ни даже своим собственным слугам. Я знаю, среди них полно соглядатаев Норфолка. Но Грей служит мне очень давно, с тех самых пор, когда я только начинал свой путь вверх. Не так ли, Эдвин?

– Да, милорд. Скажите, мастеру Бараку тоже известно о... об этом деле? – добавил он в некотором замешательстве.

– Известно.

Грей ничего не ответил, лишь прикусил губу. Кромвель внимательно посмотрел на него.

– Мэтью способен разрешить все вопросы, которые требуют проникательности и острого ума, – заявил он.

– Да, в этом деле подобные качества необходимы, – заметил Грей.

– Но для разрешения некоторых вопросов необходима также твердая и сильная рука. Как раз такая, как у Джека.

Я бросил взгляд на Барака. Он неотрывно смотрел на своего господина. В глазах Джека плескалась тревога, и я понял, что судьба Кромвеля волнует его до глубины души. Возможно, потому, что судьба эта неотделима от его собственной.

Глава 9

Когда мы вышли из кабинета, Барак заявил, что ему надо кое-что захватить. Я вывел из конюшни Канцлера и в ожидании своего новоиспеченного помощника принялся прохаживаться по двору. До меня доносился приглушенный гул голосов, резкие восклицания: «Не толкайтесь! Не напирайте!» Как видно, раздача милостыни началась.

Мысли мои пребывали в полном смятении. Неужели Кромвель так близок к падению? Неужели угроза, нависшая над Реформацией, так велика? Мне вспомнился недавний разговор с Годфри, а также слухи о неудачном браке короля, упорно ходившие по городу. И хотя мой реформистский пыл давно угас, перспектива скорого возвращения к папизму с его бессмысленными предрассудками и суевериями казалась мне ужасающей. К тому же я слишком хорошо понимал, что подобный поворот вспять чреват новым кровопролитием.

А тут еще этот невежа Барак свалился на мою голову. Теперь мне придется постоянно терпеть общество молодого грубияна, который отнюдь не считает нужным относиться ко мне с уважением.

– Чума его забори! – вслух пробормотал я.

– Кого это вы так честите? – раздался за моей спиной насмешливый голос.

Обернувшись, я увидел Барака и покраснел от смущения.

– Я тоже иной раз не могу удержаться от крепкого словца, – сообщил он, не дожидаясь моего ответа. – Правда, характер у меня вспыльчивый. А вот про вас милорд сказал, что вы законченный меланхолик. И предпочитаете держать свои чувства при себе.

– Обычно я так и делаю, – отрезал я, не пускаясь в дальнейшие объяснения.

На плече у Барака висела большая кожаная сумка.

– Здесь бумаги из аббатства и различные сведения о греческом огне, которые удалось собрать графу, – сообщил он, заметив мой взгляд.

Барак вскочил на свою вороную кобылу, и мы выехали из ворот.

– Я умираю от голода, – признался он. – Надеюсь, ваша домоправительница хорошо готовит?

– Без особых изысков, но сытно, – коротко ответил я.

– Вы скоро увидите с дядей той девушки? – продолжал расспрашивать Барак.

– Как только вернусь домой, пошлю ему записку.

– Милорд спас ее от пресса, – сказал Барак. – Жуткая смерть.

– Пока она лишь получила отсрочку на двенадцать дней. Это отнюдь не много, когда предстоит распутать два столь сложных дела.

– Да, разобраться тут будет не просто, – покачал головой Барак. – Вы правильно решили, что надо еще раз поговорить с матушкой Гривстуд.

– Почему с матушкой? Насколько я понял, у нее нет детей.

– Да? Неудивительно. Думаю, у ее мужа не было большой охоты покрывать эту старую облезлую овцу. Хотя нет, на овцу она не слишком похожа. Скорее уж на выдру. Или на ворону.

– Не знаю, почему вы так невзлюбили эту бедную женщину. Но так или иначе, неприязнь – это еще не повод для подозрения, – назидательно изрек я.

Барак в ответ пробормотал что-то нечленораздельное. Я внимательно посмотрел на него и добавил:

– Ваш господин весьма озабочен тем, чтобы сэр Ричард Рич оставался в неведении относительно греческого огня.

– Еще бы! Если Рич пронюхает о нем и об утраченной формуле, он непременно обернет это против графа. Рич так высоко поднялся только благодаря лорду Кромвелю. Но, как сказал

милорд, он не из тех, кто способен на благодарность. Ради собственной выгоды он отца родного продаст. Сами знаете, какая о нем ходит слава.

– Знаю. Он начал свое восхождение, дав ложные показания на процессе Томаса Мора. Говорят, он сделал это по настоящей просьбе лорда Кромвеля.

В ответ Барак лишь пожал плечами. До Эли-плейс мы ехали в молчании. Неожиданно Барак подъехал ко мне вплотную и прошептал:

– Не смотрите по сторонам. За нами следят.

– Вы уверены? – удивленно спросил я.

– Почти уверен. Несколько раз я украдкой оглядывался и заметил одного и того же странного малого. Похоже, этот шельмец следует за нами по пятам. Давайте свернем в церковь Святого Андрея.

Барак подъехал к воротам и быстро соскочил с лошади. Я тоже спешился, хотя и не так проворно.

– Побыстрее, – сквозь зубы процедил Барак и, взяв кобылу под уздцы, завел ее за высокую стену, окружавшую церковь.

Я последовал за ним. Притаившись за воротами, Барак осторожно выглянул на улицу.

– Смотрите, вот он, наш преследователь, – почти беззвучно выдохнул Барак. – Только не высовывайте голову слишком далеко.

По улице двигалось множество горожан, несколько карет и повозок и лишь один всадник, восседавший на белой лошади. То был молодой человек, примерно одних лет с Баракком. По всей видимости, он никогда не давал себе труда расчесывать собственные густые каштановые волосы, спутанные и всклокоченные. По виду он не походил на простолюдина, но лицо его так густо было усыпано отметинами, оставленными оспой, что напоминало головку старого сыра. Мы с Баракком молча наблюдали, как наш преследователь остановился и, прислонив ладонь ко лбу, чтобы защитить глаза от солнца, окинул взглядом дорогу, ведущую к Холборн-Бар. Барак потянул меня за руку.

– Этот олух упустил нас из виду, – довольно прошептал он. – Отойдите подальше, не то он вас заметит. Ну и отвратная рожа, прости господи. Похоже, черти изрыли ее своими лопатами.

Я нахмурился, показывая Баракку, что не следует столь бесцеремонно хватать меня. Но он лишь расплылся в улыбке, весьма довольный, что ему удалось обвести рябого вокруг пальца.

– Идемте, обогнем церковь и вернемся по Шу-лейн, – распорядился он и взял свою лошадь под уздцы.

Я двинулся вслед за ним по дорожке, идущей вдоль церковного двора.

– Кто это? – спросил я, когда мы обогнули здание.

Барак шел так быстро, что, поспевая за ним, я изрядно запыхался.

– Понятия не имею, – пожал он плечами. – Видно, мерзавец преследует нас с тех самых пор, как мы вышли из дома графа. Надо признать, малый он ловкий и осторожный – ведь я заметил его совсем недавно.

Барак ловко вскочил в седло, а я принялся неуклюже взбираться на Канцлера. Сегодня мне целый день пришлось мотаться верхом туда-сюда, и злосчастная моя спина невыносимо ныла.

Барак бросил на меня любопытный взгляд:

– Справитесь сами?

– Да, – угрюмо процедил я, наконец взгромоздившись в седло.

– Если вам нужна помощь, я всегда готов подать руку. Я не верю в глупые приметы и не боюсь прикасаться к горбунам.

Я уставился на него, лишившись дара речи от подобной бестактности. Барак же, беззаботно насвистывая, свернул на Шу-лейн.

Почти весь путь до дому я молчал, глубоко уязвленный дерзостью Джека. Однако мне предстояло провести несколько дней в обществе этого невоспитанного нахала и потому следовало узнать о нем побольше.

– На последней неделе за мной следили уже два раза, – нарушил я молчание. – Сначала вы, потом этот рябой.

– Да, мне пришлось потратить на вас уйму времени, – нимало не смутившись, ответил Барак. – Его светлость приказал мне выяснить, каким делом вы сейчас занимаетесь и сможете ли вы справиться с поручением, которое он намерен вам дать. Понаблюдав за вами, я доложил, что действуете вы решительно и, судя по всему, на вас можно положиться.

– Спасибо за лестный отзыв. Насколько я понял, вы давно работаете на графа?

– О да. Мой отец перебрался в Лондон из Путни, из тех самых мест, где отец графа держал харчевню. Когда отец умер, мне предложили поступить на службу к лорду Кромвелю. До той поры мне приходилось заниматься разными делами, так что в Лондоне у меня были всякого рода связи, – сообщил Барак с циничной улыбкой. – И граф счел, что я могу быть ему полезен.

– А чем занимался ваш отец?

– Он исполнял почетную должность золотаря, иными словами, чистил выгребные ямы. Бедный старый олух. Как-то раз он упал в одну из них и утонул в дерьме.

Несмотря на нарочито равнодушный тон Барака, на его лице мелькнула тень.

– Мне очень жаль, – сказал я.

– Теперь я один как перст, – жизнерадостно сообщил Барак. – На всем белом свете у меня нет ни единого родственника. А у вас?

– Отец мой, слава богу, жив. У него ферма в Личфилде, в Центральных графствах.

Сообщив об этом, я ощутил легкий укол совести. Отец был уже стар, однако за весь год я ни разу не выбрал времени, чтобы навестить его.

– Так вы из деревни? Где же вы получили образование? Там что, была школа?

– Конечно. Я ходил в школу при Личфилдском монастыре.

– Я тоже учился в монастырской школе, – с гордостью сообщил Барак. – Даже латынь знаю.

– Вот как?

– Да, я ходил в школу при монастыре Святого Павла, и меня там все считали сообразительным малым. Но после смерти отца мне пришлось самому о себе заботиться. Тут уж стало не до учения.

По лицу его вновь пробежала тень, и в глазах мелькнуло странное выражение: то ли грусти, то ли обиды.

– Вот здесь бумаги, которые граф велел передать вам, – сказал он и похлопал свою кожаную сумку. – Они написаны по-латыни, и я вполне могу разобрать, о чем там говорится.

Когда мы подъехали к воротам, Барак принялся с откровенным любопытством разглядывать мой дом. Я видел, что многочисленные окна и высокие дымовые трубы произвели на него впечатление.

– Неплохо вы устроились, – произнес он, вскинув бровь.

– Теперь, когда мы приехали домой, нам надо кое о чем договориться, – заметил я. – Давайте скажем слугам, что вы представитель одного из моих клиентов и помогаете мне работать над делом.

– Будь по-вашему, – кивнул Барак. – А у вас что, много слуг?

– Двое, – ответил я. – Джоан Вуд, экономка, и мальчик-конюх. И вот еще что. Я попросил бы вас также обращаться ко мне должным образом, – добавил я, вперив в него строгий взгляд. – Конечно, учитывая разницу в нашем положении, вам следовало бы обращаться ко мне «сэр». Но я готов смириться с обращением «мастер Шардлейк». По крайней мере, это звучит вполне

уважительно. Надеюсь, разговаривая со мной, вы более не будете забывать, что имеете дело не с собственным братом или, скажем, с собакой.

– Постараюсь, – осклабился Барак. – Подать вам руку, сэр?

– Я вполне справлюсь без вашей помощи.

Когда мы спешили, из дома вышел Саймон. Мальчишка восхищенно уставился на лошадь Барака.

– Ее зовут Сьюки, – представил Барак свою кобылу. – Ухаживай за ней хорошенько, парень, а уж я в долгу не останусь. – Он подмигнул Саймону. – Иногда она любит пожевать морковку.

– Хорошо, сэр. Я обязательно угощу ее морковкой.

Саймон поклонился и увел лошадей. Барак проводил его взглядом.

– Почему вы не купите мальчишке башмаки? – осведомился он. – Он изрежет все ноги в кровь об острые камни и корни деревьев.

– Он не любит ходить в башмаках. Мы с Джоан уже пробовали его обуть. Но безуспешно.

– Да, с непривычки ходить в башмаках ужасно неудобно, – кивнул Барак. – Кажется, будто ноги заковали в колодки.

В дверях появилась Джоан и бросила на Барака изумленный взгляд.

– Добрый день, сэр, – обратилась она ко мне. – Дозволено мне будет узнать, как прошло сегодняшнее заседание суда?

– Нам удалось добиться отсрочки для Элизабет, – сообщил я. – Через двенадцать дней состоится повторное слушание ее дела. Джоан, это мастер Джек. Он поживет у нас некоторое время. Поможет в работе над одним делом, которое я только что получил. Вы не могли бы приготовить для него комнату?

– Да, конечно, сэр.

Барак поклонился и наградил Джоан обворожительной улыбкой, ничуть не похожей на насмешливую ухмылку, с которой он обращался ко мне.

– Мастер Шардлейк не сказал мне, что его экономка столь милостива, – заявил он.

Круглое лицо Джоан вспыхнуло от удовольствия, она поспешно поправила сидящую прядь, выбившуюся из-под чепца, и смущенно пробормотала:

– Ах что вы, сэр...

Я уставился на нее, изумленный тем, что моя проницательная экономка купилась на столь грубую лесть. Меж тем Джоан, все еще польхая румянцем, повела Барака вверх. Как видно, женщины, падкие на грубоватое мужское обаяние, находят Барака неотразимым, решил я.

– В этой комнате давно никто не жил, сэр, – смущенно лепетала Джоан, поднимаясь по лестнице. – Но там все прибрано.

Я вошел в гостиную. Окно было открыто, и гобелены, на которых представлена история Иосифа и его братьев, колыхались под дуновением теплого ветра. Пол покрывали новые тростниковые циновки, испускавшие резкий запах полыни, которую Джоан использовала, чтобы отпугнуть блох.

Вспомнив, что надо написать Джозефу и договориться о встрече, я поднялся в свой кабинет. Проходя мимо комнаты Барака, я услышал, как моя экономка, словно курица, что-то возбужденно кудахчет об одеялах.

Джоан подавала ужин несколько раньше, чем обычно. День был постный, так что мы довольствовались жареной форелью и большой миской клубники. Благодаря необычно теплой весне клубника в этом году поспела рано. Перед едой я прочел молитву, чего давно уже не делал, ужиная в одиночестве.

– Возблагодарим Бога за пищу, которую он послал нам. Аминь, – провозгласил я.

Барак закрыл глаза и склонил голову. Стоило мне произнести последние слова, как он жадно набросился на еду. Судя по тому, что куски рыбы отправлялись в рот прямо ножом, о хороших манерах он не имел даже отдаленного представления.

«Любопытно, каковы его религиозные убеждения?» – думал я, глядя на него.

Хотя вполне может быть, у этого малого вообще нет никаких убеждений.

– После ужина я отдам вам все эти книги и бумаги, – с набитым ртом сказал Барак. – Богом клянусь, там говорится о диковинных вещах.

– Я ознакомлюсь с этими бумагами и решу, как нам следует действовать дальше, – заявил я, решив, что настал подходящий момент напомнить, кто из нас главный. – Но прежде всего я должен составить об этом деле ясное представление. Насколько я помню, первым, кто узнал о греческом огне, был монах-библиотекарь, – принялся я перечислять, загибая пальцы. – Затем Майкл Гривстуд сообщил о нем Билкнэпу, а тот, в свою очередь, Марчмаунту. Марчмаунт рассказал леди Онор, та рассказала Кромвелю. Итак, у нас трое подозреваемых. Полагаю, старого монаха можно смело сбросить со счетов.

– Почему?

– Потому что тот, кто действует против нас, нанял двух негодяев, которые разделались с Гривстудами. Неужели вы думаете, что кто-то из двух законников или леди Онор собственноручно зарубили братьев топором? Подобное вряд ли возможно. Зато все они вполне в состоянии воспользоваться услугами наемных убийц. В отличие от бывшего монастырского библиотекаря, который сейчас живет на весьма скромную пенсию. Я по-прежнему намерен поговорить с ним – так или иначе, он был свидетелем того, как нашли это вещество. Что до Билкнэпа и Марчмаунта, я непременно увижусь с ними завтра, в Линкольнс-Инн. В главном зале дается тожественный обед в честь герцога Норфолка.

Услышав это имя, Барак скривился от отвращения.

– Мерзкий старый олух, – процедил он. – Он ненавидит милорда.

– Об этом знают все, – кивнул я. – Завтра утром мы с вами побываем на пристани, где сожгли старые корабли. А еще я постараюсь повидаться с Джозефом. Потом необходимо съездить в Палату перераспределения. Сейчас у них столько работы, что они открыты даже по воскресеньям. Один раз я могу себе позволить пропустить церковную службу. А вы?

– В моем приходе в Чипсайде слишком много людей. Все они снуют туда-сюда, так что викарий вряд ли берет на заметку, кто пришел в церковь, а кто нет.

Весьма довольный тем, что мне удалось так быстро наметить план ближайших действий, я удостоил Барака улыбкой, столь же насмешливой, как и его собственная.

– Я имел в виду нечто другое. Вы уверены, что за минувшую неделю не совершили серьезных грехов? Вы не чувствуете потребности покаяться в них перед Господом?

– Я служу королевскому верховному викарию, – заявил Барак, недоуменно вскинув бровь. – А король, как известно, является Божьим помазанником. И если я служу королю верой и правдой, значит я выполняю волю Господа.

– Вы и в самом деле в это верите?

– А как же иначе? – ответил он вопросом на вопрос и ухмыльнулся.

Я взял несколько ягод и передал миску Бараку. Он вывалил на свою тарелку половину клубники и щедро сдобрил ее сливками.

– Пока что я не решил, как нам лучше подступиться к леди Онор, – заметил я. – Тут нельзя действовать с наскока.

– Свои званые вечера она обычно устраивает по вторникам, – кивнул Барак. – Если до понедельника вы не получите приглашения, я попрошу графа напомнить ей о том, что вас следует включить в число гостей.

– Вижу, вы всячески стараетесь мне помочь, – изрек я, придав своему голосу снисходительные нотки.

– Именно так.

– Значит, вы вполне согласны с ролью моего помощника?

– Конечно, – пожал он плечами. – Ведь его светлость просил меня всячески вам содействовать. Он знает, на что я способен. И я тоже знаю себе цену. А на этого надутого старого олуха Грея я просто не обращаю внимания. Он меня терпеть не может, потому что я не привык разводить церемонии. А он слишком много о себе воображает. Считает, что разбирается в делах графа лучше, чем сам граф. Да только в чем он может разбираться, чернильная душа!

Я не дал себя отвлечь и вновь вернулся к занимавшему меня вопросу:

– Итак, ныне вы мой помощник. Однако поначалу вы действовали как соглядатай, ведущий за мной слежку.

Хотя Барак явно не желал продолжать неприятный разговор.

– А что до дела Уэнтвортов, тут с первого взгляда видно, что девчонка не виновата, – заявил он. – Знаете, о ком я вспомнил, глядя на нее в суде? О Джоне Ламберте. Том самом, которого сожгли на костре.

Я слишком хорошо помнил о сожжении Джона Ламберта. То был первый протестантский проповедник, который, по мнению короля, зашел слишком далеко. Полтора года назад он был обвинен в ереси за то, что отвергал возможность превращения хлеба и вина в плоть и кровь Христову. Сам король, в качестве верховного судьи и главы Церкви, вынес ему смертный приговор. То было первым серьезным отступлением с пути Реформации.

– Жестокая казнь, – пробормотал я, вперив в Барака испытующий взгляд.

– Вы на ней присутствовали?

– Нет. Я не охотник до подобных зрелищ.

– Милорд настаивает, чтобы его приближенные присутствовали на казнях еретиков и государственных изменников. Он считает, что таким образом они доказывают свою верность королю.

– Знаю. В свое время он заставил меня присутствовать на казни Анны Болейн.

На мгновение я закрыл глаза, охваченный тягостными воспоминаниями.

– Ламберт умирал медленно. Огонь долго не мог высушить всю его кровь, – донесся до меня голос Барака.

Взглянув на него, я с облегчением убедился, что на лице его мелькнуло выражение ужаса и отвращения. Смерть на костре – одна из самых мучительных, и в дни, когда обвинениям в ереси и государственной измене не было числа, подобного конца опасался каждый. Я вздрогнул и провел рукой по лбу. Голова у меня горела. Как видно, ее напекло солнцем.

– Знаете, почему та девушка напомнила мне Ламберта? – продолжал Барак, опершись локтями о стол. – Он подошел к столбу молча, опустив голову, и ни словом не ответил на насмешки толпы. Она держалась так же. Потом, на костре, он, конечно, кричал во весь голос, – добавил Барак. – Тут любой закричит.

– Вы хотите сказать, что Элизабет держалась как мученица?

– Да, именно мученица, – кивнул Барак. – Это самое подходящее слово.

– Но почему?

– Откуда мне знать? – Он пожал плечами. – Вы правы, что собираетесь поговорить с ее родными. Уверен, побывав у них дома, вы многое поймете.

Мысль о том, что Элизабет ведет себя как мученица, до сих пор не приходила мне в голову, но теперь я понял, насколько она справедлива. Я внимательно посмотрел на Барака. Кем бы ни был этот малый, он отнюдь не глуп.

– Я отправил Саймона с запиской к Джозефу, – сообщил я, поднимаясь из-за стола. – Попросил его зайти сюда завтра к полудню. А до этого мы должны осмотреть место, где вы видели греческий огонь в действии. Так что встать придется рано. Где она расположена, эта пристань?

– Вниз по реке, сразу за Дептфордом.
– А сейчас я должен просмотреть бумаги. Будьте любезны, принесите их.
– Хорошо. – Барак с готовностью вскочил. – Вижу, вы не привыкли терять времени даром. Весь завтрашний день расписали по часам. Милорд в вас не ошибся. Не зря он говорил, что вы сразу сообразите, с какого конца братья за дело.

Солнце уже клонилось к закату, когда я устроился в саду, чтобы ознакомиться с содержимым сумки Барака. За последние два года я немало сделал для украшения собственного сада и часто сидел там, наслаждаясь тишиной и ароматом цветов. Замысел сада был чрезвычайно прост: квадратные клумбы разделялись решетками, увитыми плющом. Мне вовсе не хотелось любоваться всякого рода замысловатыми выдумками, которые порождают лишь недоумение; в саду моем царили простота, покой и порядок. Когда-то я думал, что благодаря реформам покой и порядок воцарятся во всем мире, однако давно уже осознал всю тщетность подобных надежд. В последнее время я все чаще мечтал о том, чтобы оставить Лондон, перебраться в деревню и там предаться безмятежной и тихой жизни. Однако до исполнения этого намерения было слишком далеко. Радуясь, что наконец остался в одиночестве, я устроился на скамье и раскрыл сумку.

Первым делом я взялся за бумаги, привезенные Майклом Гривстудом из монастыря. То были несколько древних рукописей, которые монахи-переписчики замечательно проиллюстрировали. В каждой из этих рукописей давалось подробное описание того, как использовать греческий огонь. Иногда авторы называли его также «летучий огонь», иногда «дьяволовы слезы», иногда «темный огонь».

Последнее название привело меня в замешательство.

«Как может огонь быть темным?» – в недоумении спрашивал я себя.

Странное видение предстало перед моим внутренним взором: черный огонь, извергаемый черными глыбами угля. Но тут речь шла совсем о другом.

В сумке обнаружилась также страница, написанная по-гречески. По всей видимости, она была вырвана из книги, посвященной жизнеописанию византийского императора Алексея Первого, который правил четыре столетия назад. Вот что там говорилось:

«На носу каждой из византийских галер имелась труба, увенчанная головой льва, коя была отлита из позолоченной меди. Грозный вид сей головы наводил ужас, а через разверстную ее пасть извергался огонь, который воины направляли на врага благодаря особому устройству. Пизанцы в страхе бежали, ибо они никогда прежде не видели подобного изобретения и были поражены тем, что огонь, который обычно устремляется вверх, может направляться в любую сторону согласно воле человека».

Я отложил страницу. Любопытно, куда исчез аппарат, при помощи которого метал огонь братья Гривстуд? Скорее всего, неизвестные злоумышленники забрали его из дома на Вулфлейн. Но подобное устройство, выполненное из металла, должно быть тяжелым и громоздким. На руках его не унесешь. Неужели убийцы подогнали к самому дому повозку? Так и не найдя ответа на этот вопрос, я прочел еще один фрагмент, в котором говорилось о том, как огромная арабская флотилия, в 678 году от Рождества Христова вознамерившаяся захватить Константинополь, была полностью уничтожена летучим огнем. Пламя испепелило вражеские корабли прямо на воде.

Утомленными от чтения глазами я окинул лужайку. Пламя, которое горит на воде, пламя, которое человек может направлять по собственному усмотрению. Все это казалось мне совершенно невозможным. Впрочем, я имел весьма смутные представления об алхимии и о чудесах, которых можно достичь посредством соединения различных элементов.

Среди бумаг оказалась лишь одна, написанная по-английски, неровным, корявым почерком.

«Я, Алан Сент-Джон, в прошлом солдат Константина Палеолога, императора Византийского, – говорилось там, – составляю сие завещание в больнице монастыря Святого Варфоломея, в Смитфилде, в одиннадцатый день марта 1454 года».

«То есть примерно год спустя после того, как Константинополь был захвачен турками», – вспомнил я.

«Мне сказали, что смерть моя близка, и я должен покаяться в своих прегрешениях, коих совершил немало, ибо всю свою жизнь я шел тернистым путем наемного солдата. Добрые монахи этой благословенной обители ухаживают за мной с тех пор, как я вернулся на родину после падения Константинополя. Но несмотря на их попечения, тяжкие раны, полученные мною в битвах, в самом скором времени сведут меня в могилу. В заботе, коей окружили меня мои братья во Христе, я вижу проявление любви, которую Господь питает ко всем своим чадам. Поэтому именно монахам я оставляю все документы, в которых содержится тайна греческого огня, известная лишь византийцам. Тайна эта на протяжении столетий передавалась от императора к императору и наконец была утеряна, так же как и последний бочонок с греческим огнем, который волею судеб оказался в моих руках. Один из константинопольских библиотекарей, разбирая хранилище, дабы спасти книги от наступающих язычников, обнаружил бочонок и бумаги. Он вверил их моему попечению, прежде чем оба мы оставили город на одном из кораблей, присланных венецианцами. Я не обучен читать ни по-гречески, ни по-латыни и намеревался, вернувшись в Англию, показать эти бумаги алхимикам. Однако тяжкая болезнь лишила меня возможности выполнить сие намерение. Надеюсь, Господь простит меня, ибо я собирался извлечь выгоду из доверенной мне тайны. Но теперь, когда я покидаю сей мир, деньги мне более ни к чему. Добрые монахи говорят, что такова Божья воля. Господь помешал мне открыть эту ужасную тайну, ибо она неминуемо принесла бы страждущему человечеству лишь новые несчастья и разрушения. Неудивительно, что элемент, который является главной составляющей греческого огня, называется „слезы дьявола“. Покидая сей мир, я завещаю эту тайну монахам, ибо лишь они способны распорядиться ею согласно воле Господа».

Я отложил исписанный листок. Итак, монахи, сознавая, сколь опасное оружие оказалось в их руках, предпочли спрятать и документы, и бочонок в надежном месте. Откуда им было знать, что девяносто лет спустя король Генрих и Кромвель прогонят их прочь и разрушат обитель. Картины падения Константинополя, величайшей трагедии нашей эры, пронеслись перед моим внутренним взором. Я видел, как солдаты и мирные жители в страхе покидают обреченный город, как они мечутся по пристани, погружаясь на венецианские корабли, а за городскими стенами раздаются громовые залпы орудий и дикие крики турок.

Я собрал все бумаги вместе и понюхал их. От них исходил едва заметный аромат мускуса, легкий и приятный. Взяв оставшиеся документы, я убедился, что они испускают тот же самый запах. Он ничуть не походил на ладан, и вряд ли бумаги пропитались им в монастырском погребе. Никогда прежде я не встречался с подобным запахом.

Я провел за чтением два часа; солнце опускалось все ниже и ниже, в воздухе закружились вечерние мотыльки. Привлеченные светом свечей, которые Саймон зажег в доме, они упорно бились в оконные стекла.

Отложив бумаги в сторону, я некоторое время наблюдал за мотыльками. Последние отблески заходящего солнца золотили верхушки деревьев, издали доносилось мычание коров, которые возвращались с пастбища. Немного отдохнув, я принялся за книги.

По большей части то были греческие и латинские труды, в которых упоминались вещества и явления, сходные с греческим огнем. Я прочел древнюю афинскую легенду о магическом одеянии, которое, износившись, превращается в огонь, прочел отрывок из труда Плиния, где описывались заводи Евфрата, полные легковоспламеняющейся тины. Вне всякого сомнения, историки лишь повторяли далекие от правдоподобия рассказы неизвестных очевидцев, не имея понятия о том, как производится греческий огонь. Среди книг оказалась также пара

алхимических трудов, в которых обсуждались вопросы, связанные с философским камнем, наставления Гермеса Трисмегиста, а также определялись соответствия между металлами, звездами и живыми созданиями. Пробежав глазами несколько страниц, я убедился, что книги эти так же далеки от моего понимания, как и та, что я взял в лаборатории Сепултуса.

В последнюю очередь я рассмотрел пергамент, который Кромвель показал мне в своем кабинете. На рисунке был изображен корабль, извергающий греческий огонь, верхняя часть листка была оторвана. Я провел пальцами по неровному краю. Кусок ветхого пергамента стоил Майклу Гривстуду жизни.

– Уж лучше бы монахи сразу все уничтожили, – прошептал я вслух.

Тут по дорожке раздалась шаги, и, вскинув голову, я увидел Барака. Он с любопытством рассматривал клумбы.

– Как приятно пахнут эти цветы, – заявил он и кивнул на бумаги, лежавшие рядом со мной на скамье. – Ну, что вы обо всем этом думаете?

– Пока что мне в голову не пришло никаких толковых соображений. Одно могу сказать – о греческом огне написано немало, но, судя по всему, никто из писавших не представляет, какова природа этого вещества. Что до алхимических трудов, то они являют собой собрание туманных намеков и загадочных терминов.

– Как-то раз я попытался прочесть законоведческий трактат, – с ухмылкой заявил Барак. – И у меня сложилось в точности такое же впечатление.

– Надеюсь, Гай сумеет прояснить для нас смысл этих книг, – сказал я, пропустив мимо ушей его выпад.

– Этот старый черный монах – ваш приятель? В квартале, где я живу, его хорошо знают. Богом клянусь, его наружность способна навести страх на всякого.

– Этот человек обладает большими знаниями.

– Да, у нас, поблизости от Олд-Бардж, многие так говорят.

– Значит, вы живете в Олд-Бардж?

– Да. Местечко не слишком приятное, не то что у вас. Зато оно в самом центре Лондона, а мне частенько приходится бывать по делам в Сити.

Барак опустил на скамью и метнул на меня испытующий взгляд.

– Каким бы знатоком ни был ваш ученый монах, вы должны открыть ему как можно меньше. Смотрите, не пускайтесь в лишние откровенности.

– Я всего лишь попрошу его пояснить мне, о чем говорится в этих книгах. Скажу, что это связано с делом одного моего клиента. Гай не будет допытываться, что к чему. Он прекрасно знает, что я, как адвокат, должен хранить секреты клиентов.

– Гай Малтон, так называет себя этот черный аптекар, – задумчиво произнес Барак. – Бьюсь об заклад, при рождении он получил совсем другое имя.

– Да, раньше его звали Мохаммед Элакбар. Его родители приняли христианство после падения Гранады. Кстати, если уж речь зашла об именах, ваше собственное тоже звучит довольно странно. Барак похоже на Барух, имя, которое встречается в Ветхом Завете. Теперь сторонники Реформации часто дают своим детям подобные имена. Но ведь вы, насколько я могу судить, родились задолго до того, как они вошли в моду.

Барак расхохотался и вытянул свои длинные ноги.

– Сразу видно, вы большой знаток по части имен. Да, отец мой происходит из еврейской семьи, которая давным-давно приняла христианство. Иначе всех моих предков вышибли бы прочь из Англии. Я вспоминаю об этом всякий раз, когда встречаюсь с графом в Доме общения. Так что, скорее всего, предки мои и в самом деле носили фамилию Барух. У меня есть талисман, крохотная золотая коробочка, которую мне подарил отец. Он говорил, что в нашей семье она передавалась из поколения в поколение. Это все, что он оставил мне в наследство, бедный старый олух.

В насмешливом взгляде Барака вновь мелькнула печаль.

– А еще что-нибудь вам удалось узнать из этих бумаг? – спросил он.

– Нет. Но я предполагаю, что монахи спрятали формулу и бочонок с греческим огнем в церковном подвале, так как сознавали: использование этого вещества грозит человечеству большими бедствиями. – Я пристально посмотрел на Джека. – И они были совершенно правы. Трудно представить себе все разрушения, на которые способно подобное оружие.

Барак ответил мне столь же пристальным взглядом.

– Новое мощное оружие может спасти Англию от вражеского вторжения. А значит, отыскать его необходимо, – отчеканил он.

– Расскажите подробнее о том, что представляет собой греческий огонь в действии, – решил я сменить тему разговора. – Ведь вы видели это собственными глазами.

– Непременно расскажу. Только завтра, когда мы будем на пристани. А сейчас я уйду в город. Пришел сюда, чтобы сказать вам об этом. Во-первых, мне надо захватить из дома кое-какие вещи. Во-вторых, я хочу прогуляться по тавернам – может, кто из моих осведомителей знает того рябого, который сегодня нас преследовал. И наконец, я собираюсь встретиться с одной славной пухленькой девчонкой. Так что вернусь поздно. Дадите мне ключ от входной двери?

– Ключ попросите у Джоан, – сказал я, метнув в него неодобрительный взгляд. – И не слишком долго гуляйте. Завтра нам рано вставать.

– Не беспокойтесь, я вовсе не намерен валяться в постели до полудня. Увидите сами, я не имею привычки бездельничать, – с улыбкой заявил Барак, которого мое неодобрение ничуть не смутило.

– Надеюсь, что нет.

– Да и девчонка моя тоже любит вставать спозаранку. Она вообще отличается редким прилежанием.

И, многозначительно подмигнув мне, он повернулся и поспешил прочь.

Глава 10

Этой ночью я почти не спал. Удушливая жара и многочисленные образы, теснившиеся у меня перед глазами, не давали мне забыть. Я видел Элизабет, распростертую на грязном полу камеры, усталое, встревоженное лицо Кромвеля, трупы, изрубленные топором. Я слышал, как далеко за полночь вернулся Барак и, стараясь не шуметь, поднялся в свою комнату. Встав с кровати, я преклонил колена и в душевной темноте просил Господа ниспослать мне сон, в котором я столь нуждаюсь, а также удачу в делах, ожидающих меня грядущим днем. В последнее время я молился намного меньше, чем прежде, ощущая, что слова мои, вместо того чтобы возноситься к Богу, растворяются в моем собственном сознании, подобно дыму. Однако, вернувшись в постель, я провалился в сон и проснулся уже при свете дня. Сквозь открытое окно в комнату проникал теплый ветерок, и Джоан звала меня к завтраку.

Несмотря на беспокойную ночь, Барак сиял, как новая монета, и жаждал бурной деятельности. Он сообщил мне, что ему не удалось ничего выяснить о рябом, но, несомненно, в самом скором времени он нападет на его след. Покончив с завтраком, мы спустились к реке, чтобы нанять лодку. Еще не пробило семь. Я редко покидал дом в столь ранний час, в особенности по воскресеньям, и мне непривычно было видеть город столь пустынным и тихим. Желающих переправиться через реку не было, и лодочники терпеливо ожидали ранних пассажиров у ступеней Темпла. Было время отлива, и к лодке нам пришлось идти по узкому дощатому настилу, проложенному по толстому слою ины. Волны выбросили на берег раздутый труп осла, который испускал столь невыносимое зловоние, что я зажал нос. Наконец мы усадились в лодку, и перевозчик погреб на середину реки.

– Хотите войти в стремнину под Лондонским мостом? – спросил он. – Это будет вам стоить еще два пенса.

Лицо молодого парня уродовали многочисленные шрамы, вне всякого сомнения полученные в драках, которые служат для лондонских лодочников излюбленным развлечением. Я колебался, но Барак опередил меня.

– Давай, – заявил он. – Сейчас вода стоит низко и течение не сильное. Так что мы не слишком рискуем.

Я вцепился в борта лодки, когда мы пронеслись под огромным мостом, на котором теснились дома. Однако лодочник ловко проскочил меж опорами, и мы устремились вниз по реке, мимо Биллингейта, где стояли на якоре огромные морские суда, мимо Тауэра, чей грозный силуэт четко вырисовывался на фоне безоблачного неба. Когда мы проплывали мимо новых морских доков в Дептфорде, я в изумлении уставился на огромный военный корабль «Мэри Роз». Мачты его возвышались над крышами стоявших на берегу домов, подобно шпилям готических соборов.

За Дептфордом дома, тянувшиеся вдоль берега, исчезли, а река стала шире, так что дальний берег теперь был едва различим. Сразу за кромкой воды начинались бескрайние болота, поросшие тростником. Редкие пристани, которые мы проплывали, имели заброшенный вид, ибо суда теперь вставали на якорь выше по течению.

– Вон то, что нам надо, – кивнул наконец Барак.

Впереди я увидел обветшалый причал, стоявший на деревянных опорах. За ним расстилалась пустошь, покрытая выгоревшей на солнце травой. У самого причала притулился полуразвалившийся дощатый сарай.

– Я ожидал увидеть что-то более впечатляющее, – заметил я.

– Его светлость выбрал эту пристань, потому что здесь никогда не бывает ни души, – пояснил Барак.

Лодочник подплыл к причалу и, остановившись, прикрепил к его краю веревочную лестницу. Барак ловко вскарабкался наверх, я последовал его примеру, хотя и без особого проворства.

– Вернешься за нами через час, – распорядился Барак, бросив лодочнику несколько монет. Тот кивнул и отчалил, оставив нас в одиночестве.

Я огляделся по сторонам. Вокруг царил тишина, лишь камыши, качаемые легким ветерком, тихонько перешептывались. Над поверхностью воды у берега порхали разноцветные бабочки.

– Пойду загляну в сарай, – сказал Барак. – Вдруг там поселились какие-нибудь бродяги.

Он подошел к сараю и стал заглядывать в широкие щели между досками. Тем временем взгляд мой привлекла веревка, свисающая из кольца на железной швартовой тумбе. То был узловатый толстый пеньковый канат, которым обычно привязывают корабли. Потянув за него, я обнаружил, что длина каната составляет не более двух футов, а конец его почернел и обуглился.

Шаткая пристань заскрипела под ногами Барака.

– Никого нет, – сообщил он и протянул мне кожаную флягу. – Хотите выпить?

– Спасибо, не откажусь.

Я отвинтил пробку и глотнул слабого пива. Барак кивнул на канат, который я по-прежнему держал в руке.

– Вот и все, что осталось от старого корабля.

– Расскажите мне, как это произошло.

– Давайте отойдем в тень.

Мы устроились в тени сарая. Несколько мгновений Барак молча смотрел на реку, потом взял у меня флягу, сделал пару глотков и начал свой рассказ. Против всех моих ожиданий речь его текла плавно и гладко: как видно, воспоминания о пережитом потрясении заставили Барака отказаться от своей обычной отрывистой и грубоватой манеры.

– В марте милорд приказал мне купить старый весельный корабль на мое собственное имя и перегнать его сюда. В одном из доков я отыскал вполне подходящее корыто, длиной около тридцати футов, приобрел его, спустил вниз по реке и поставил здесь на якорь.

– Как-то раз мне довелось проделать на весельном судне путь из Сассекса в Лондон, – вставил я.

– А, значит, вы знаете, что это такое. Длинная неповоротливая посудина. То корыто, что я купил, оказалось на редкость тяжеловесным. На нем перевозили уголь из Ньюкасла, и оно было снабжено и веслами, и парусами. А назвалось оно «Бонавентюр». Название это французское, и корабль, который его носит, должен целым и невредимым выходить из всех передряг, – добавил Барак, покачав головой. – Я уже сказал, милорд выбрал именно эту пристань потому, что здесь всегда пустынно и безлюдно. Он приказал мне прибыть сюда на рассвете, когда на реке точно не будет ни единой лодки, и ждать его. Сказал, что мне предстоит стать свидетелем удивительного события. «Хотя, вполне вероятно, мы с вами не увидим ровным счетом ничего», – заявил он напоследок. Как бы то ни было, я приехал сюда верхом еще затемно. Признаться, это было чертовски трудно: пробираться в темноте по узким тропкам, которые ведут через болота. Старый корабль стоял у пристани. Разумеется, желающих похитить такую раздолбанную посудину не нашлось. Я привязал Сьюки и принялся прохаживаться взад-вперед, чтобы немного согреть ноги. Вскорости вошло солнце. Речные птицы встретили его такими пронзительными криками, что я несколько раз вздрогнул. А потом до меня донесся цокот лошадиных копыт, треск камыша, и я увидел милорда. Он тоже прибыл верхом, в сопровождении двух человек. Странно было видеть его в столь пустынном и заброшенном месте. Одна из лошадей тащила тележку, на которой под кучей тряпья было спрятано что-то громоздкое.

Всадники въехали на пристань и спешили. Тогда я в первый раз увидел братьев Гривстуд, упокой Господь их души. Судя по виду, они не слишком процветали.

– Да, – кивнул я. – Майкл был не слишком удачливым поверенным. Из тех, кому достаются только незначительные дела. По большей части он выполнял различные поручения других адвокатов. Иными словами, мелкая сошка.

– Понятно, – бросил Барак так резко, что я недоуменно взглянул на него. – Так вот, оба брата были худыми и низкорослыми, и они метали на милорда опасливые взгляды. А граф все время хмурился и явно был чем-то недоволен. Наверное, он считал, что ввязываться в подобное дело – ниже его достоинства. Я понимал: если Гривстуды обманут его ожидания, им придется горько об этом пожалеть. На одном из братьев была маленькая круглая шапочка и длинная мантия – в общем, полный наряд алхимика. Правда, все это было забрызгано грязью, ведь ему пришлось скакать верхом через болота. А господин мой был в простом черном плаще, который он обычно надевает, когда путешествует в одиночестве. Он представил меня Гривстудам, и они оба сняли шапки и поклонились мне так низко, словно перед ними был сиятельный вельможа.

При этом воспоминании Барак расхохотался.

– Я еще подумал, что никогда прежде не встречал таких потешных олухов. Милорд приказал мне привязать лошадей у сарая, там, где я оставил Сьюки. Когда я вернулся, братья как раз разгружали тележку. Они привезли с собой какие-то диковинные предметы, назначение которых было мне совершенно непонятно: длинную тонкую медную трубу и большой металлический ручной насос, вроде тех, что используются в водопроводе. Граф подошел ко мне и тихо сказал: «Давай осмотрим корабль, Джек. Я хочу убедиться, что здесь нет никакого мошенничества». Тогда я отважился спросить его, для чего все эти приготовления. Он с сомнением взглянул на братьев, которые как раз выгружали из тележки большой железный бак. Судя по тому, как они пытели и обливались потом, он был заполнен чем-то тяжелым. Граф недоверчиво вскинул бровь и сказал, что Сепултус – алхимик, он изобрел какой-то невиданный аппарат и обещал показать его в действии. А потом мы поднялись на корабль. Вместе с графом я самым тщательным образом осмотрел судно от кормы до носа. Милорд даже заглянул в трюм и выбрался оттуда, кашляя от угольной пыли. Однако мы не нашли ничего, что свидетельствовало бы о готовящемся обмане. На старой посудине все было в точности так, как в тот день, когда я по дешевке купил ее у торговца кораблями. Когда мы вышли на палубу, братья уже установили на причале свой аппарат, – продолжал Барак. – К металлическому баку они присоединили насос и тонкую трубу. Я ощутил, что из бака исходит какой-то неприятный и на редкость пронзительный запах. Казалось, он через ноздри проникает прямо в мозг. Никогда прежде я не испытывал ничего подобного.

– Расскажите подробнее о том, как выглядел аппарат.

– Трубка была полая, как дуло ружья. Думаю, длина ее составляла около двенадцати футов. Один ее конец, как я уже сказал, был прикреплен к баку. А над другим братья закрепили фитиль – комок пакли, пропитанной свечным салом.

– А какого размера был бак? В него могла бы вместиться целая бочка жидкости?

– Могла бы, – кивнул Барак. – Но я не знаю, был ли он полон.

– Да, конечно. Прошу вас, продолжайте.

– Когда мы с графом сошли на пристань, Гривстуды уже установили бак на большой деревянный треножник. К своему удивлению, я увидел, что они пытаются разжечь под треножником огонь и возятся с кремнем. Наконец им это удалось. «Горит! – в волнении закричал Майкл Гривстуд. – Горит! Отойдите подальше, милорд, подальше от трубы». Милорд, несомненно, был поражен подобной бесцеремонностью, однако повиновался и встал рядом с братьями. Я последовал его примеру, совершенно не представляя, что должно произойти в ближайшие минуты.

Барак замолчал и уставился на крохотные водовороты, бурлившие у пристани, – наступало время прилива.

– Все случилось очень быстро, – вновь заговорил он. – Майкл выхватил из огня горящий прут и зажег фитиль. Потом он подбежал к насосу и вместе с Сепултусом принялся что есть сил качать его. Наконец из трубы вырвался сноп желтого пламени длиной примерно в двенадцать футов. С громовым ревом пламя рассекло воздух и ударило в бок корабля. Видели бы вы, как оно свистело и вращалось в воздухе. Словно что-то... живое.

– Словно огонь, извергаемый драконом, – подсказал я.

– Да, – вздрогнув, кивнул Барак. – Корабль немедленно вспыхнул. Казалось, пламя набросилось на него и принялось с жадностью пожирать, подобно беспощадному хищнику. Горящие обломки падали на воду, и, Богом клянусь, я видел, как вода горит. Видел собственными глазами, как по воде бегали огненные дорожки. Я даже испугался, что сейчас вспыхнет вся река, от пристани до Лондона. Потом братья повернули трубу, снова взяли за насос, и новый язык пламени, такой яркий, что на него больно было смотреть, ударил в корму корабля. Да, этот летучий огонь чрезвычайно походил на чудовищное животное. Корабль превратился в плавучий костер. Жар, испускаемый пламенем, был невыносим. От горящего корабля нас отделяло не менее двадцати футов, но я чувствовал, как пылает мое лицо. Еще несколько залпов, и бедная старая посуда загорелась от кормы до носа. Даже птицы, щебетавшие на болоте, поднялись в воздух и в испуге улетели прочь. Признаюсь, я был едва жив от страха. Я не слишком крепок в вере, но тут мысленно молился Пресвятой Деве и всем святым, просил их защитить меня. Милорд запретил носить четки, а не то я перебирал бы их так яростно, что наверняка разорвал бы нить. Мы молча наблюдали, как пламя пожирает корабль. Клубы черного дыма поднимались в небо. Я взглянул на графа. Судя по всему, он ничуть не был напуган. Скрестив руки на груди, он смотрел на горящий корабль, и глаза его сверкали от радостного возбуждения. А потом я услышал пронзительное ржание. Думаю, оно раздавалось уже давно, но, пораженный жутким зрелищем, я более ни на что не обращал внимания. Охваченные страхом лошади дрожали и метались. Подбежав к ним, я увидел, что они бьют в воздухе ногами, пытаясь вырвать из земли столбы, к которым были привязаны. Я попытался успокоить их, прежде чем они успели поранить друг друга копытами, и мне это удалось, потому что я умею обращаться с лошадьми. Слава богу, Гривстуды прекратили палить из своего орудия, и жалкие останки корабля пошли ко дну. Когда я вернулся на пристань, бедная посуда уже скрылась под водой. Все, что от нее осталось, – обгорелый обрывок каната, который вы видели. Господин мой благосклонно говорил с Гривстудами, а они буквально сияли от счастья, хотя вся их одежда насквозь пропиталась потом. Потом они принялись разбирать свой аппарат и складывать его на тележку.

Барак усмехнулся и покачал головой.

– Вокруг вновь царили тишина и покой. Сгоревший корабль исчез, языки пламени, слава богу, больше не лизали воду. Трудно было поверить, что несколько минут назад в этом тихом месте произошло столь невероятное событие: здоровенный веселый корабль за считанные минуты превратился в горстку пепла.

Барак испустил глубокий вздох и сдвинул брови.

– Но как бы то ни было, это случилось у меня на глазах. Потом, когда Гривстуды уже уехали, граф сообщил мне, что чудовищное пламя называется «греческий огонь». Еще он сказал, что формулу этого вещества Майкл Гривстуд обнаружил в монастыре Святого Варфоломея, и приказал мне держать увиденное в строжайшей тайне.

Я кивнул и подошел к краю пристани. Барак последовал за мной.

– Братья Гривстуд дважды показывали, на что способен греческий огонь. Во второй раз вы тоже присутствовали? – спросил я, глядя на темную мутную воду.

– Нет. Милорд приказал мне найти еще одно судно, больше прежнего. Я приобрел старый корабль и доставил его сюда. Но наблюдать за его сожжением граф отправился без меня. Потом он рассказал мне, что второе судно постигла в точности та же самая участь. Так что на дне наверняка гниют останки обоих кораблей, – добавил он, взглянув на реку.

– Значит, для того чтобы извергать греческий огонь, необходим особый аппарат, – задумчиво произнес я. – Гривуды не могли сделать его без посторонней помощи. Хотел бы я знать, кто им помогал. И где они хранили столь громоздкое сооружение?

– Теперь, когда вы слышали мой рассказ, вы верите в то, что греческий огонь действительно существует? – спросил Барак, испытующе глядя на меня.

– Я верю, что вы видели нечто необычайное, – уклончиво ответил я.

На середине реки появился торговый корабль, огромное судно, возвращавшееся в Лондон из какого-то удаленного уголка света. Легкий ветерок раздувал его паруса, высокий нос гордо разрезал волны. Матросы на палубе, заметив нас, принялись кричать и приветственно размахивать руками. Как видно, мы были первыми англичанами, которых они встретили на родной земле. Корабль скрылся из виду, а перед глазами у меня стояла кошмарная картина: я видел, как пламя пожирает его высокие мачты, а люди с отчаянными воплями мечутся по горящей палубе.

– Вам наверняка известно, что сейчас многие убеждены в близком конце света, – тихо произнес я. – Скоро этот мир прекратит свое существование, и Христос снова сойдет на землю, дабы вершить Страшный суд.

– И вы тоже в это верите?

– До сегодняшнего дня не верил.

Тут я увидел лодку, которая быстро приближалась к пристани.

– Это за нами. Нам пора возвращаться в Лондон. Надо непременно отыскать монастырского библиотекаря.

Мы приказали лодочнику доставить нас в Вестминстер, ибо Палата перераспределения ныне располагалась в Вестминстер-холле. Одолев ступени высокой лестницы, мы остановились около нового дворца, чтобы перевести дух. Солнце поднялось уже высоко; день вновь выдался невыносимо жарким. Стоило мне заметить фонтан, испускавший слабую струю, как на ум сразу пришли трубы, насосы и баки.

– Значит, именно здесь законники устраивают свои словесные баталии, – изрек Барак, с интересом разглядывая величественный северный фасад Вестминстер-холла, украшенный высокими витражными окнами.

– Да, здесь заседает суд по гражданским делам. Вам доводилось там бывать?

– Бог миловал. Как и большинство честных людей, я стараюсь держаться подальше от подобных мест.

Мы поднялись по ступенькам к северной двери. Стражник, увидев мою адвокатскую мантию, кивнул, и мы вошли внутрь. Зимой это огромное каменное здание промерзает до основания, и все, кто вынужден здесь бывать, отчаянно дрожат от холода. Исключение составляют лишь судьи, которые кутаются в свои меха. Даже сегодня, несмотря на стоящую на улице жару, по спине у меня пробежали мурашки. Барак поднял глаза к головокруглительно высоким резным потолкам, скользнул взглядом по статуям королей, стоявшим в оконных нишах, и восхищенно присвистнул. Свист его отдался эхом под гулкими сводами.

– Да, на Олд-Бейли совсем не похоже.

– Вы правы.

Я окинул взглядом зал. Невысокие перегородки отделяли королевскую скамью от мест, занимаемых гражданским судом и судом лорд-канцлера. Скамьи для судей, лавки, столы были

пусты. Завтра начнется судебная сессия, и тогда в огромном зале яблоку будет негде упасть. Я вспомнил, что на следующей неделе мне предстоит выступать здесь против Билкнэпа.

«Выбрать время для подготовки будет нелегко», – подумал я со вздохом.

Из открытой двери в дальнем конце зала доносился приглушенный гул голосов.

– Идемте, – сказал я Бараку и направился в контору Палаты перераспределения.

Тому, что Палата получила разрешение работать по воскресеньям, удивляться не приходилось. Несомненно, именно эта Палата, занимавшаяся продажей бесчисленных монастырских зданий и назначением пенсий бывшим монахам, была перегружена делами более всех прочих учреждений в королевстве. Войдя в комнату, мы увидели два ряда длинных столов, за которыми сидели погруженные в бумаги клерки. Несколько бедно одетых и явно обеспокоенных женщин пытались что-то доказать издерганному и усталому чиновнику.

– Нашей настоятельнице обещали вернуть большое распятие, – умоляюще повторяла одна из них. – Она намеревалась сохранить его в память о нашей прошлой жизни и...

– Об этом нет никаких упоминаний в акте о роспуске монастыря, – нетерпеливо перебил клерк, взглянув в бумаги. – Не понимаю, чего вы добиваетесь? Вы что, хотите устраивать папистские службы и бормотать по-латыни вокруг вашего распятия? Так это запрещено законом.

Мы с Бараком прошли мимо группы хорошо одетых людей, склонившихся над планом, на котором я различил знакомые очертания монастырских церквей и братских корпусов.

– Если снести все здания, землю можно продать намного выгоднее, – донеслось до меня.

Наконец мы оказались у перегородки с надписью «Пенсии». Здесь не было ни души. Я позвонил в колокольчик. В дверях появился пожилой клерк, явно недовольный тем, что его побеспокоили. Я сообщил, что нам необходимо найти одного бывшего монаха. Клерк заговорил было о том, что он очень занят и нам следует прийти в другой день, однако Барак извлек из кармана печать с гербом Кромвеля и сунул ему под нос. Стоило клерку взглянуть на печать, сердитое выражение на его лице сменилось выражением откровенного подобострастия.

– Разумеется, я сделаю все, что в моих силах, – пролепетал он. – Для меня великая честь помочь графу.

– Мы разыскиваем некоего Бернарда Кайтчина, – сказал я. – В прошлом он служил библиотекарем в монастыре Святого Варфоломея в Смитфилде.

– Думаю, найти его будет нетрудно, – расплылся в угодливой улыбке клерк. – Он недавно обращался к нам за пенсией.

Служащий открыл один из ящичков стола и, вытащив огромную конторскую книгу, принялся ее листать. Минуту спустя он ткнул в одну из записей своим перемазанным чернилами пальцем.

– Вот он. Бернарду Кайтчину назначена ежегодная пенсия в шесть фунтов два пенса. Здесь указано, что он занимает должность священника в часовне при церкви Святого Андрея в Мургейте. Я так полагаю, господа, все эти часовни тоже неплохо бы закрыть, – неожиданно выпалил он. – Ни к чему позволять священникам день за днем бормотать на латыни зауспокойные молитвы. Надеюсь, этому мракобесию скоро положат конец.

Он выжидающе взглянул на нас, рассчитывая, что, будучи людьми Кромвеля, мы выразим бурное одобрение. Но я лишь пробормотал что-то нечленораздельное и, повернув книгу к себе, сам прочел запись.

– Барак, сейчас я вернусь на Канцлер-лейн, мне нужно встретиться с Джозефом. А вы, не откладывая, поезжайте к Кайтчину, – обратился я к своему спутнику. – Скажите ему, что...

Тут я осекся, потому что дверь за спиной клерка распахнулась и, к великому своему изумлению, я увидел Стивена Билкнэпа собственной персоной. На узком его лице застыло хмурое и озабоченное выражение.

– Мастер клерк, мы не закончили, – процедил он. – Сэр Ричард желает узнать...

Увидев меня, Билкнэп, в свою очередь, осекся. В глазах его, которые на мгновение встретились с моими, мелькнуло откровенное удивление.

– Брат Шардлейк...

– Вот уж не думал, брат Билкнэп, что вы занимаетесь пенсиями бывших монахов.

– Да, как правило, я не занимаюсь подобными делами, – с фальшивой улыбкой пробормотал Билкнэп. – Но, видите ли, одному из бывших монахов-пенсионеров предоставлено право на проживание на моих землях в Мургейте. В некотором смысле я несу за него ответственность. Вот и решил выяснить, какая пенсия причитается бедолаге.

– Очень благородно с вашей стороны, – кивнул я и повернулся к клерку. – Мы выяснили все, что хотели. Прощайте, брат Билкнэп, увидимся послезавтра, – добавил я, отвесив Билкнэпу поклон.

Клерк сунул книгу в ящик и скрылся в дверях, пропустив вперед Билкнэпа.

– Все эти рассказы про бедного монаха, которому этот пройдоха помогает получить пенсию, – чистой воды выдумка, – нахмурившись, заметил я. – Хотел бы я знать, что на самом деле привело его сюда?

– Он упомянул имя Рича.

– Да, – кивнул я и добавил после недолгого колебания: – Может, стоит сообщить об этом Кромвелю? Пусть хорошенько расспросит клерка?

– Да, но тогда Рич сразу узнает, что мы были в Палате, и, скорее всего, насторожится.

Барак задумчиво провел рукой по своей спутанной каштановой гриве.

– Где-то я его видел раньше, этого узколицего шельмеца.

– Билкнэпа? Где?

– Не могу сразу вспомнить. Это было давно, но, Богом клянусь, я его уже встречал.

– Идемте, – сказал я. – Мне надо спешить домой, меня ждет Джозеф.

Утром, уходя из дома, я приказал Саймону привести лошадей в Вестминстер и, выйдя из дворца, увидел его у восточной стены. Мальчишка сидел на широкой спине Канцлера, болтая обутыми в новые башмаки ногами. Мы вскочили на лошадей, предоставив Саймону добираться домой пешком, и выехали со двора.

Когда мы пересекали Чаринг-кросс, внимание мое привлекла роскошно одетая дама, восседавшая на холеном мерине. Лицо ее прикрывала от солнца маска, на голове красовался великолепный убор. За нею следовало трое верховых слуг и две раскрасневшиеся от жары камеристки с букетами цветов. Мерин знатной дамы остановился, чтобы опорожнить мочевой пузырь, и вся маленькая процессия замерла в ожидании. Когда мы подъехали ближе, дама обернулась ко мне. Ее глаза, поблескивавшие в прорезях маски, неожиданно привели меня в смущение. Вдруг незнакомка резким движением подняла маску, улыбнулась, и я узнал леди Онор. Казалось, даже в этот томительно знойный день ей прохладно, несмотря на плотную маску и на то, что пышные дамские наряды отнюдь не приспособлены для подобной жары.

Леди Онор приветливо помахала мне:

– Мастер Шардлейк! Надо же, мы снова встретились!

Я остановил Канцлера.

– Счастлив приветствовать вас, леди Онор. Сегодня снова выдался весьма жаркий день.

– Да, жарко. Как я рада, что встретила с вами, – с неподдельным чувством произнесла леди Онор. – Надеюсь, в ближайший вторник вы не откажетесь пообедать у меня?

– Ваше приглашение для меня большая честь, – ответил я с поклоном.

Боковым зрением я видел, что Барак стоит рядом со мной, смиренно потупившись, как положено примерному слуге.

– Стекланный дом на улице Синих Львов, – назвала свой адрес леди Онор. – Любой вам подскажет, где это. Жду вас в пять часов. Подавать будут только сладкие блюда, так что обед не затянется надолго. Но общество соберется чрезвычайно интересное.

- Я буду с нетерпением ждать вторника.
- Кстати, я слышала, что вы защищаете в суде племянницу Эдвина Уэнтворта.
- Похоже, об этом слышал весь Лондон, миледи, – с натянутой улыбкой ответил я.
- Я несколько раз встречала сэра Эдвина на обедах, которые устраивает гильдия торговцев шелком. Он далеко не так умен, как считает сам. Впрочем, деловой сметки и оборотистости у него не отнимешь.
- Вот как?
- О, у вас в глазах уже зажглись любопытные огоньки, – рассмеялась леди Онор. – Сразу видно настоящего адвоката. Не сомневаюсь, больше всего на свете вас занимает то, что связано с делами, находящимися в вашем ведении.
- Я чувствую ответственность за судьбу несчастной девушки, леди Онор.
- Это делает вам честь, – заметила она с едва заметной улыбкой. – К сожалению, я должна вас покинуть. Я собираюсь нанести визит родственникам своего покойного мужа.
- Леди Онор вновь опустила маску на лицо, и маленькая процессия двинулась прочь.
- Экая красавица, – пробормотал Барак, провожая леди Онор взглядом. – А уж до чего пышно разодета...
- Сразу видно истинную леди, – заметил я.
- Только, на мой вкус, она слишком много о себе воображает. Мне нравятся женщины скромные, без затей. А с богатыми вдовушками хлопот не оберешься.
- Насколько я понимаю, вы знавали многих богатых вдовушек, Барак?
- Более чем достаточно.
- Но только эта вам далеко не ровня, – со смехом заметил я.
- Как и вам, – пожал он плечами.
- Неужели вы думаете, что я этого не сознаю? Я не настолько глуп и самонадеян.
- Этой женщине неведомо, что такое нужда, – изрек Барак.
- Разумеется, нет. Впрочем, надо сказать, что многие знатные семьи ныне утратили и свое положение, и значительную часть владений.
- А чья в том вина? – усмехнулся Барак. – Во время войны между Йорком и Ланкастером все эти знатные семейства едва не сожрали друг друга. Нет, новые люди, такие как граф, куда лучше понимают, что нужно стране и что нужно им самим.
- Тем не менее лорд Кромвель придает весьма большое значение своему недавно полученному графству. В этом нет ничего удивительного. Каждый мечтает получить герб. Марчмаунт, например, сделал себя истинным посмешищем, много раз пытаясь убедить Геральдическую палату в собственном знатном происхождении. – Тут в голову мне пришла неожиданная мысль. – Возможно, именно по этой причине он постоянно крутится вокруг леди Онор. Женильба на знатной даме...
- Внезапно я осекся, ощутив, что подобное предположение мне весьма неприятно.
- Что, положили глаз на сию прекрасную леди? – насмешливо осведомился Барак. – Не очень-то разумно с вашей стороны. – Он покачал головой. – По-моему, нет ничего смешнее выскочки, который хочет затесаться в чужое стадо.
- Не затесаться в чужое стадо, а подняться вверх по общественной лестнице. Уверен, карабкаться вверх намного лучше, чем спускаться вниз.
- Вполне вероятно, вы правы, – ухмыльнулся Барак. – Только я не собираюсь никого убеждать в том, что принадлежу к древнему роду. Хотя мог бы.
- Вот как? Ах да, у вас же есть старинный медальон, который оставил вам в наследство отец.
- Да, фамильная реликвия, – важно изрек Джек. – Но я предпочитаю помалкивать о своем происхождении. Многие считают евреев кровопийцами и стяжателями. Многие до сих пор

уверены, что они убивают христианских младенцев. Давайте поедem побыстрее, – вдруг резко сменил он тему. – Мне еще надо отыскать этого старого монаха.

– Если вам удастся найти Кайтчина, попросите его встретиться со мной завтра. В монастыре Святого Варфоломея.

Барак повернулся в седле:

– В монастыре? Но там сейчас живет сэр Ричард Рич. А граф не хочет, чтобы он узнал о нашем деле. Может, Рич уже что-то пронюхал. Не случайно ваш приятель Билкнэп упомянул его имя.

– Барак, так или иначе, мне необходимо осмотреть место, где был найден греческий огонь.

– Будь по-вашему, – недовольно вскинул бровь Барак. – Но мы должны соблюдать осторожность.

– Господи боже, неужели вы думаете, что я этого не понимаю?

Доехав до Канцлер-лейн, мы расстались. Оставшись в одиночестве, я внезапно ощутил приступ тревоги; воспоминания о вчерашнем преследователе, об изрубленных топором телах упорно приходили мне на память. Я вздохнул с облегчением, когда наконец оказался у ворот собственного дома. Оглянувшись по сторонам, я увидел в другом конце улицы Джозефа. Он брел, уныло сторбившись, лицо его казалось озабоченным и печальным. Однако, завидев меня, он улыбнулся и вскинул руку в знак приветствия. Почему-то это тронуло меня до глубины души. Я давно уже не встречал человека, который чувствовал бы ко мне столь сердечное расположение.

Глава 11

Спешившись, я заметил, что у Джозефа измученный вид: очевидно, он очень страдал от жары. Саймон еще не вернулся, так что я попросил Джозефа пройти в дом, а сам отвел Канцлера в конюшню.

Войдя в холл, я снял шляпу и мантию. В доме было немного прохладнее, чем на улице, и я какое-то время постоял в полутьме, ожидая, пока на моем разгоряченном лице высохнут капли пота. Когда я вошел в гостиную, Джозеф, устроившийся в моем кресле, смущенно вскочил. Я протестующе махнул рукой.

– Сидите, сидите. День сегодня чертовски жаркий, и я с удовольствием сяду здесь, – сказал я, придвигая к себе деревянный стул.

Внимательно посмотрев на Джозефа, я различил, что в усталом его взгляде сияет огонек надежды.

– Сэр, мне удалось добиться успеха, – сообщил он. – Мой брат согласен встретиться с вами.

– Отлично, – кивнул я, наливая нам обоим пива из кувшина, который Джоан предусмотрительно оставила на столе. – Как вам удалось его уговорить?

– Это было непросто. Я отправился к нему домой. Им пришлось впустить меня, иначе я поднял бы шум на глазах у слуг. Прорвавшись наконец к Эдвину, я сказал ему, что у вас есть сомнения в виновности Элизабет. Сказал, что вы хотите поговорить со всеми членами семьи, прежде чем решить, стоит ли защищать ее дальше. Поначалу Эдвин держался очень враждебно. Он был зол, что я вмешиваюсь в это дело. А я, признаюсь, не большой мастер лгать и очень боялся, что сам себя выдам.

– Да, Джозеф, то, что вы не умеете кривить душой, видно с первого взгляда, – улыбнулся я.

– Такой уж я уродился. Но ради спасения Лиззи я готов на все. Однако Эдвина мне никак не удавалось уломать. И знаете, кто его убедил? Матушка. Этого я никак не ожидал, ведь она была сильнее всех настроена против бедной девочки, хотя Лиззи и приходится ей родной внучкой. Но матушка заявила, что, поговорив с ними, вы, вне всякого сомнения, убедитесь, что именно Элизабет убила Ральфа. И позвольте семье без помех предаваться печали. Сэр, они ждут вас завтра в десять утра. Вся семья будет в сборе.

– Я непременно приду. Вы молодчина, Джозеф.

– Мне больно было говорить им, что у вас есть сомнения по поводу Лиззи. Ведь я знаю, вы убеждены в том, что она не убивала Ральфа, – добавил он, метнув в меня испытующий взгляд. – Но ведь ложь во спасение – не такой уж тяжкий грех?

– Пока мы живем в этом мире, мы не можем избежать грехов.

– Господь часто ставит нас перед выбором, – изрек Джозеф и грустно покачал головой. – Перед трудным выбором.

Я взглянул на часы, стоявшие на каминной полке. Времени у меня оставалось в обрез.

– Простите, Джозеф, но я вынужден вас покинуть. У меня неотложные дела в Линкольнс-Инн. А с вами мы встретимся завтра у Уолбрукского моста. За несколько минут до десяти.

– Да, конечно, сэр. Я так благодарен вам за то, что вы тратите на нас свое драгоценное время.

– Кстати, Джозеф, вы уже пообедали? Можете перекусить у меня. Я попрошу свою экономку подать вам что-нибудь.

– Вы очень добры ко мне, сэр.

Я поклонился и поспешно вышел из комнаты. Заглянув к Джоан, я попросил ее покормить Джозефа и вновь облачился в свою мантию. Ее выстирали всего день назад, однако она уже успела пропитаться городскими миазмами. Мне необходимо было до начала торжественного обеда застать Марчмаунта и Билкнэпа.

«Бедный честный Джозеф, – думал я, шагая по улице. – Знай он только, в какую кошмарную паутину обмана втянул меня Кромвель, он пулей вылетел бы из моего дома. Впрочем, нет. Со мной он связывает последние надежды на освобождение Элизабет. А ради этой несчастной девочки он, по собственному признанию, готов на все».

По пути в Линкольнс-Инн я припоминал рассказ Барака о сожжении старого корабля. Скептический мой ум мешал мне поверить в существование столь невероятного явления, как греческий огонь. К тому же тут не обошлось без участия алхимика, а эта братия, по моему неколебимому убеждению, способна на всякого род мошенничества. Но в том, что Барак без всяких прикрас поведал о событии, которому сам был свидетелем, я не сомневался. А ни мой новый помощник, ни тем более Кромвель отнюдь не относятся к числу людей, которых легко обвести вокруг пальца. Спору нет, мир этот полон всяких чудес, по большей части пугающих и грозных; не зря многочисленные пророки твердят о близком конце света. И все же в глубине моей души по-прежнему тлеет искра сомнения. Все услышанное сегодня утром от Барака казалось слишком неправдоподобным.

Впрочем, всему можно найти объяснение, возражал я сам себе. Византийцы так тщательно скрывали тайну приготовления греческого огня, что в конце концов они ее утратили. Но в сегодняшней Европе, раздираемой войнами и религиозными противоречиями, подобную тайну сохранить невозможно. В самом скором времени греческий огонь будет пущен в действие, и что тогда? Корабли, горящие на воде, целые флотилии, уничтоженные почти сразу. Я покачал головой, отгоняя жуткую картину. Странно было размышлять о судьбе мира, шагая по пыльной мостовой Канцлер-лейн, где мне, казалось, был знаком каждый камень. Подобные мысли лучше выбросить из головы. Я должен сосредоточиться исключительно на задаче, которую поставил передо мной Кромвель. После того как вчера мы едва ушли от слежки, я постоянно был настороже и озирался по сторонам. Однако по улице спешили лишь облаченные в мантии адвокаты. Старый знакомый помахал мне рукой, и я ответил на приветствие. Бросив мрачный взгляд на Дом обращения, я вошел в ворота Линкольнс-Инн. Привратник отвесил мне поклон.

Прежде всего я отправился в свою контору, ибо должен был оставить записку Годфри. Против всех ожиданий, я обнаружил в конторе Скелли, который, сидя за столом, что-то переписывал. По своему обыкновению, он водил пером ужасно медленно и при этом так низко наклонился, что едва не касался бумаги носом. Завидев меня, он поспешно привстал и поклонился.

– Что это вы решили работать в воскресенье, Джон? И не надо так низко наклоняться, желчь может ударить вам в голову.

– Я слишком долго возился с купчей по делу Бекмана, сэра. Только вчера ее закончил. А сегодня пришел, чтобы переписать соглашение для Соляной компании.

– Что ж, ценю ваше усердие, – улыбнулся я.

Однако стоило мне заглянуть в бумаги через плечо Скелли, улыбка сползла с моего лица. Он не дал себе труда должным образом развести чернила, и документ покрывали многочисленные брызги.

– Это никуда не годится, – непререкаемым тоном заявил я.

Скелли вскинул на меня покрасневшие от напряжения глаза.

– Что-нибудь не так, сэра? – осведомился он дрожащим голосом.

– Чернила слишком жидкие, – рявкнул я, чувствуя, как испуганный взгляд Скелли приводит меня в ярость. – Разве вы не видите: здесь всюду брызги. А через год чернила выцветут так, что никто не разберет ни слова. Столь важные документы следует переписывать густыми черными чернилами.

– Мне очень жаль, сэр.

Его смиренный вид лишь распаял мое негодование.

– Это соглашение необходимо переписать, – распорядился я. – По вашей милости, Скелли, я вынужден расхотать пропасть хорошей бумаги. Мне придется вычестть ее стоимость из вашего жалованья.

Свирепо сдвинув брови, я впери́л взгляд в его перекошенное от страха лицо.

– Что же вы сидите? Принимайтесь за работу.

Дверь в контору Годфри распахнулась, и сам он показался на пороге.

– Что произошло? Мне показалось, я слышу сердитые голоса.

– Джон Скелли и ангела способен вывести из терпения, – процедил я. – Не думал, что вы у себя, Годфри. Разумеется, вы не намерены идти сегодня на обед в честь герцога Норфолка?

– Почему же? – пожал плечами Годфри. – Думаю, мне стоит посмотреть, что представляет собой этот завзятый папист.

– Если уж вы здесь, могу я попросить вас об одном важном одолжении? Пройдемте в мой кабинет.

– Да, конечно.

Я закрыл дверь, оставив в конторе растерянного и несчастного Скелли, и предложил Годфри сесть.

– Годфри, я... одним словом, мне поручили новое дело. Чрезвычайно срочное. В ближайшие две недели я буду вынужден посвятить ему все свои силы. Дело Уэнтвортов я, разумеется, не могу бросить. Ни на что другое у меня просто не останется времени. Вы не могли бы заняться другими моими делами? Конечно, за вознаграждение.

– Буду счастлив помочь вам. А что, иск против Билкнэпа вы тоже хотите передать мне?

– Нет, его я доведу до конца сам. Речь идет обо всех прочих делах.

Годфри устремил на меня изучающий взгляд:

– Вид у вас озабоченный, Мэтью. И даже расстроенный.

– Просто только что на меня напало расстройство, и теперь я виню себя за это. Но с этим новым делом у меня и без того хватает хлопот, а тут еще этот бездельник Скелли...

– А что за новое дело? Что-нибудь интересное?

– Об этом я не имею права говорить. Давайте я покажу, какие дела я хотел бы вам передать, – сказал я, приподнимая кипу бумаг, лежавшую на столе.

Следующие полчаса я знакомил Годфри с делами, находящимися в моем ведении. Дел этих было не так много, я с облегчением убедился, что в течение ближайших дней мне придется выступить в суде один только раз – на процессе Билкнэпа.

– Теперь я ваш должник, – заявил я, когда мы кончили. – Скажите, у вас есть какие-нибудь новости о вашем друге Роберте Барнсе?

– Он по-прежнему в Тауэре, – с тяжким вздохом ответил Годфри.

– Но насколько мне известно, Барнс находится в дружеских отношениях с архиепископом Кранмером. Несомненно, архиепископ будет ходатайствовать о его освобождении.

– Надеюсь, – вновь вздохнул Годфри. – На следующей неделе архиепископу предстоит служить мессу в соборе Святого Павла. Ведь епископ Сэмсон тоже в Тауэре.

Сообщив это, Годфри сжал кулаки. Жест этот напомнил мне, что, несмотря на всю мягкость характера, друг мой неколебим в вопросах веры.

– С Божьей помощью мы дадим отпор всем происка́м папистов, – заявил он.

– Послушайте, Годфри, в ближайшие дни я постараюсь по мере возможности заглядывать в контору, – перевел я разговор на другую тему. – Прошу вас, не давайте Скелли работать спустя рукава, следите, чтобы он не портил документы. У меня сейчас назначена встреча, но мы с вами еще увидимся во время обеда. Еще раз примите мою благодарность, дружище.

Я спустился по лестнице, пересек внутренний двор и направился в контору Марчмаунта. В большом зале суетились слуги, завершая последние приготовления к торжественному обеду. Четыре юридические корпорации постоянно соперничали, стремясь заручиться покровительством сильных мира сего; несмотря на то что политические взгляды герцога Норфолка отнюдь не пользовались одобрением среди многих членов Линкольнс-Инн, его присутствие на сегодняшнем обеде воспринималось как большая удача.

Постучав, я вошел в контору Марчмаунта. Неимоверное количество книг и бумаг, грудами лежавших на полках, произвело впечатление даже на меня. Несмотря на воскресный день, за столом сидел клерк, погруженный в какие-то документы. Он бросил на меня вопрошительный взгляд.

– Барристер у себя?

– Да, сэр, но он очень занят. Сегодня он получил чрезвычайно важное дело в Гражданской палате.

– Скажите ему, что с ним хочет поговорить брат Шардлейк. По поручению лорда Кромвеля.

Глаза клерка расширились от удивления, и, не говоря более ни слова, он исчез в дверях. Через пару секунд он появился вновь и с поклоном пригласил меня войти.

Уильям Марчмаунт, подобно многим барристерам высшего ранга, не только работал, но и жил в Линкольнс-Инн. Его приемная, как и большинство адвокатских приемных, поражала богатством и роскошью обстановки. Стены были оклеены дорогими обоями в красных и зеленых тонах. Сам Марчмаунт восседал в резном кресле с высокой спинкой, которое сделало бы честь епископу. Впечатляющих размеров письменный стол был сплошь завален документами. Крупную фигуру Марчмаунта облекал роскошный желтый камзол с ярко-зеленой отделкой, которая подчеркивала багровый цвет его лица. Редущие рыжеватые волосы были тщательно расчесаны. На кушетке лежала адвокатская мантия, отделанная мехом, а рядом с ней – белая шапочка барристера, свидетельствующая о его высоком звании. Рядом с Марчмаунтом стоял кубок с белым вином.

Уильям пользовался репутацией человека, который весьма горд своим положением и умеет извлечь из него все возможные блага. С тех пор как три года назад он был удостоен звания барристера высшего ранга, его манеры приобрели поистине патрицианское величие, что давало повод для многочисленных острот и шуток. Несомненно, он рассчитывал подняться еще выше и со временем стать судьей. Хотя, по слухам, своим стремительным продвижением он был в значительной степени обязан связям, которые имел в стане противников Реформации, я не мог не отдавать должного его уму и деловой хватке.

Поднявшись, Марчмаунт улыбнулся и слегка склонил голову в знак приветствия. Однако же взгляд его темных глаз был пронзительным и настороженным.

– Добрый день, брат Шардлейк. Надеюсь, вы будете сегодня присутствовать на обеде в честь герцога, который мне удалось устроить.

Он улыбнулся и с нарочитой скромностью опустил взор.

Я понятия не имел о том, что сегодняшняя обед – его рук дело. Впрочем, Марчмаунт относился к числу тех, кто имеет привычку преувеличивать собственные заслуги.

– Да, я буду на этом обеде.

– Как идут ваши дела?

– Неплохо, барристер, спасибо.

– Вы не откажетесь выпить вина, брат Шардлейк?

– Благодарю, но в столь ранний час я обычно не пью.

Марчмаунт вновь опустился в кресло.

– Я слышал, вы занимаетесь делом Уэнтвортов. Должен заметить, дело не из приятных. И полагаю, вряд ли тут можно рассчитывать на большое вознаграждение.

– Вы правы, – ответил я с натянутой улыбкой. – Вознаграждение более чем скромное. Но я пришел, чтобы поговорить с вами о совершенно другом деле. Впрочем, оно тоже связано с убийством, причем весьма жестоким. С убийством Майкла Гривстуда и его брата.

Я внимательно наблюдал, как Марчмаунт отреагирует на мое сообщение. Однако он лишь грустно кивнул и проронил:

– Да, я слышал об этом прискорбном событии.

– Откуда вы о нем слышали, сэр? – резко спросил я. – Согласно приказу лорда Кромвеля это дело содержится в строжайшей тайне.

– Вчера ко мне приходила его вдова, – развел руками Марчмаунт. – Сообщила о смерти мужа и его брата. Сказала, вы заверили ее в том, что дом теперь принадлежит ей, и попросила перевести все бумаги на ее имя. Когда-то муж ее работал на меня, и теперь она рассчитывает на мою помощь. – Марчмаунт прищурился и посмотрел мне прямо в глаза. – Насколько я понимаю, из дома Гривстудов исчезла формула греческого огня?

Слова эти, казалось, повисли в спертом воздухе. Несколько мгновений мы оба выжидающе смотрели друг на друга.

– Да, барристер, – наконец ответил я. – Именно поэтому лорд Кромвель настаивает, чтобы расследование по делу об убийстве братьев Гривстуд проводилось в обстановке строгой секретности. Однако вдова не теряла даром времени, – заметил я. – Странно, что она не обратилась к Билкнэпу. По-моему, он имел с ее мужем больше общих дел.

– У нее нет денег. А Билкнэп не из тех, кто дает советы бесплатно. В отличие от меня. По всей видимости, ей известно, что я занимаюсь благотворительностью и нередко снисхожу к нуждам бедных людей, – заявил Марчмаунт с самодовольной улыбкой. – Конечно, сам я давно уже не веду столь незначительных дел. Но у меня есть знакомый молодой поверенный, который ей поможет.

«Да, – подумал я, – Марчмаунт принадлежит к разряду людей, которые, занимаясь благотворительностью, словно заключают сделку с Господом и ожидают незамедлительного поощрения свыше».

Впрочем, подобная позиция вполне соответствует догматам старой веры. Несомненно, Марчмаунт будет рад, если процесс Реформации пойдет вспять и в церквях вновь возродятся пышные службы на высокопарной латыни.

– Прошу вас, ничего не говорите вашему молодому коллеге об обстоятельствах, при которых мистрис Гривстуд стала вдовой, – не терпящим возражений тоном заявил я. – Повторяю, лорд Кромвель не желает, чтобы это дело приобрело огласку.

Марчмаунт слегка вздернул голову, давая понять, что находит мой повелительный тон неуместным.

– Что ж, я могу сам оформить документы о переходе дома в собственность вдовы Гривстуд, – проронил он. – Кстати, в разговоре с ней я ни словом не упомянул о греческом огне. А она сообщила лишь, что ее муж и его брат убиты. В наше жестокое время это не такая уж большая редкость.

Марчмаунт немного помолчал и осведомился:

– Официальное дознание проводиться не будет?

– Дело находится в ведении лорда Кромвеля, – сообщил я. – И он поручил мне поговорить с каждым, кто знает о существовании греческого огня. Я прошу вас рассказать о своем участии в этом деле, барристер.

Марчмаунт заерзал в кресле, потирая руки. Я заметил, что ладони у него широкие, но холеные и белые, что было даже странно при таком красном лице. На среднем пальце сверкало кольцо с огромным изумрудом. Марчмаунт пытался придать своему лицу выражение безмятежной задумчивости, но я чувствовал, что он встревожен. Новость, которую принесла вдова Гриввуд, наверняка испугала его. Марчмаунт был достаточно умен, чтобы догадаться: Кромвель потребует провести тайное расследование убийства, и каждый, кто каким-то образом возбudit его подозрения, неминуемо окажется в Тауэре.

– Я не слишком хорошо знал Майкла Гриввуда, – наконец процедил Марчмаунт. – Пару лет назад он зашел в мою контору и осведомился, не нужен ли мне помощник. До этого он работал с братом Билкнэпом, но между ними возникла ссора.

– Я слышал об этом. А вам не известна причина, по которой они поссорились?

– Майкл был не слишком щепетилен и не имел ничего против всякого рода темных делишек, – вскинув бровь, сообщил Марчмаунт. – Однако Билкнэп, как известно, не чурается откровенного мошенничества. А с этим Майкл никак не мог смириться. Я сказал ему, что веду все дела в полном соответствии с законом и от своих помощников требую кристальной честности.

Я кивнул, выражая одобрение столь достойной точке зрения.

– Несколько раз я давал Майклу мелкие поручения, однако, говоря откровенно, он справлялся с ними далеко не лучшим образом. В конце концов я счел за благо отказаться от его услуг. Я слышал, что он поступил на работу в Палату перераспределения монастырского имущества. Это меня ничуть не удивило. Эта Палата – самое подходящее место для тех, кто хочет получать выгоду, не слишком утруждаясь. А покойный Майкл был именно таков. Упокой Господи душу раба своего, – торжественно заключил Марчмаунт.

– Аминь, – добавил я.

– Как-то раз, в марте, ко мне в контору зашел брат Билкнэп, – с тяжким вздохом продолжал Марчмаунт. – Он рассказал мне об удивительной находке, которую Майкл сделал в монастыре Святого Варфоломея. Билкнэп хотел попасть на прием к лорду Кромвелю. – Марчмаунт развел руками. – Признаюсь, сначала я решил, что все это чистой воды выдумки, и поднял Билкнэпа на смех. Но потом он принес мне бумаги, и я понял, что в них содержатся сведения, которые... – Он помедлил, подбирая нужное слово. – Которые, во всяком случае, следует принять во внимание.

– Да, я знаком с содержанием этих бумаг. Но вы сказали, Майкл Гриввуд обратился к вам в марте. Однако мне точно известно, что бумаги найдены им осенью. Почему же он медлил целых шесть месяцев?

– Именно этот вопрос я и задал Майклу. Он ответил, что всю зиму они с братом строили по древним чертежам аппарат для метания греческого огня и пытались сами получить это вещество.

– И что же, их попытки увенчались успехом? – спросил я, вспомнив потемневшие стены во дворе Гриввудов.

– Майкл утверждал, что да, – пожал плечами Марчмаунт.

– Итак, вы способствовали тому, чтобы Майкл Гриввуд встретился с лордом Кромвелем. Гриввуд предлагал вам плату за услуги?

– Я никогда бы не взял у него денег, – изрек Марчмаунт, метнув на меня надменный взгляд. – Я помог им встретиться с графом, ибо полагал, что ему следует узнать о столь любопытной находке. Разумеется, сам я не имею доступа к верховному секретарю, – сказал он и сокрушенно махнул рукой. – Для меня это слишком высокие сферы. Однако я имею честь быть знакомым с леди Онор. Эта дама, красота которой вполне отвечает ее выдающимся душевным качествам, часто встречается с графом. Восхитительная особа, – добавил он, и губы его тронула едва заметная улыбка. – Так вот, я отдал бумаги ей и попросил передать их графу.

«Да, ты рассчитывал подняться еще на одну ступеньку по лестнице, ведущей к могуществу и власти», – подумал я.

– А формула? Ведь в тех бумагах, что вы вручили леди Онор, ее не было?

– Нет, не было. Думаю, за исключением самих братьев Гривстуд, никто этой пресловутой формулы не видел. Майкл собственноручно оторвал кусок пергамента, на котором она была записана. Мне он сказал, что спрятал формулу в надежном месте. Он откровенно признавал, что они с братом рассчитывают получить за формулу кругленькую сумму.

– Однако же эти документы являлись монастырской собственностью, а значит, теперь перешли в собственность короля, – заявил я. – Гривстуду следовало доставить их сэру Ричарду Ричу, главе Палаты перераспределения монастырского имущества. А уж тот передал бы их лорду Кромвелю.

– Разумеется, я прекрасно сознавал все это, – развел руками Марчмаунт. – Но что я мог сделать? Я не имею власти над Гривстудом, брат Шардлейк. И я не мог заставить его отдать мне формулу. Можете не сомневаться, первым делом я сказал ему, что он должен безвозмездно передать ее властям, – добавил он, высокомерно вскинув подбородок.

– Итак, вы отдали леди Онор бумаги и сопроводительное письмо.

– Именно так. А потом через нее мне передали письмо от графа, которое я должен был вручить Майклу Гривстуду. Впоследствии через мои руки прошли два или три письма. Все они, разумеется, были запечатаны, и об их содержании мне ничего не известно. Боюсь, это все, что я могу вам сообщить, брат Шардлейк, – сказал он и вновь развел руками. – Я был всего лишь посредником. Ничего об этом загадочном греческом огне я не знаю. Даже не уверен, что он существует в действительности.

– Спасибо, барристер. Вынужден повторить свою просьбу никому не рассказывать об этом деле.

– Я все понял, – кивнул Марчмаунт. – Всегда рад оказать содействие лорду Кромвелю.

– Если вам станут известны какие-нибудь новые сведения относительно греческого огня или же вы что-нибудь вспомните, незамедлительно сообщите мне.

– Разумеется, – изрек Марчмаунт. – Кстати, во вторник мы с вами встретимся вновь, брат Шардлейк. Мы оба приглашены на обед к леди Онор.

– Вот как.

– Дама редкостных достоинств, – заявил Марчмаунт, устремив на меня вопрошающий взгляд. – Ее вы тоже намерены допрашивать?

– Увы, это неизбежно. Я должен задать ей несколько вопросов. Возможно, с вами мне тоже придется поговорить еще раз, – заметил я, поднимаясь. – Не смею более отвлекать вас от дел, барристер. Встретимся во вторник.

Марчмаунт кивнул и улыбнулся, обнажив ровные белые зубы.

– Так как же, греческий огонь существует или нет? – неожиданно спросил он.

– К сожалению, на этот вопрос я не имею права ответить.

Марчмаунт наклонил голову и пристально посмотрел на меня.

– Значит, вы опять работаете на лорда Кромвеля, брат Шардлейк, – негромко произнес он. – Вы знаете, многие полагают, что вы давно уже заслужили звание барристера высшего ранга. В Гражданском суде должны заседать такие люди, как вы, а не ослы, подобные Форбайзеру. Однако же вас обходили званием уже несколько раз. Говорят, причина заключается в том, что вы не пользуетесь расположением сильных мира сего.

– Что ж, пусть говорят, – равнодушно пожал я плечами.

– А еще говорят, что лорд Кромвель может в самом скором времени утратить свое положение, – с лукавой улыбкой добавил Марчмаунт. – Если король сумеет отделаться от королевы Анны, могуществу графа настанет конец.

При этих словах Марчмаунт сокрушенно покачал головой.

– Пусть говорят – вот все, что я могу сказать и в этом случае.

Я догадался, что Марчмаунт меня прощупывает, пытается понять, не отношусь ли я к числу тех, кто, испугавшись слухов о близящемся падении Кромвеля, готов переметнуться в стан религиозных консерваторов. Я не стал рассеивать его сомнений, лишь вперил в него внимательный взгляд, скрестив на груди руки.

Марчмаунт слегка усмехнулся.

– Не буду больше вас задерживать, брат Шардлейк, – произнес он, поднявшись со своего кресла и отвесив мне поклон.

Надменный тон, которым простился со мной Марчмаунт, изрядно меня позабавил. Но, взглянув напоследок в его глаза, я вновь заметил притаившийся в них испуг.

Глава 12

Выйдя во внутренний двор, я увидел, как со всех сторон в Большой зал тянутся законники, облаченные в мантии. Среди них я заметил Билкнэпа, который, по своему обыкновению, шествовал в одиночестве. Друзей среди членов корпорации у него не было, но это обстоятельство, казалось, нимало его не заботило. Времени для серьезного разговора у меня уже не оставалось, и я решил подождать окончания обеда. Присоединившись к толпе, я увидел впереди Годфри и похлопал его по плечу.

Большой зал Линкольнс-Инн был великолепен. Красочные гобелены, покрывавшие стены, выглядели особенно живописно в свете множества свечей. Недавно натертые половицы дубового паркета сверкали. В северной части зала, во главе большого стола для герцога было установлено роскошное резное кресло, подобное трону. Все прочие столы располагались справа от большого и были сервированы превосходными серебряными приборами. Члены корпорации занимали свои места. Среди них было несколько студентов в коротких черных мантиях, которым позволили присутствовать на обеде благодаря их высокому происхождению. Барристеры высшего ранга, отчаянно потевшие в своих белых шапках, заняли самые близкие к герцогу скамьи, старшины корпорации и простые адвокаты довольствовались более дальними.

В качестве старшин мы с Годфри имели право сидеть рядом с барристерами. К немалому моему удивлению, Годфри, усиленно работая плечами, протолкался к скамье, расположенной как можно ближе к герцогу. Я уселся рядом с ним. По другую сторону от меня расположился пожилой старшина по имени Фокс. Он всем надоел бесконечными рассказами о том, как во времена Ричарда Третьего, будучи студентом Линкольнс-Инн, наблюдал за возведением Большого зала. Оглядевшись по сторонам, я увидел Билкнэпа, который сражался с каким-то адвокатом за место напротив меня. Несмотря на то что Билкнэп занимался адвокатской практикой уже пятнадцать лет, вследствие сомнительной своей репутации он отнюдь не пользовался уважением среди собратьев по сословию. Тем не менее он громогласно заявлял свое право на место за почетным столом. В конце концов адвокат счел за благо уступить, как видно, решив, что подобный спор ниже его достоинства. Билкнэп сел, буквально лучась от самодовольства.

Слуга ударил посохом об пол. Все встали. В зал вошли члены правления Линкольнс-Инн. Среди их черных мантий пламенела одна ярко-алая, отороченная широкой полосой белого меха. Она облекала Томаса Говарда, третьего герцога Норфолкского. Я с удивлением заметил, что вельможа невысок ростом и не отличается крепким сложением. К тому же он пребывал в преклонном возрасте – вытянутое лицо избороздили глубокие морщины, а жидкие волосы, спадающие на плечи из-под усеянной драгоценными камнями шляпы, были совершенно седыми.

«Какая заурядная наружность, – пронеслось у меня в голове, – будь герцог в обычном костюме, он ничем не привлек бы к себе внимания».

Дюжина слуг в красно-золотых ливреях дома Говардов встала у стены вдоль всего зала.

Члены правления корпорации, беспрестанно улыбаясь и кланяясь, пригласили герцога садиться. Я видел, что Марчмаунт занял место за большим столом. Он не входил в правление Линкольнс-Инн, но, судя по всему, действительно сыграл решающую роль в устройстве этого обеда. На его красном лице застыло торжествующее выражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.